

Корпорация
“Исполнение
желаний”

ВЕРОНИКА МЕЛАН

Вероника Мелан Корпорация «Исполнение желаний»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4245955

Аннотация

На что вы готовы ради близких людей? Такой вопрос для Шерин Мур не стоял. Узнав о похищении любимого, она решилась пойти на риск и заняла в долг огромную сумму денег у таинственной «Корпорации – Исполнение Желаний». Вот только что же они попросят взамен и когда настанет тот день? Об этом Корпорация поначалу умалчивает. Но однажды тот день наступил, и привычная размеренная жизнь рухнула, словно картонный домик. Незнакомые люди, посылка, город-тюрьма – чем все это обернется в конечном итоге? И кто мог предположить, что пытаясь спасти одну любовь, можно неожиданно получить взамен другую. Настоящую.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	21
Глава 3	41
Глава 4	66
Глава 5	81
Глава 6	106
Глава 7	122
Глава 8	133
Глава 9	155
Глава 10	174
Глава 11	194
Конец ознакомительного фрагмента.	196

Вероника Мелан

Корпорация

«Исполнение желаний»

Копирование и распространение текста (всего или отдельных его частей) в сети запрещено автором.

Глава 1

Вечерний Звонок

Группа высотных зданий, стоящих на правом берегу реки Клэндон, уже поглотила большую часть солнца, и теперь лишь россыпь оранжево-красных лучей золотила крыши коттеджей, раскинувшихся повсюду, насколько хватало глаз – от моста и до самой Вест-Бартон авеню. Машины, словно неугомонные насекомые, все еще продолжали бороздить улицу, но уже не так интенсивно как в дневные часы, движение стихло почти сразу после закрытия банка на углу. Большая их часть стояла у кафе «Лориан» («Ароматная сдоба, десерты, живая музыка») и у стеклянного трехэтажного торгового центра «Сомерсет», двери которого то и дело распахивались, выпуская наружу запоздавших покупателей

с разноцветными пакетами и свертками в руках. Где-то внизу негромко играла музыка.

Я отошла от окна и присела на диван. Взгляд рассеянно соскальзывал с одного предмета на другой: вот стоящие на полке над камином часы, маятник бесшумно движется из стороны в сторону, отсчитывая исчезающие в никуда секунды, высокая ваза, декорированная выпуклыми виноградными ягодами, серебряная ложка, подсвечник, фарфоровый за-яц...

«Что там делает серебряная ложка?» – лениво попыталась вспомнить я, но взгляд уже наткнулся на фотографию в рамке, и ложка была мгновенно забыта. Расслабленность исчезла без следа, вернулось тягучее, тоскливое ощущение.

«Алекс-Алекс.... Сколько времени прошло?».

Я подошла к камину и взяла фотографию в руки. Пальцы бережно скользили по знакомым чертам, застывшим на тонкой пластинке черно-белой бумаги. Все то же лицо, та же улыбка, озорное выражение темных глаз. Мне даже не пришлось считать, сколько именно прошло времени, я и так это знала – один месяц и восемнадцать дней. Всего сорок восемь. Или пятьдесят два, если считать с момента получения Элмером записки.

От этой мысли застывшая память очнулась и попыталась лихорадочно прокрутить все, что случилось тем апрельским вечером, но я резко поставила фотографию обратно на полку и отошла от камина.

«Нет! Не снова. Переживать этот кошмар в сотый раз не имело смысла. Это ничему не поможет. Выкуп был заплачен. Он не вернулся. Точка!»

«Может все еще изменится?» – тихо, с робкой надеждой пропел внутренний голос, и я поняла, что еще несколько секунд и представление повторится снова: разрываемая противоречивыми мыслями голова наполнится тоской и болью, покатятся слезы, отчаяние набросит железные нити и с новой силой стянет концы.

«Нет. Хватит. Остановись!»

Я судорожно набрала в грудь воздух и задержала дыхание. Нужно остыть, отвлечься, принять пару таблеток тайленола и лечь спать. Завтра будет новый день. И, может быть, что-то изменится. Осторожно выпустив воздух, я еще какое-то время стояла посреди комнаты, будто прислушиваясь, не вернутся ли сводящие с ума голоса, затем устало потерла лицо ладонями и направилась в спальню.

В это время в гостиной прозвенел звонок.

Серебристая трубка, лежащая на полке, издала вторую пронзительную трель, экран светился голубым.

– Алло, – нажав кнопку ответа, устало выдохнула я, с тоской поглядывая на дверь спальни.

– Шэрин Мур? – раздался на том конце приятный, но незнакомый женский голос.

– Да.

– Вас беспокоит Корпорация «Исполнение желаний».

Я вздрогнула и напряглась. «Та-а-ак, время пришло...» – проплыла в голове единственная мысль. Женский голос продолжил:

– Заявка № 1839920 была подана от вашего имени в начале апреля. Правильно?

Пересилив мимолетное желание солгать, я ответила:

– Все верно.

– Мы бы хотели увидеться с вами и обсудить детали возвращения долга.

– Хорошо. Когда? – я поежилась, пытаюсь представить, что именно они могут попросить взамен.

– Через час.

– Сегодня!? – возмутилась я, но постаралась удержать себя в руках. – Девушка, но ведь уже вечер (каминные часы показывали начало десятого). Может быть, я смогу подъехать к вам с утра, скажем, завтра в девять или десять? Давайте я запишу адрес...

Невозмутимый голос перебил меня, недослушав. Однако интонации неуловимо изменились, теперь казалось, что я говорю с девушкой-роботом.

– Машина придет за вами через пятнадцать минут. Никакие документы вам не понадобятся, достаточно будет сетчатки глаза. Подписанный договор о неразглашении информации будет считаться нарушенным, если вы сделаете хотя бы один телефонный звонок после нашего разговора и до того

времени, когда придет машина. Надеюсь увидеть вас в офисе через час. Всего доброго, мисс Мур!

Раздались короткие гудки.

Я оторопело смотрела на трубку.

«Очень вежливая дама, ничего не скажешь. Как приятно с вами вести диалог, дорогая Корпорация». Язвительные мысли крутились словно пчелы, вот только жалить было уже некого. Оставалось надеяться, что разговор в офисе будет происходить с кем-то другим, одно только воспоминание о девушке-телефонистке вызывало приступ антипатии.

Положив трубку на полку, я направилась в спальню. Время есть только для того, чтобы принять душ и переодеться. Мягкая постель манила сильнее прежнего, но я миновала ее, не задумавшись. Возможно, еще удастся поспать сегодня, но это будет позже. Сначала нужно выяснить, как именно придется отдавать долг в размере четырехсот пятидесяти тысяч долларов.

Четыреста пятьдесят тысяч. Неимоверная сумма.

Перед глазами возник образ Алекса.

Смеющееся лицо с черно-белой фотографии.

* * *

Темные стекла автомобиля, несущегося по ночным улицам, не пропускали ни единого лучика. Ни отблеска фонарей, ни светящихся витрин – сплошная темнота. Салон освещен

щали несколько тусклых лампочек, встроенных в двери и еще одна – в потолок.

Я усмехнулась.

Конечно, как можно было предполагать, что они покажут дорогу к зданию корпорации? А я даже попросила назвать адрес, всерьез ожидая ответа. Перегородка, отделяющая пассажирскую часть от водителя, позволяла рассмотреть смутный силуэт человека за рулем, но никак не местность, по которой мы проезжали. Со мной практически никто не разговаривал. Короткое приветствие завершило так и не начавшийся диалог. На то, что машина движется, указывала лишь тихая тряска сиденья. Через какое-то время мое тело подалось вперед и отклонилось назад. Автомобиль встал, но ненадолго. Спустя несколько секунд он снова набрал скорость.

«Светофор», – автоматически отметила я, рассматривая приборную панель с кнопками для изменения температуры салона и положения сиденья. Управление окнами или дверными замками отсутствовало.

Не удивительно.

Ничуть не утратив спокойствия (побег не входил в план с самого начала), я продолжала рассматривать черное непроницаемое стекло.

Корпорация... В голове прокручивался короткий разговор с дамой-роботом. Вот и пришло время узнать, по каким правилам они играют. Я с самого начала знала с кем связы-

ваюсь. Реклама «Dreams LTD» была повсюду: уличные щиты пестрели красивыми слоганами и заголовками «Проблемы? Нужна помощь? Обращайтесь к нам... номер прост...», с экранов телевизоров вещали элегантно одетые, рассказывающие об удобстве сервиса, накрахмаленные ведущие. Однако нигде не было видно или слышно отзывов людей, воспользовавшихся обозначенным сервисом. И это настораживало. Что-то становилось более или менее ясным после подписания договора о неразглашении информации, но чтобы даже слухов не было? Неужели люди не перешептываются между собой в барах? Не доверяют друг другу сокровенные тайны лучшие друзья? Не делятся секретами подружки? Все это выглядело, по меньшей мере, странным, если не подозрительным.

Но выхода не было.

Когда Элмер сообщил, что Алекс пропал, а потом пришло требование о выкупе, никто не смог бы дать нужную сумму денег. Никто, кроме корпорации «Исполнение Желаний». После нескольких тщетных попыток выведать что-либо у друзей (пользовался ли кто-то? что корпорация просит взамен?), мне не оставалось ничего другого, как поднять трубку, набрать номер и узнать все самостоятельно. Думать, что друзья предают, не хотелось. Но, в то же самое время, почему-то не хотелось верить, что никто до этого не пользовался услугами «Dreams».

Хотя, какая теперь разница.

Я снова вспомнила тот день, когда решилась сделать звонок.

Узнав, что предоставляя деньги, компания не просит возвращать долг тем же методом, то есть не ожидает получить четыреста пятьдесят тысяч назад, мной было принято окончательное решение. Я согласилась. Деньги на мой счет были переведены быстро, почти мгновенно. Никто не упомянул, когда может прозвучать просьба о возвращении долга, и чем именно придется его возвращать. Безвыходность ситуации не позволяла спорить. Будучи человеком ответственным, я понимала, что взваливаю на плечи огромную ношу, соглашаясь выполнить любую (или почти любую) ответную просьбу, не ведая, о чем может идти речь. Предательство или даже убийство заставило бы меня серьезно задуматься или даже отступить от выполнения договора, поэтому я хранила надежду, что все обойдется без крайностей.

Да, деньги я получила. Отправила туда, откуда пришло требование о выкупе. Вот только Алекс назад не вернулся.

Что ж. Это уже не вина Корпорации. Продолжая смотреть в темноту, я стиснула зубы. И им все равно, вернулся он или нет. Они дали деньги по первому запросу и теперь хотят получить долг.

И это их право.

Я закрыла глаза и тяжело вздохнула.

Через несколько минут машина остановилась. На этот раз окончательно. Хлопнула водительская дверца, следом рас-

пахнулась дверь в салон.

– Мисс Мур? Приехали.

«Приехали», – мысленно повторила я и вышла из машины.

* * *

– Чай, кофе, может быть, просто воды? – осведомился высокий, невероятно худой мужчина, поднимаясь из-за стола в знак приветствия. – Алкоголь?

– Нет, спасибо.

Мужчина кивнул. Лицо его было желтоватым и каким-то сухим, возможно, виной тому было освещение в кабинете, а, может быть, песочного цвета пиджак, что собирался складками при каждом движении, будто был надет не на мужчину, а на швабру или веник.

– Мое имя Брамс, – представился он, доставая из кармана пачку сигарет и закуривая. – Скотт Брамс. Вы, если я не ошибаюсь, Шерин Мур.

– Не ошибаетесь, – сухо отрезала я, пытаюсь удобнее устроиться в жестком кресле. – И вы сами это знаете.

«Веник» усмехнулся.

– Надеюсь, поездка сюда не доставила вам неудобств...

Я начала раздражаться. Вся эта наигранная вежливость была совершенно ни к чему, мы оба знали, зачем я здесь, однако он знал больше, и это нервировало. К тому же, уста-

лое тело просило сна. Кабинет, в котором мы находились, не отличался особенными изысками: стол, пара кресел, шкаф в углу. Просто и безвкусно.

– Перестаньте, мистер Брамс. Переходите к делу.

– Хорошо, как скажете. Позволю себе напомнить, что вы здесь, потому что обратились в Корпорацию выдать вам определенную сумму денег, которая была вами незамедлительно получена. Правильно?

– Да.

– Были ли у вас нарекания по поводу сервиса, скорости обслуживания или другие?

– Нет.

Брамс удовлетворенно кивнул.

– Тогда переходим к делу. Мы надеемся, что ответная просьба не покажется вам чрезвычайно сложной в исполнении и не займет много времени.

– Смогу ответить, только когда услышу ее.

– Конечно. Мисс Мур, мы хотим, чтобы вы доставили вот эту посылку по назначению.

Откуда-то из-под стола на свет появилась картонная коробка, запаянная в пластик. Текста нигде видно не было.

– Как я понимаю, что внутри мне знать не положено? – нахмурилась я, рассматривая посылку.

– Вы правы, – радостно подтвердил мужчина, будто услышал невероятно ценное и своевременное замечание. – Вы не можете открывать коробку ни при каких условиях. Терять ее

тоже не нужно, как вы сами понимаете.

– Я надеюсь, что это не что-то взрывоопасное?

– Нет. Посылка совершенно безопасна.

– Хорошо. Так куда она должна быть доставлена?

Брамс оторвал взгляд от коробки и направил его на меня.

– Это город. Вам нужно приехать туда, найти нужного человека, передать посылку, и на этом ваша миссия заканчивается.

От такой простоты впору было вздохнуть от облегчения, по крайней мере, они не просят убить кого-то. Однако именно простота заставляла насторожиться.

– Если все так просто, почему бы вам самим не доставить посылку?

Губы на узком желтом лице растянулись в подобие улыбки.

– Мы не назывались бы Корпорацией, если бы все делали сами.

«Логично, старый сукин сын. Вам нужны такие как я, чтобы бегать».

– Хорошо. Сообщите название города, адрес и имя человека, которому эта коробка предназначается, – я рвалась с места в карьер. Хотелось как можно быстрее начать и закончить. Тем более, пока все выглядело более чем выполнимо.

– Видите ли... – Брамс осторожно прокашлялся, – на деле ситуация не настолько проста. Город имеет название «Зона 33», и это закрытый город. Адрес человека мы тоже дать не

можем, вам придется найти его самостоятельно. А вот имя дадим с удовольствием...

– Подождите... – перебила я его. – Что вы имеете в виду – «закрытый город»? Если город даже не имеет нормального имени и, к тому же, считается закрытым местом, он, скорее всего, опасен. Так?

– Не буду спорить, – прищурился Брамс. – Но ведь и четыреста пятьдесят тысяч не маленькая сумма, так?

– Поня-я-я-ятно, – медленно протянула я, прекрасно осознавая, куда он клонит.

Мужчина несколько секунд молчал, выжидая новых всплесков эмоций, но, не дождавшись их, продолжил.

– Итак, имя человека – Кристофер Ларош. Все, что я могу сказать наверняка, это то, что он в этом городе. Вам придется его найти. Так как в город невозможно попасть просто так, вы будете снабжены необходимыми документами, которые позволят беспрепятственно въехать на его территорию.

– Можете ли вы дать дополнительную информацию об этом месте? Что там происходит? Там проводят какие-то эксперименты?

– Нет, насколько я знаю, никакие эксперименты там не проводят. Военные действия тоже не ведутся. С остальным вы разберетесь на месте.

Мне показалось, что Брамс пытается проскочить эту тему как можно скорее, и я всячески старалась его в ней удержать.

– Где она находится? Ваша «Зона 33»? Покажите нагляд-

но, – я кивнула в сторону висящей на стене карты.

– Хорошо, – после секундной паузы он неохотно поднялся. – Вот. Здесь.

Крючковатый палец скользнул где-то в окрестностях к юго-западу от Клэндон-Сити.

«Может быть, миль двести, двести пятьдесят, – прикинула я в голове. – Не очень далеко, но и не близко».

– Выглядит так, как будто там горы и ничего больше.

– Как еще должна выглядеть закрытая зона? – крикнул Брамс и вернулся к столу. – Может быть, замки нарисовать для привлечения туристов?

Я оставила его сарказм без ответа.

Теперь вся эта затея выглядела не так легко, но все еще выполнимо. Конечно, это займет какое-то время и придется оставить магазин на попечение Линды, но она знает, что делать. Недаром мы проработали бок о бок почти три года.

Я вздохнула и попыталась вытянуть затекшие ноги. Голова гудела от усталости, недостаток информации заставлял мысли беспорядочно кружить. Однако то, что задача усложнилась, принесло чувство некоторого облегчения. Возможно, это было нерационально, но простота миссии пугала гораздо сильнее, чем ее сложность. Если бы эта зона оказалось открытой, обычным городом, то мое недоумение заставило бы искать подвох, скрытый замысел. А так... Возможно, они просто не хотят марать руки о всякие закрытые территории. Неприятно, что теперь это поручено мне, но хотя бы объяс-

нимо.

– Когда я смогу ознакомиться с документами, которые вы предоставите для въезда на территорию?

– Вы получите их непосредственно перед въездом на границу. Еще какие-то вопросы? – Брамс, как ни странно, тоже выглядел уставшим.

– Я хочу ознакомиться с ними сейчас.

– Я не могу предоставить вам такую возможность. Документы сейчас готовятся другим отделом. Они будут вам отданы перед въездом в город.

«Черт! Ничего не получается от тебя получить!»

– Когда мне нужно будет туда ехать?

– На рассвете.

Я почти не удивилась. Только лишь вытянула уставшие руки перед собой, потом потеряла осунувшееся от недостатка отдыха лицо. С одной стороны плохо, что не будет времени собраться, с другой даже хорошо. Если это не займет больше нескольких дней, то хотелось бы отправиться туда как можно скорее. Да, покончить с этим и вернуться. Уже без долгов, без ответственности.

– Есть ли у вас еще вопросы, мисс Мур? – без энтузиазма осведомился Брамс, доставая новую сигарету.

– Вопросов много. Только сложно сосредоточиться, какой задать первым.

– Отдохните, – он, конечно, заметил следы усталости на моем лице. И это играло ему на руку, в то время как у ме-

ня не было сил спорить и настаивать на чем-либо. – Потом решите, что спрашивать. Мы предоставим вам комнату на этом этаже, где вы сможете поспать. Вас накормят, там же есть ванна, если хотите освежиться.

Все это звучало чертовски привлекательно. Образ мягкой постели манил так, что мне пришлось сдаться.

– Хорошо, – я устало потерла глаза. – Наверное, мне действительно стоит поспать. Но у меня еще много вопросов. Не забывайте об этом.

– Конечно, – мягко ответил Брамс. – Не забудем.

Он поднял трубку внутреннего переговорного устройства и нажал на кнопку.

– Ли, проводи мисс Мур в комнату отдыха. На сегодня все.

Уже выходя из кабинета и следуя за девушкой в красной юбке, я продолжала думать обо всем, что сказал Брамс. Какой-то город. Нужно попасть, прихватить с собой коробку и записать имя этого Лароша.

«Я забыла взять посылку из кабинета! – неожиданно вспомнила я, и хотела было повернуть назад, но тут же успокоилась. – Они не дадут мне без нее уехать. А после сна, на свежую голову, я задам и остальные вопросы».

По-крайней мере, так мне тогда казалось.

Ворочаясь на кровати, я пыталась отыскать наиболее удобное положение, которое бы позволило поскорее заснуть. Комната, в которую меня привели – простенькая, но уютная – походила на отель: широкая двуспальная кровать, тумбочка, лампа, три стула и пара картин на стенах. Для полного сходства не хватало только телевизора. Окна плотно задрапированы; я попробовала было отодвинуть занавески, чтобы выглянуть на улицу, но они оказались пришпилены к стенам. Не прилагая особенных усилий, я отступила. Не хотите показывать, где мы находимся, ну и не надо. Умывшись, я сразу выключила свет и легла спать. Непроницаемая темнота окружила со всех сторон.

В голове крутился прошедший день. С утра в магазин пришла новая коллекция аксессуаров, но мы с Линдой почти все разобрали. Осталось только поставить на учет новый товар. Я сонно подумала, что нужно будет обязательно позвонить ей с утра и предупредить о моем временном отсутствии. Бутик женской одежды я открыла три года назад. За это время он стал приносить небольшой, но стабильный доход. Вести такой бизнес было не сложно – я наняла всего четырех сотрудников, однако до сих пор наслаждалась ежедневным присутствием, присматривая за работниками, заказывая новые коллекции, продумывая стратегии привлече-

ния новых покупателей. В целом, все шло неплохо, и я подумывала об открытии второго магазина. Где-нибудь поближе к дому. Хоть Алекс и забирал меня каждый вечер после работы, я все же хотела иметь возможность прогуливаться до работы и обратно пешком, наслаждаясь теплым летним воздухом.

Незаметно мысли перешли на Алекса. Вспомнилось его улыбочливое лицо, озорные глаза. Правда, в последнее время он улыбался не так часто, а перед исчезновением ходил и вовсе хмурый. Что-то изменилось. Он стал другим. Когда я пропустила этот момент? Видя его постоянный сосредоточенный (и как будто даже испуганный?) взгляд, я старалась не давить с вопросами, поддерживать, быть внимательной, но это не помогало. Из красноречивого парня Алекс превратился в замкнутого и отчужденного мужчину. Что он знал? Предполагал ли он грядущие неприятности или же просто чувствовал себя неважно из-за разногласий с Элмером?

Элмером. Который получил требование о выкупе. Который отказался его платить.

«Хороший же ты бизнес-партнер. Скотина! – пронеслось в голове, но на настоящую злость сил уже не хватало. – Ладно, разберемся позже».

В коридоре послышались чьи-то шаги и приглушенные голоса. Вскоре все стихло, и я провалилась в сон.

Глава 2

Меня подняли в семь утра.

Определить это удалось только по стоящим на прикроватной тумбе электронным часам. Комната из-за плотных занавесок была, как и накануне вечером, погружена во мрак. Болезненно морщась от громких звуков, я потянулась к лампе, зажгла свет и зевнула.

В комнату въехал столик на колесах, уставленный тарелками.

– Завтрак, мисс Мур, – оповестила та же девушка, что вчера провожала меня в комнату.

«Как ее имя? Ах да, Ли».

– Спасибо, Ли!

Не успела я скинуть одеяло, как тут же снова прижала его к груди. Вслед за Ли в комнату вошли двое мужчин.

– Эй! – возмутилась я, плотнее кутаясь в простыни. – Может, хотя бы одеться дадите?

– Просим прощения, мисс Мур. Но мы должны сообщить, что у вас на завтрак и сборы есть двадцать минут. Машину уже ждет, нужно срочно отправляться.

Я мгновенно подумала о Брамсе.

– А как же моя утренняя встреча с мистером Скоттом Брамсом? Он обещал ответить на мои вопросы!

Какие именно вопросы я собиралась спрашивать, сонная

голова еще не успела сообразить, но поспешный отъезд мог лишить всякой возможности их задать. Мужчины осторожно переглянулись.

– Брамс еще не приехал в офис. И, возможно, не появится до полудня. Мы должны успеть доставить вас на автобус, идущий в «Зону 33». Автобус ходит раз в несколько дней, было бы неприятно пропустить сегодняшний рейс.

«Очень даже приятно», – раздраженно подумала я, сетуя на Брамса за отсутствие в офисе.

– Выйдите из комнаты, – не вполне дружелюбно попросила я. – Мне нужно одеться.

– У вас есть только двадц...

– Помню! К этому времени буду готова!

Мужчины испарились. Вслед за ними вышла Ли, предвзвременно осведомившись, не требуется ли чего-то еще. После ухода гостей я вздохнула, скинула простыни и села на кровати.

«Стоит ли пробовать ругаться, чтобы нашли кого-то другого, кто мог бы выдать всю интересующую меня информацию? – размышляла я. – Эти двое тогда, скорее всего, силком потащат меня к машине. Если автобус и правда ходит раз в несколько дней, мне и самой было бы неплохо на него попасть. Кому нужны задержки? Ладно, к черту вопросы. Обойдусь».

Спустя двадцать минут я вышла в коридор. Те двое, что

заходили в комнату, теперь ждали прямо за дверью, один из них нетерпеливо поглядывал на часы.

– Все точно, без опоздания. Не вздумайте меня упрекать, – буркнула я.

– Пойдемте.

Они направились вперед по коридору, я последовала за ними.

Машина ждала в подземном гараже, такая же черная, как и та, что доставила меня в Корпорацию. Усевшись на заднее сиденье, я с сожалением отметила, что через зеркальные окна снова ничего не видно.

«Конспираторы, тоже мне!».

Из развлечений оставалось только менять температуру и двигать вперед-назад кожаное кресло. Такое разнообразие быстро надоело, и я, откинувшись назад, закрыла глаза. Машина набрала скорость. Через какое-то время в салоне запахло влагой и прелыми, прошлогодними листьями.

«Снаружи дождь идет. Жаль, что ничего не видно».

Вместо того, чтобы ехать в непонятном направлении, хотелось погулять по улицам, посидеть в любимое кафе, купить свежих булочек, а после направиться в свой магазин.

«Я совсем забыла!»

Подавшись вперед, я постучала по перегородке, отделявшей меня от водителя. Почти сразу приоткрылось окошко.

– Мне нужен телефон. Позвонить на работу, предупредить, что меня не будет.

Какое-то время царила тишина, затем в окошке показалась рука, держащая складную трубку мобильного.

– Спасибо.

– Только не говорите лишнего, – предупредил мужчина.

– Понимаю.

Окошко закрылось. Я принялась набирать номер Линды.

После нескольких длинных гудков она ответила.

– Линда? Привет, это Шерин. Я хотела тебе сказать, что уезжаю по делам, когда вернусь, не знаю. Что? Нет, остальных девочек я не предупредила. В общем, все на тебе... Да-да. И заказ коллекций тоже. Нет, я говорю, что не знаю, когда вернусь. Позвони в Дивье, попробуй получить скидку, сегодня также должен звонить мистер Оливер, назначь с ним встречу, передай бумаги, что лежат в верхнем ящике стола. Не забудешь?

Я была уверена, что Линда ничего не забудет. Ее пунктуальность и аккуратность порой переходили в занудство, но мириться с подобными качествами было куда проще, чем с забывчивостью или, что еще хуже, небрежностью.

Женский голос в трубке продолжал задавать вопросы, я едва успевала отвечать.

«Все-таки это редкая удача – иметь такого работника, – параллельно думала я. – Хотя об этом не придется волноваться. Нужно будет выдать ей хорошую премию, как вернусь».

– Линда, спасибо, что ты готова взвалить все на свои пле-

чи, и прости, что не предупредила заранее. Я знаю, что ты все сделаешь, как можно лучше. Что? – я на миг погрузилась. – Нет. Ничего нового от Алекса. Мне тоже жаль.

Мы немного помолчали.

– Ладно, мне пора. Своего телефона у меня пока нет, но как только появится, я дам тебе номер. Хорошо. Тебе тоже удачи! Счастливо.

Я нажала «отбой» и посмотрела в непроницаемое стекло. Грустно. Захотелось домой: заварить кофе, посмотреть свежие журналы, послушать щебет птиц, доносящихся через приоткрытое окно, может, пройтись по бутикам, посмотреть, как другие хозяева освещают стенды и размещают товар.

«Ладно. Раз поездка уже началась, значит, и ее конец стал ближе».

Успокоившись этой нехитрой мыслью, я откинулась назад и закрыла глаза. Быть может, удастся немного поспать, набраться сил перед новыми впечатлениями. Уже в который раз я подумала о том, что устала от жизни. С тех пор, как пропал Алекс, многое потеряло смысл. К чему вся эта борьба? Столько сил было приложено, столько бессонных ночей, и все ни к черту... Жизнь поблекла и выцвела, как фотография. Исчезли запахи, а звуки стали похожи на монотонное гудение неслаженного ансамбля. К черту... Кого волнует мое отсутствие в магазине в течение пары дней? И какая, собственно, разница, куда ехать? Долг будет отдан. Может, это и не сделает меня счастливей, но хотя бы один камень упа-

дет с души. С этими мыслями я откинула голову на кожаный подголовник и временно успокоилась. Притихла.

* * *

Автобусная станция выглядела неприветливо.

Одноэтажное каменное здание было выкрашено белой краской, во многих местах потрескавшейся и отставшей от стен хлопьями. Может от сырости, может от времени. Несколько пыльных окон располагались по периметру, но отсутствующее внутри освещение не позволяло разглядеть убранство. На месте двери зиял проход, сама же дверь, одиноко ржавея в луже, лежала неподалеку.

Местность, окружающая станцию, тоже не радовала глаз: редкие кусты по бокам забетонированной площадки, грязные канавы, куда стекала дождевая вода, серые горы, наполовину скрытые туманом, возвышались в отдалении на горизонте.

Сжимая в руках конверт и хлопая по лужам промокшими кроссовками, я приближалась к станции. Сзади, выдавая равномерное «ш-ш-ш», катилась сумка на колесиках. Всем этим меня снабдили на выходе из машины, указав, что в сумке хранится посылка и кое-какая сумма наличными, а конверт необходимо показать водителю автобуса. Вот и все. Попытка расспросить мужчин о том, что это за место и как я найду свой автобус, увенчалась коротким: «Это станция, ко-

торая тебе нужна. Автобус будет один. Не ошибешься».

Группа людей, большая часть из которых сидела на сумках, схожих с моей, состояла из человек тридцати-сорока. Были здесь и мужчины, и женщины, кто-то моложе, кто-то старше. Почти все они молчали, дожидаясь автобуса. На мое приближение никто не обратил внимания.

Я устроилась сбоку, спрятала конверт во внутренний карман куртки (он оказался наглухо запечатан) и стала смотреть на единственную дорогу, уходящую в горы, откуда по моему предположению должен был прийти автобус. Справа от меня, прикрывая от дождя рукой тлеющую сигарету, курил мужчина. Он кинул в мою сторону короткий хмурый взгляд и отвернулся.

Стараясь не крутить головой, я осторожно рассматривала людей. Одежда обычная, можно сказать походная: штаны, куртки, простая, но удобная обувь, почти у всех рюкзак или сумка. Кто они такие? Работники «Зоны 33»? Если бы не тяжелое молчание, повисшее над головами, можно было бы подумать, что все они возвращаются из отпуска, проведенного дома, на работу. На очень опостылевшую, судя по лицам, работу.

– А чего все такие смурые? – негромко спросила я мужчину, угнетенная тишиной.

Тот как-то странно посмотрел на меня, но ничего не ответил.

Смущенная и немного раздраженная (не хочешь, как хо-

чешь), я стала смотреть в сторону.

– Уж лучше работать там, чем куда-то еще... – вдруг слышался через какое-то время его голос. – Так ведь?

Не зная, о чем собственно идет речь, я неуверенно кивнула. И зачем-то промычала «Угу».

«Если бы ты еще знала, что там за работа», – отчитала я себя. Поддакиваешь черт знает чему.

– Я тоже думаю, что там лучше, – добавил сосед и замолчал.

Я тоже замолчала. Поддерживать непонятный диалог не хотелось, авось скажу что-нибудь не то и попаду впросак. А то и проблем наживу раньше времени, а мне еще посылку надо передать.

Сделав вид, что роюсь в сумке, я притворилась занятой.

Не нужны мне больше вопросы. Вот приеду на место и там разберусь, что к чему.

Вскоре подошел автобус. Желтовато-бурый, поскрипывающий тормозами. Засуетились, поднимаясь с насиженных мест, люди. Начали выстраиваться в подобие очереди перед фыркающими, с трудом расходящимися в стороны, дверями. Особенной спешки не было. Откуда-то возникли в руках конверты, копия моего, лежащего в кармане куртки. Сосед выкинул недокуренную сигарету в лужу, потянулся к сумке, нашел свой конверт и, пошаркивая подошвами старых ботинок, направился к автобусу.

«Наверное, и мне пора», – подумала я, провожая его долговязую фигуру глазами.

В это время из дверей показалась лысая голова водителя:
– Заходим по одному, показываем штрих-код, садимся. В темпе, граждане, в темпе!

Те, кто до этого еще сидел на сумках, заторопились. Я последовала их примеру, нащупала бумажный пакет в кармане, подкатила сумку и пристроилась в конце очереди. От долговязого мужчины отделяло человек пять. Один за другим исчезали в салоне люди, не быстро и не медленно. Секунд десять на каждого. Шаг за шагом, переставляя мокрые ноги и подтягивая сумку, я медленно приближалась к дверям. Когда женщина, стоявшая впереди меня, скрылась внутри, настала моя очередь шагнуть на первую ступеньку и протянуть конверт упитанному детине-водителю.

– Штрих-кодом показывать надо. Говорил же! – недовольно бросил лысый.

Я тут же перевернула конверт – на обратной стороне действительно имелось переплетение черно-белых линий. Подставив сканер, водитель быстро считал информацию, нажал какую-то кнопку, удовлетворенно кивнул и бросил:

– Заходи.

– А долго ехать-то? – поинтересовалась я, затягивая в салон бряцающую колесами по ступенькам сумку.

– А тебе что, не терпится? – он неожиданно громко заржал, будто услышав пошлый анекдот. – Садись, говорю! Не

задерживай очередь!

Раздосадованная такой реакцией и коря себя за глупые вопросы, я начала нервно протискиваться в салон. Нужно было все-таки раньше очередь занять, теперь почти все места заняты. Да ну и черт с ними. Продвигаясь мимо сидящих по обе стороны от прохода людей, я дошла почти до конца.

«Ооо! Все-таки есть еще свободное место!»

С удвоенной силой дернув на себя сумку (чтобы та перекатилась через чьи-то пожитки, стоящие посреди прохода), я пробралась к сиденью и на секунду закатила глаза.

«Везет, как утопленнику»...

Слева от свободного места сидел мой недавний сосед по площадке.

«Не хватало только дурацких разговоров во время поездки».

Сдерживая досаду, я примостила сумку у ног и плюхнулась на сиденье. Может, если притворюсь спящей, то и диалога не будет. Жалко, что в окно не посмотрю, но ради такого можно и потерпеть.

Почти все, кто был на улице, утрамбовались в автобус. Некоторым сидячих мест не хватило – несколько человек возились в проходе, пытаясь найти свободное от поклажи место, куда бы можно было поставить ноги. Как только последний пассажир миновал водителя, взревел двигатель. Автобус, тяжелый и будто раздувшийся от обилия пищи кит, медленно развернулся на площадке и, поскрипывая рессорами,

пополз по дороге в гору.

Какое-то время я просидела с закрытыми глазами. Никто из соседей с разговорами не лез, все ехали молча. Время от времени слышалось натужное чихание двигателя, будто от непомерной нагрузки транспорт готов был сдаться и окончательно встать.

«Придется его тогда толкать всем вместе по грязи»...

Но этого не происходило: автобус полз в гору медленно и неотвратно. Я расслабилась и перестала прислушиваться к двигателю.

Слева зашуршала куртка; любопытство вынудило меня открыть глаза. Мужчина наклонился к сумке и достал из нее большое красное яблоко. Глянцевое. Спелое. Смачно откусил и принялся жевать. Мой желудок тут же отозвался радостным урчанием, будто это в него сейчас упадет пережеванный кусок.

Сосед прекратил жевать и посмотрел на меня. Я тут же отвернулась в сторону и закрыла глаза.

«Кто тебе мешал съесть завтрак? Не хочу, не хочу! Вот и сиди теперь голодная».

Слева снова зашуршало, а через секунду раздалось приглушенное: «Эй!»

Я повернулась на звук. В руке у соседа было второе яблоко (первое, откушенное лежало на коленях).

– Бери.

Я нерешительно посмотрела на яблоко.

– Мытое, – добавил сосед.

Я взяла яблоко, сказала «спасибо» и тут же вонзила зубы в сладкую кожицу. Мужчина отвернулся и стал смотреть в окно. Мы некоторое время наслаждались каждый своим «обедом». Я изредка поглядывала на его затылок с редкими, песочного цвета волосами. Воинственный антагонистический настрой, что появился после диалога в ожидании автобуса, немного поутих. Яблоко было сладким, бесстыдно вкусным.

Сосед дожевал свое, достал из сумки мешок с какими-то бумажными пакетиками, вытряхнул их на колени и сложил в мешок огрызок. Потом посмотрел на меня. Я добавила свой огрызок к первому.

– Вкусное, а? Сам растил, – гордо сказал он.

– Вкусно.

– Я Тед, – вдруг представился сосед, и тусклые светло-коричневые глаза под кустистыми песочными бровями живо блеснули.

– Шерин.

Я смотрела, как он ловко запикивает пакет с огрызками обратно в сумку.

– А это что?

Проследив за моим взглядом, мужчина уткнулся взглядом в собственные колени и обнаружил гору пакетиков.

– А-а-а, это! Это семена. Я огород люблю. Вот и подумал, может, будет возможность урвать где кусок земли, так и рассажу. Я люблю в земле копаться, цветы растить, кусты яго-

ные, овощи, конечно.

– Понятно, – потянула я, немного удивленная его увлечением. Хотя, что тут скажешь – каждому свое. Земля-то, пожалуй, везде найдется.

– А еще думаю деревья начать выращивать. Только не знаю, дадут ли?

– А чего не дадут-то?

– Да кто их знает, я же раньше в Тали не был.

– Тали?

– Ну, город так называется...

Я кивнула, притворилась знающей. Значит, он тоже первый раз туда едет, многого не выведаешь.

– Я слышал, что условия там не очень, работать надо много, но, может, и найдется время...

За разговором Тед немного ожил, и поговорить ему, видать, хотелось. Даже вытянутое, покрытое едва заметными морщинками лицо, преобразилось. Но так как сказать мне было особенно нечего, я предпочитала слушать, не перебивая. Пусть говорит, кому от этого хуже? Мое молчание его не угнетало, он принимал его за сдержанный интерес, а я надеялась скоротать путь, слушая восторженное бубнение о растениях и цветах, ожидая ненароком узнать что-нибудь еще о системе города со странным именем Тали.

Так мы ехали еще минут сорок. Горы теперь окружали со всех сторон. Вскоре народ зашевелился, встревоженно загудел, многие, словно гуси, повытягивали шеи. Даже Тед за-

молчал. Причина оживления стала ясна, когда показались зажатые с двух сторон горами чуть поржавевшие металлические ворота с надписью «Только для сотрудников Зоны 33 и служебного транспорта». Водитель высунулся в окно, перекинулся парой слов с одетым в военную форму мужчиной, затем что-то ему протянул. Служивый принял предмет (не то бумагу, не то плоскую коробку), коротко кивнул коллеге, что сидел в стеклянной будке, и ворота медленно поползли в сторону.

– Вот и приехали, – в первый раз подала голос женщина справа. Посмотрела на меня грустными глазами и вздохнула. – И когда теперь домой?

Я не нашлась, что ответить.

Мы сидели в просторном помещении, которое я мысленно окрестила «границей». Мраморные пошарканные плиты на полу, белые унылые стены, ряд пластиковых стульев, на которых сидели, нервно теребя кто одежду, кто ручки от сумок, люди. В отдалении располагался стол, где офицер в козырьковой фуражке принимал «посетителей». По одному за раз. О чем говорили, слышно не было, но было видно, как он ловко вспарывает канцелярским ножом конверт, а затем выдает что-то на руки и отпускает восвояси. После «пограничного» стола люди исчезали в узком коридоре в дальнем конце зала. Куда он вел, мне предстояло выяснить после пяти человек, сидящих в очереди передо мной. Время от времени

мимо стульев проходили другие военные, с интересом поглядывали на новеньких и исчезали в различных дверях, расположенных по периметру. Эхом разносился звук их жестких подошв по мраморному полу.

Я нетерпеливо ерзала на стуле: хотелось в туалет, и противно кружила нервная мысль – а не проверяют ли сумки? Что лежало в моей, до сих пор оставалось тайной. Но по моим наблюдениям к поклаже никто не прикасался, по крайней мере, до коридора, и это немного успокаивало. Что будет после, могла бы подсказать или гадалка с магическим шаром, или Тед, который уже прошел «таможню». Но ни того, ни другого рядом не было.

Я вертелась и осматривалась до того момента, пока не услышала выкрик собственного имени от усатого офицера, затем быстро поднялась с места и направилась к столу.

– День добрый, – осторожно поприветствовала я его, усаживаясь на стул. На этот раз даже мягкий.

– Добрый, добрый... – хохотнул дядька в усы, чем напомнил мне водителя автобуса со странной реакцией (Чем я их так смешу все время?), – давайте конверт.

Приняв из моих рук конверт, усатый «kozyрек» (с табличкой «Карлос Броцки». Надо же, какое имя!) ловко вспорол тонкий бумажный бок и достал лист бумаги, что все это время покоился внутри.

«Вот бы мне до него прочитать, что там написано».

Броцки быстро пробежал глазами по тексту и взглянул на

меня, как мне показалось, с уважением.

– Ого! Неплохо-неплохо! А по вам и не скажешь, что такие способности!

Я едва не выпятила грудь и не вскинула подбородок. Хорошую рекомендацию, видимо, выдала Корпорация «Dreams LTD». Хоть стыдно не будет.

– Хакерством, значит, увлекаетесь? – продолжил офицер, и я едва не поперхнулась.

«Хакерством»?!

– Это занятие высокоинтеллектуальное, грех по заслугам не оценить! – Броцки то ли издевался, то ли всерьез восторгался умениями компьютерных гениев. – Однако, дорога после таких игр всегда одна и в лучшем случае к нам! – гордо закончил он, глядя на мою застывшую от недоумения фигуру.

– Да не волнуйтесь вы так, – по-своему расценил мою реакцию усатый. – Ну, доигрались вы, с кем не бывает, зато здесь у нас народ добрый, приветливый, правила пусть строгие, но справедливые...

– Да не игралась я...

Слова вырвались еще до того, как я успела закрыть рот.

«Что ты делаешь?! Какая разница, какой документ составила Корпорация, лишь бы на территорию пустили, а ты сейчас отпираться начнешь! Защищать доблестную честь, героиня, тоже мне»...

– Ну, понятное дело, что никто не признается, – разоча-

рованно взмахнул руками Броцки. – Кому хочется виноватым ходить...

– Да, ладно-ладно... было такое... – тут же сменила я тактику, расслабленно развалившись на стуле, будто и вправду владыка бинарного измерения.

Признай я вину или нет, все равно бы никто отсюда не выпустил. Но чувствовалось, что чистосердечное признание могло изменить мнение сидящего напротив мужчины. И кто знает, чему это могло помочь.

– Во! Молодец! – тут же воспрянул Броцки. – Зачем же от таланта отказываться? Уважаю! Сам никогда не умел ничего, кроме почты отсылать.

«Та же беда»...

– ... Если бы я все то же умел, сидел бы сейчас тут с утра до вечера?

«Ты бы сидел уже в тюрьме»...

– ... И деньги бы другие совсем имел... – размечтался Броцки, – ...и наперед бы продумал, как не попасться в руки властям.

«Понесло тебя».

Скорчив кислую мину, мол, не все такие «думающие» заранее, я вздохнула. Усатый наклонился и похлопал меня по руке.

– Ну ладно тебе... (И когда мы перешли на «ты»?) Я уж хотя бы жилье тебе получше подберу. Есть еще свободная комната в хорошем комплексе на окраине. Не близко к цен-

тру, но воздух почище и мебели побольше. Не часто попадают такие талантливые злодейки, да и мордашка у тебя симпатичная...

Я поморщилась. Благо, рывшийся в ящике стола офицер этого не заметил.

– Вот! – на столе появилось сразу несколько предметов. Пухлый палец ткнул в самый левый. – В этом конвертике ключ от квартиры, сверху адрес, спросишь на остановке, какой тебе взять автобус или покажешь водителю такси. Вот это...

Броцки ткнул в широкий браслет.

– ... ты оденешь еще до выхода из здания. И он будет на тебе, пока тысячу не наберешь.

– Какую тысячу?

– Не перебивай. Браслет этот – твой документ, и кредитка, и все прочее. Подробнее прочитаешь в книжке. Теперь следующая вещь... – усатый постучал по квадратному предмету (коробочка с экраном, на темном фоне которого светилась голубым светом цифра ноль). – Это стационарный счетчик баллов. Будешь хранить его дома. Если надо будет узнать сумму, на браслете есть маленький экран, там и смотри. А то большой, мало ли что, разобьешь еще...

Я практически ничего не понимала, но впитывала, как губка. Такие предметы выдавались каждому, и, вероятно, являлись важной частью системы, которая все больше напоминала тюремную. Чему именно они служили и как ими поль-

зоваться, еще предстояло научиться. Броцки в это время разливался соловьем:

– Книжка тебе пригодится, ты не думай сразу ее в мусорку выкидывать.

Я бросила взгляд на придвинутую ко мне книгу с гордым названием «Конституция» и ниже мелким шрифтом – «Сборник законов и правил города Тали».

– Вот, вроде бы и все... – задумался Броцки. – Ах да! Баллов-то у тебя еще нет, поэтому вот тебе купоны. Один балл на каждом – на дорогу да на еду. А там уже сама работать начнешь.

На столе появились пять розовых бумажек.

– Спасибо, – вежливо отозвалась я, чувствуя, что надо что-то сказать.

– Да ладно. Нечасто такие попадают, все больше криминалы, а тут – хакер! Не убийца же, а это большая разница...

Хотя виновной я являлась не больше, чем сам Броцки, но все же подобие чувства благодарности к усатому офицеру возникло.

– Сложно тут жить-то? – пользуясь моментом и благодушным настроением мужчины, спросила я.

– Да от каждого зависит. Кому-то сложно, кому-то не очень. Ты, давай, забирай вещи, да иди уже на остановку. Итак с тобой задержался сильно.

Я быстро сгребла вещи в услужливо предоставленный бумажный пакет, еще раз кивнула усатому в знак благодарно-

сти и направилась к коридору.

– Удачи тебе! – донеслось вслед. – Следующий! Гашер
Грин? К столу!

Глава 3

Шагая между узких стен длинного прохода, я размышляла, станет ли мне Тали домом? Пусть даже на короткий срок. Но что-то подсказывало, что нет. Слишком много непонятных предметов лежало в пакете, слишком толстой казалась на вид книга-конституция. Если повезет, я уйду отсюда еще до того, как прочту последнюю страницу. Если вообще начну ее читать...

Справив нужду в маленьком обшарпанном туалете, я миновала двух постовых и направилась к выходу из здания. За стеклянными дверями уже сияло солнце, дождь кончился. Вспомнив слова офицера, что браслет нужно надеть до выхода в город, я притормозила, примостила бумажный пакет на сумку и принялась рыться в поисках дармового «украшения». Браслет оказался чуть широковат, но как только две части его сошлись на левом запястье, он тут же пикнул и сжался. Стал почти в пору.

«Чудеса электроники»!

Вдоволь налюбовавшись новым аксессуаром (не то чтобы он был особенно красив, но и плохо не смотрелся), покрутив рукой и так и сяк, я снова взяла пакет и покатила сумку к выходу. Ее так и не проверили. Отлично. Еще лучше было заглянуть туда самой, но делать этого в туалете не хотелось.

Уж лучше по прибытии в апартаменты.

Толкнув стеклянную дверь, я оказалась на залитой солнцем самой настоящей городской улице.

Сзади высилось «пограничное» здание, ведущее с обратной стороны к горным воротам, а впереди расстилась дорога: несколько песочно-желтых машин с надписью «Tazi» (написание мне показалось странным, но интуитивно понятным) лениво грели бока у обочины. Оглядываясь по сторонам, я пыталась решить, стоит ли сразу взять такси (а правильнее сказать «Тази», которое я тут же окрестила «Тазиком») или же поискать автобусную остановку, которой с этого места видно не было. Зелень приятно радовала глаз, в воздухе гудели жучки, носились вокруг, выписывая беззаботные пируэты, птицы.

«А не так здесь и плохо на первый взгляд», – обрадовалась я, жмурясь от солнца. Несмотря на усталость и желание вздремнуть часок-другой, я все же решила пройтись немного пешком, присмотреться к окрестностям. Хотелось узнать о городе больше: как выглядит изнутри, чем живут и дышат люди...

Миновав водителей с их извечными зазываниями «Такси, девушка, такси. Плата невысокая, куда желаете ехать?», я направилась по дороге, ведущей на холм. Ошибиться с выбором направления не представлялось возможным: от здания пограничного контроля и в сторону холма вело только одно, залитое бетоном, узкое шоссе. Бодро переставляя ноги и лю-

буясь цветущими по краям дороги кустами, я быстро продвигалась вперед. А оказавшись на вершине холма, невольно залюбовалась открывшимся видом. И было, признаться, чем залюбоваться.

От самого подножия высившихся на горизонте гор, в ложбине, словно свернувшийся в корзине кот, лежал город. Легкое марево от солнечных лучей поднималось от крыш и дорог, дрожало прозрачной дымкой над зеленью, которой здесь, в затерянном мирке между скал, было предостаточно. Город, казалось, спал. Кое-где по дорогам ползали машины; отсюда они казались маленькими и неуклюжими, а если прищурить глаза, то можно было разглядеть и многочисленных пешеходов.

Тали. Полдень.

Оторвавшись от созерцания долины, я вытерла со лба пот (солнце начало припекать не на шутку) и пошла теперь уже по дороге, ведущей с холма. Под уклон было идти куда легче, что я тут же подметила, пробубнив неглубокомысленное «Вниз, не вверх!», колеса сумки подпрыгивали на камушках, усталость испарилась, уступив место возбуждению.

«Скоро! Уже скоро буду там»...

Так, в приподнятом настроении прошагав еще с полчаса, я, наконец, оказалась на одной из улиц загадочного Тали.

Отсюда, как ни странно, город не казался таким уж радужным, как с вершины холма. Потрескавшаяся штукатурка зданий, покосившиеся вывески магазинов, тусклые и

неброские, будто висящие здесь еще с прошлого столетия, одинокие, спешащие поскорее укрыться в тени от палящего солнца прохожие – все это вызывало ощущение уныния и некоторого запустения.

Свернув на перекрестке направо, я зашагала по проспекту Альпинистов (по крайней мере, так гласил знак, прибитый под светофором). Проспект оказался чуть шире предыдущей улицы, но почти такой же пустынный. Несколько раз навстречу попадались пешеходы, три мужчины и одна женщина. Все они смотрели на меня с удивлением или даже с опаской, женщина так вообще обошла по широкой дуге, будто боясь заразиться дурной болезнью. Такое поведение не прибавило мне оптимизма, заставив растеряно оглянуться по сторонам и остановиться. Несколько секунд я подозрительно осматривала окрестности: двухэтажные жилые дома, какое-то обветшалое кафе с пыльными стеклами и скрипучей дверью, но, не заметив ничего странного, снова двинулась вперед. Пройдя два квартала и встретив еще трех пешеходов (с такими же непонятным выражением на лицах а-ля «Эй! Дома есть кто-нибудь?!»), я уже решила было не забывать голову странностями, когда сзади раздался пронзительный свисток.

Я оглянулась.

Ко мне спешил человек, похожий на полицейского. Синий мундир тесно обжимал плечи, блестящая пряжка ремня вдавилась во внушительного размера пузо, трясущееся от бега.

Человек помахивал длинной темной палкой и постоянно вытирал пот, стекающей из-под темно-синей фуражки.

– Вы что, с правилами не знакомы? – тяжело дыша и грозно нахмутив кустистые брови, спросил он.

– Простите, а что я, собственно, нарушила?

– Это улица с односторонним движением!

Я непроизвольно посмотрела на дорогу, проходящую посреди улицы. Та была совершенно пуста.

– Хорошо. И что? – будучи остановленной по совершенно нелепой, как мне показалось, причине, я чувствовала раздражение.

– Вы что, знака не видите? – махнул полицейский в сторону столба у обочины.

Я посмотрела на белую стрелку, нарисованную на синем фоне. Затем снова на пустую дорогу. В поле зрения попал еще один двигавшийся навстречу прохожий, который предпочел быстро укрыться в здании, едва завидев фуражку.

– Вижу я знак. – возмутилась я. – Но у меня в руках даже руля нет! Это же для транспортных средств!

– Это для пешеходов! – заорал полицейский, сделавшись пунцовым от того, что с ним кто-то решился спорить. – Это дорога с односторонним движением для пешеходов!

От удивления я даже выпустила из рук ручку сумки. Та качнулась и едва не упала. Что значит «одностороннее движение для пешеходов»? Что за идиотизм? В памяти всплыли прохожие, все как один, двигавшиеся навстречу. Но что с то-

го, что никто не обогнал меня, двигаясь в том же направлении? Скорость я держала приличную, погода жаркая, так что нет причин, по которым бы это могло показаться странным.

Полицейский достал странный прибор и протянул его к надетому на мое запястье браслету. Прибор издал негромкое «п-и-и» и мигнул зеленым. Отсканировал какую-то информацию.

– А-а-а! – протянул мужчина в мундире, немного успокоившись. – Первый день, значит.

– Первый.

– Повезло тебе в этот раз. Завтра такой возможности уже не будет. Получишь за нарушение полбалла.

Я нахмурилась. И что они все какими-то баллами меряют? Хорошо это или плохо? И сколько это – полбалла? Много или мало?

– Иди тогда. Легко отделалась. – прозвучало это, как мне показалось, несколько разочарованно. Мужчина вытер со лба пот и спрятал сканер за тесным ремнем. – Сборник правил почитать не забудь.

Он зашагал прочь, оставив меня стоять на тротуаре. Я некоторое время смотрела ему вслед, досадливо морщась от испорченного настроения.

Куда теперь? Если пойду в том же направлении, то следующий полицейский не замедлит придраться. А потом еще один и еще.... Но не двигаться же назад по улице? Какой смысл? Я с надеждой присмотрелась к знакам на противо-

положной стороне: может быть, можно перейти проспект и продолжить путь по другой стороне. Но к моему разочарованию белая стрелка стоящего вдалеке знака указывала в том же направлении.

«Тьфу на вас... – выругалась я мысленно. – Кому на ум пришло создать такое правило?»

Постояв на солнцепеке еще несколько минут, я вдруг увидела неторопливо катящее по дороге «Tazi».

– Эй! – бросилась я, размахивая свободной рукой. – Стой! «Не дадут ли мне еще один штраф за слишком громкие выкрики на улице?» – пронеслось в голове, но раздумывать было некогда. Машина уже остановилась у обочины.

– Куда тебе? – придвинувшись к окну, спросил водитель. То ли от постоянного пребывания на солнце, то ли в качестве подарка от природы, но кожа на его лице была темной, почти черной, в то время как волосы не вились тугими смоляными колечками (что было бы вполне уместно при подобном оттенке кожи), а торчали коротко-стриженным светлым ежиком.

– Мне... Сейчас... – я вытащила из пакета конверт с напечатанным сверху адресом. – В Бэль-Оук парк.

Я протянула конверт водителю, чтобы он прочитал адрес целиком.

– Вижу. Почти на другой конец города пилить. Садись, – кивнул на заднее сиденье темнокожий.

– А сколько стоит-то?

– Полтора балла отсюда.

– Что? А не многовато ли? – возмутилась я, прикинув, что после поездки у меня останется только три с половиной купона, а на них еще нужно купить еду.

– А что ты у меня спрашиваешь? – возмутился в свою очередь тот. – Цены не я устанавливаю.

Мое раздражение мгновенно поутихло.

– Ладно-ладно.... Полтора, так полтора.

Я запихнула сумку в машину и плюхнулась рядом. Стало любопытно.

– А кто цены устанавливает?

– Город.

– То есть все такси по одним и тем же тарифам?

– Ага.

– А тебе процент идет от количества пассажиров в день?

– Нет, я получаю два балла в день. Вот и вся моя зарплата. – пробубнил он, выворачивая с проспекта Альпинистов на прилегающую улицу. – И не от чего она не зависит, хоть весь день пустой простою. А ты что, новенькая что ли?

– Первый день здесь.

Водитель коротко глянул на меня в зеркало:

– Ничего. Быстро научишься.

Сил оглядывать окрестности из окна ядовито-желтого Tazi уже не было, поэтому прислонившись лбом к про-

хладному стеклу, я тут же задремала. Через какое-то время сквозь сон донеслось недружелюбное «Эй!»

Я вздрогнула и подняла голову.

– Приехали. Бэль-Оук парк.

Фыркая на водителя, жару, скрипучее такси и недостаток сна, я выбралась из машины. Отсчитала два купона «за проезд», получила сдачу. Видимо, «полкупона». Значит, существовали и такие «купюры». Автомобиль развернулся и скрылся из виду; я поморщилась от поднятой колесами пыли и оглядела окрестности. Это место могло называться как угодно: общежитием, окраинным поселком, последним фронтиром, но только не парком. Да, действительно, надпись «Бэль-Оук» была криво выдолблена каким-то горе-мастером на широкой, вкопанной в клумбу доске, но на этой же клумбе все достопримечательности «парка» заканчивались.

Вспомнилось лицо усатого офицера на границе. Значит, это и есть «хороший комплекс». Что же тогда плохой комплекс? Мне отчего-то думалось, что ответ не заставит себя долго ждать. Вздохнув, я покатила ставшую уже почти родной сумку по направлению к трехэтажному зданию с множеством окон. Белая краска стен, казалось, светилась на солнце. Невысокие кустики, вопреки жаре, не смотрелись особенно чахлыми, видимо, исправно поливались раз в сутки или двое. Рядом с входной дверью кто-то любовно рассадил низкорослые желтые цветы.

Не встретив никого на пути, я шагнула в прохладную тень подъезда. В широком квадрате солнечного света, льющегося из окна, отыскала конверт с ключом, выяснила, что номер моей комнаты триста четырнадцать (третий этаж, не иначе), огляделась в поисках лифта и, не найдя такового, разочарованно потащила сумку вверх по лестнице.

Лестница и коридор выглядели вполне опрятно, в проходе имелось подобие ковра непонятной расцветки. Оставалось надеяться, что комната окажется снабжена кондиционером и душем; струящийся по спине пот начинал уже порядком надоедать.

«Это тебе не отель. Скажи спасибо, если хоть кровать и плита окажутся внутри».

Кровать и плита внутри оказались.

А еще внутри нашлась маленькая, отделенная от гостиной короткой перегородкой, кухонька, холодильник, шкаф, два кресла и стул, чистая на вид уборная с ванной, раковиной и унитазом, и даже (вот уж где неожиданность) телевизор с плоским широким экраном, совсем новый на вид. Пульт аккуратно крепился на зажим-держатель, встроенный в стену.

Я удивленно крикнула. Совсем неплохо для начала. Здесь можно какое-то время и пожить – не пятизвездочный люкс, конечно, но и не келья монаха. Кондиционер, к безмерному облегчению, нашелся тоже. Пусть старенький, чуть скрипучий, но исправно подающий холодный воздух при включении. Кнопка для обогрева отсутствовала; что-то мне подска-

зывало, что с такой проблемой жители Тали не сталкивались.

Находясь в приподнятом настроении после осмотра комнаты, я водрузила сумку на кровать и принялась расстегивать замок, но через секунду остановилась и задумалась. Нет, сначала душ, потом сумка. Время есть, ехать больше никуда не нужно, значит, можно сначала освежиться, а потом уже извешивать содержимое врученного мне чемодана.

Проверив, что дверь заперта на замок, я отправилась царствовать в ванную комнату.

Холодный душ на время прогнал усталость и подступающий сон. Отыскав на кухне стакан и наполнив его водой из-под крана, я вышла на маленький балкон, что притаился за бежевыми занавесками. Стоило отворить створки, как дар речи покинул меня.

Горы. Настоящее кольцо гор, затянутое мерцающим раскаленным от жары воздухом, сложенное из огненно-красного камня, высилось на горизонте. Я поднесла ладонь ко лбу, защищая глаза от резкого света, и присвистнула. Какой же они должны быть высоты, если даже отсюда выглядят столь внушительно? И невероятно красивым должен быть в этом райском уголке закат.

«Мдаа... Райский уголок. Это тебе не отпуск в тропиках, – укорила я себя. – Иди, займись делом».

Войдя в прохладную комнату, я поставила стакан и направилась к сумке. Пришла пора узнать, чем снабдила меня

Корпорация. Еще раз проверив, что дверь надежно заперта, я села на кровать и откинула крышку.

Сверху лежал ворох летней одежды: несколько маек, шорты, два топа и одна блузка.

– Как насчет платья для коктейлей? – пробубнила я, выворачивая обновки в сторону.

Прямо под майками лежала запечатанная упаковка трусов (из серии «Неделька»), несколько пар носков и щетка для волос.

– Замечательно. Кто из вас мерил мой размер и когда? – продолжала ворчать я, выудив из стопки носок и пытаясь нацепить его на ногу. Носок оказался в пору. Стоило предположить, что нижнее белье тоже подойдет.

Отодвинув носки и «Недельки» к майкам, я, наконец, обнаружила посылку, которую уже вероятно ждал неизвестный мне Ларош, и пакет с деньгами.

– Ого! – я изумленно смотрела на пять тугих пачек, стянутых бумажной лентой. – Сколько же здесь?

Торопливо пересчитав купюры, я констатировала, что являюсь обладательницей пятидесяти тысяч. Много это или мало по местным меркам? Наверное, по мнению Корпорации этого должно хватить на дорогу до Лароша и выезд из Тали. Может быть, если что-то останется, то я смогу оставить это на личные нужды? Надо будет прояснить...

Неожиданно раздавшийся стук в дверь заставил меня поспешно покидать все обратно в чемодан.

«Куда? Куда?»

Не найдя лучшего укрытия, я пинком задвинула сумку под кровать, поправила покрывало и направилась к двери.

* * *

Глазка на двери не обнаружилось; спустя полминуты нервных сомнений, я набралась храбрости и открыла замок. На пороге, интенсивно почесывая бок, стояла особа женского пола лет двадцати. Русые волосы до плеч, выдавшая виды майка, серые шорты обтягивали не первой стройности ноги.

– Привет! – девушка перестала почесываться бок и жадно впиалась в меня глазами. – Ты новенькая, да? Я тебя в окно видела с сумкой.

– Угу, – подтвердила я, не зная, чего ожидать от визитерши.

– Эти противные мошки всегда кусают куда попало! – возмущенно пробасила та и снова поскребла грязными ногтями майку. Затем протянула руку и раскованно улыбнулась. – Я Яни. Или Янка. Твоя соседка из триста двадцать первой.

Я пожалала ее теплые, чуть влажные пальцы.

– Я Шерин, – и, не зная, что еще добавить, отодвинулась в сторону. – Проходи.

Янка незамедлительно прошлепала босыми ногами в комнату.

– Слушай, ты ведь только приехала, у тебя должен быть

полный холодильник, можно я банку с джемом арендую? Так сладкого хочется, умираю!

Я осторожно захлопнула отвисшую от подобной наглости челюсть, но, решив, что соседи могут оказаться полезнее джема, махнула рукой в сторону кухни.

– Бери.

Янка тут же подскочила к холодильнику и стала интенсивно перерывать содержимое полок.

– М-м-м! Вот он, мой любименький! Спасибо... э-э-э...

– Шерин, – подсказала я ей.

– Да, точно! Шерин! Если что понадобится, то ты стучись.

Поговорить, там, или что еще...

Она махнула зажатой в руке банкой и, словно гигантская стрекоза, радостно выпорхнула за дверь.

Через пять минут я уже забыла о Янке и о джеме, увлеченно раскладывая вещи по местам. Майки были аккуратно пристроены на полке в шкафу, деньги мирно покоились под ними (не лучший тайник, но все-таки), что-то неразборчиво бубнил телевизор. Я прислушалась. Приятный женский голос извещал о новостях часа.

«... ранчо, на территории которого час назад было организовано восстание якобы из-за несправедливого отношения и маленькой зарплаты, удалось подавить силами владельца – Халка Конрада. Как заявил сам Конрад, пострадавших нет, но с каждого бунтаря будет снято от пятидесяти до ста бал-

лов, включая пособие по...»

– Что это за дурацкая система с баллами? – фыркнула я, направляясь в ванную комнату, чтобы положить зубную пасту на раковину.

Разложив вещи по местам, я присела на кровать, разду-
мывая, не поспать ли, когда увидела стоящий в углу пакет.

«Почти забыла о нем...»

В пакете ведь лежал стационарный счетчик баллов. Теперь, когда появилась свободная минутка, мне захотелось взглянуть на него поближе.

Счетчик оказался черной коробочкой, похожей на будиль-
ник, но совершенно без кнопок. Гладкая пластиковая по-
верхность, матовый темный экран с яркой голубой циф-
рой ноль посередине. Я задумчиво пощелкала указательным
пальцем по экрану. Ничего не изменилось.

Что значит этот ноль? Что нужно сделать, чтобы цифра
поменялась, а, главное, зачем? Сколько баллов требуется,
чтобы что-то поменялось?

Все ответы, вероятно, крылись в брошюре – сборнике пра-
вил, но читать ее сейчас не хотелось. Хотелось спать.

Я отодвину книгу в сторону, нашла пульт от телевизора и
убавила звук. Затем задернула занавески и забралась в кро-
вать. Голова гудела от усталости. Все ответы и Ларош со сво-
ей посылкой могут подождать пару часов, ничего с ними не
сделается.

«А вот со мной точно сделается, если не отдохну...»

С этими мыслями, продолжая какое-то время созерцать голубой ноль на темном циферблате счетчика, я погрузилась в сон.

Мне снился Алекс.

Он и я в те времена, когда тень несчастья еще не коснулась нашего дома своим тлетворным крылом, когда казалось, что недавно созданная семья станет теплым уютным очагом для двух любящих друг друга людей. С индейкой и сладкой выпечкой на столе в праздники, с теплым пледом на двоих перед камином в зимние стылые дни.

Сон был ярким, почти осязаемым. Казалось, протяни руку в радужную картинку, и получится дотронуться кончиками пальцев до его лица, и он тут же повернет мою руку и нежно поцелует ладонь, как это бывало не раз.

– Я не хочу отпускать тебя от себя.

Его голос звучал близко и одновременно далеко.

– Мы будем жить вместе, ты будешь моей. Совсем-совсем. Завтра мы перевезем твои вещи в нашу новую квартиру. Ты ведь не против?

Он сидел напротив меня за столиком в кафе. Темные волосы небрежно растрепаны после быстрой езды в его любимом спортивном авто, ореховые глаза поблескивают озорно и нежно.

– Ты ведь не против?

– Нет... – прошептала я, смахивая появившуюся в уголке

глаза слезинку.

«Нет», – снова прошептала я в полудреме, поднесла ладонь, чтобы вытереть мокрую щеку, и, вздрогнув, проснулась.

Картинка таяла так быстро и неумолимо, что я едва не захлебнулась от отчаяния.

– Нет... не уходи. Алекс, не уходи! – прошептала я полутемной комнате, но яркий сон уже улетучивался, оставляя после себя горькое осознание реальности и тяжелое облако воспоминаний того, что случилось после. Не выдержав, я уткнулась лицом в подушку и всхлипнула.

Почему так? Почему все повернулось так, что спокойная счастливая жизнь осталась в прошлом? Усилив воли заставив себя успокоиться, я перевернулась на спину и предалась воспоминаниям.

В то время я училась на курсах, постигая основы бизнеса и мечтая создать собственную компанию. О магазине я тогда не думала, хотя отдельные мысли и мелькали в наполненной радостными предвкушениями ветреной голове. Я буду хозяйкой своего дела! У меня будут работники и ответственность, будут деньги и новые идеи. Я смогу построить что-то новое, создать что-то свое собственное. От мечтаний об открывавшихся возможностях отрасли крылья, я бегала на курсы с таким счастливым видом, будто за каждый урок мне доплачивали в три раза больше, чем я сама отдавала педагогам.

Алекса я встретила незадолго до окончания учебы.

В тот промозглый вечер холодный дождь лил, не переставая. Я стояла на остановке, прижимая к груди пакет с бумагами, опасаясь, как бы они не промокли и костерила на чем свет стоит свою подругу-сокурсницу. Та обещала подвезти меня до дома, как это обычно случалось, но в последний момент убежала прямо с лекции на встречу с новым дружкой, от которого по ее словам у нее «спирало дыхание и хотелось выпить от счастья». Я лишь посмеивалась от такого определения – вероятно, любовь вызывает у людей различные эмоции, в том числе желание выпить. Так или иначе, ее машина осталась на парковке возле здания и теперь уже никак не могла мне помочь.

Стуча зубами от ветра и холодной дождевой воды, что стекала по лицу, я нетерпеливо переступала с ноги на ногу, когда прямо у тротуара остановился голубой кабриолет с откидным верхом. В тот вечер крыша была опущена; мне запомнилось, как дождь стучал по туго натянутой ткани.

Пассажирская дверца распахнулась, и я осторожно отступила назад. Риск подхватить простуду казался мне более привлекательным, нежели риск повредить здоровье, неосмотрительно катаясь с маньяком-водителем.

Но «маньяк» оказался чертовски привлекательным, улыбочивым и сразу располагающим к себе.

– Девушка, не стоит пугаться. Я могу пристегнуть обе руки к рулю, чтобы вы не боялись. Но здесь тепло, а там холод-

но. Садитесь.

Стоило подумать о пристегнутом к рулю водителе, как рот растянулся в глупой улыбке.

– А у вас есть наручники?

– Есть, – он широко улыбнулся. – Вот!

Наручники блеснули в его руке.

– Только не забудьте мне отдать ключи, как приедем. Я не хочу жить в машине.

– Договорились, – хихикая и содрогаясь от холода, я юркнула в удобный теплый салон.

Пристегивать водителя мне не пришлось, отчего-то я поняла, что он не опасен. Разговор потек, как по маслу: мужчина представился Алексом, много смеялся и шутил, а как только узнал, что я посещаю бизнес школу, проявил искренний интерес к моему увлечению и даже дал несколько дельных советов. По пути он часто поглядывал в мою сторону, от сего серьезных взглядов я смущалась и замолкала.

– Шерин, вы очень красивая. О таких волосах мечтает каждая модель, – неожиданно произнес он и улыбнулся.

Я залилась краской и провела ладонью по спутавшимся каштановым кудрям.

– Спасибо.

– Нет, правда. Такой шоколадный цвет и зеленые глаза. Вы как с обложки журнала.

Я окончательно покраснела, и, представив, как должно смотреться зеленоглазое лицо в сочетании с пунцовой ко-

жей, тут же отвернулась к окну. Ведьма, не иначе.

Но Алекс только рассмеялся.

– И краснеете просто умильно!

Я едва не пихнула его локтем в бок, подивившись чувству, будто мы знакомы долгие годы. Как такое возможно, если мы встретились не более получаса назад?

Он подвез меня до дома, но телефон не спросил. Чувство горечи, которое меня охватило, я помнила даже сейчас. Получается, все? Вот и все знакомство? Но он позвонил уже на следующий вечер. Сам отыскал номер, сам подъехал к подъезду, чтобы забрать в уютный ресторан на первое свидание. С тех пор мы практически не расставались. Он забирал меня с курсов и увозил домой, где иногда засиживался допоздна, потягивая сваренный мной кофе, советуя, как правильно начинать бизнес, как избежать многих ошибок, свойственных новичкам. К тому времени он уже имел свое дело, но какое именно, долго умалчивал. Я не давила, наслаждаясь тем, как медленно, но верно сближались внутренние миры, предполагая, что со временем он откроется мне полностью. Со слов Алекса я поняла, что незадолго до нашего знакомства у него была девушка, но что-то не сложилось, и они расстались. Иногда в его карих глазах мелькала грусть, в такие моменты мне особенно сильно хотелось его утешить.

Правда, бывали и другие моменты (теперь мне было легче об этом судить, чем тогда), когда Алекс вдруг показывал иные стороны своего характера. Например, раздражитель-

ность, вспыльчивость, иногда даже злость. Но с подобными вспышками он быстро справлялся, а моя природная терпимость позволяла нам обходиться без ссор и скандалов.

Да, так было тогда.

Оторвавшись от воспоминаний, я вдруг поняла, что устала лежать на кровати и хочу есть. Задернутые шторы пропускали в комнату желтоватый закатный свет. Я поднялась, отодвинула их в стороны и распахнула окно. Маленькое помещение тут же наполнили звуки: шелест травы, ласкаемой слабым ветерком, стрекот цикад, откуда-то снизу раздавался монотонный голос. По-видимому, диктора телевидения.

Подойдя к холодильнику, я едва обратила внимание на забитые до отказа полки (еще раз спасибо усатому Карлосу), нашла бутылку минералки, налила полный стакан и, утолив жажду, подумала, что позже захочу чаю.

Поставив чайник, я достала с полок какое-то печенье (едва солоноватое и хрустящее) и принялась жевать его, запиная остатками минералками и постепенно снова погружаясь в воспоминания.

Алекс не настаивал на сексе, чему я молчаливо радовалась, так как поспешное перенесение отношений в постель могло означать, что у него ко мне лишь плотский интерес. Я же втайне мечтала, чтобы наш союз креп и из обычного романтического увлечения однажды превратился в настоящую семью. С домашними вечерами, забитыми приятными хлопотами, путешествиями, заведением большой собаки...

Планы-планы...

Через полтора месяца Алекс, наконец, признался, что он проектировщик новых видов огнестрельного оружия. Это заявление ошеломило, и, в то же время, заставило уважать его еще больше. Для разработки новых видов оружия требовалась талантливая изобретательная голова, а таковая, по моему мнению, у Алекса имелась.

Иногда я видела его засиживающимся по вечерам над какими-то бумагами, но в подробности не вдавалась. Лишь знала, что Алекс владеет небольшим заводом, на котором производят и выпускают новые образцы, и работают около сорока человек, а в остальном система автоматизирована. Алекс несколько раз заикался, что был бы не прочь расширить производство, но для этого требовался внушительный капитал, которого в его распоряжении не было.

А потом появился Элмер. Мужчина с черными редкими волосами, орлиным носом и цепкими глазами. В оружии Элмер разбирался плохо, но зато сразу предоставил капитал, необходимый для покупки нового здания и установки оборудования, о котором мечтал Алекс. Конечно, такой вклад в бизнес мгновенно превратил Элмера в совладельца, держащего пятидесяти процентный пакет акций, позволяющий новому партнеру во многих ситуациях давать советы, а иногда и давить на Алекса.

В целом, ладили они не плохо. Так мне тогда казалось. Алекс начал по-новому относиться к работе, воспрял духом,

постоянно ходил окрыленный идеями. К тому времени мы переехали в собственную квартиру, и в моей памяти отчетливо отпечаталась картинка, как Алекс сидит на краешке стола и рассказывает о прошедшем дне, увлеченно размахивая руками.

Но со временем что-то изменилось.

То ли Элмер начал чрезмерно давить, то ли изобретательность Алекса поугасла (в последнем я, признаться, сомневалась), но все чаще и чаще он стал приходить домой потухшим и молчаливым. На вопросы отвечал через раз, ел молча, зачастую уходил по вечерам в бар. Все мои попытки наладить отношения ни к чему не приводили. Да и где-то в глубине души я была уверена, что причина кроется не во мне, однако от чувства вины полностью избавиться не удавалось.

А потом Алекс пропал.

Элмер сообщил, что полученной записке о выкупе не верит и платить отказался.

Я бушевала, как пожар. Приехала в его офис и облила потоком такой брани, которой должно было хватить на целый флот матросов, но Элмер даже бровью не повел. В ответ я услышала, что Алекс виноват сам. И сколько бы я не бесновалась, какими бы методами не пыталась уговорить Элмера дать мне больше информации – все тщетно. Из слов этого горбоносого коршуна я поняла только то, что Алекс надумал ехать в Лиманию, заключать новую сделку по оружию, и на предупреждения Элмера о вероятной опасности вни-

мания обращать не стал. Что якобы снимает всякую ответственность с его партнера.

Я до сих пор помнила, как едва не вцепилась Элмеру в редкие сальные волосы, мечтая переломать его горбатый нос еще в трех местах, однако чудом удержалась. Вместо этого лишь спросила, уверен ли он, что не хочет платить выкуп, и, получив утвердительный ответ, покинула заводской офис.

Записка, которую Элмер мне дал прочитать перед уходом, гласила, что похитители хотят получить полмиллиона наличными. Срок давался ужасающе маленький – три дня. С той минуты не было ни сна, ни еды. Все смешалось в комок натянутых нервов, плохих предчувствий и беспрерывных слез. Я шарила по всем счетам, что были открыты на мое имя, но в сумме сумела набрать лишь пятьдесят тысяч. О счетах Алекса информации не было.

Я знала, что ставлю магазин на грань разорения. Шансы оказаться банкротом равнялись восьмидесяти процентам, однако это меня не остановило. Даже не заставило задуматься. Я бы все отдала, лишь бы вернуть Алекса домой целым и невредимым. По ночам я яростно мечтала отомстить Элмеру за расчетливость и малодушие, а когда гнев утихал, принималась плакать.

Что ж... Я сделала все, что смогла. Может быть, и не все. Может быть, стоило как-то надавить на Элмера, попытаться узнать больше о том, что же все-таки происходило между ними в последнее время, но обессилевший разум отказывал-

ся мыслить логично.

И вот я здесь. В неизвестном никому городе Тали. Должна отыскать чертова Лароша, вручить ему посылку и убраться домой как можно скорее.

Вскипевший чайник отключился, и я очнулась от воспоминаний. Наполнила кружку кипятком, отыскала пачку чая и заварила что-то пахнущее жасмином. Взгляд упал на свод законов Тали, и я без энтузиазма подумала, что пора приниматься за чтение.

Если я все еще хочу вернуться домой, самое время разобраться в здешней системе и составить четкий план действий.

Глава 4

В течение следующих двух часов я с головой погрузилась в чтение сборника правил системы города, в который попала. Читать, по большей части было скучно: правил было сотни, если не тысячи. По мере чтения удивление мое росло. В этом городе денег не было! Совсем!

Из того, что удалось понять наверняка, я отметила следующее: за хорошую работу и послушание некие баллы начислялись на счетчик, за нарушения любого из правил – отнимались. Всего же, чтобы получить свободу, необходимо было набрать тысячу баллов. Теперь сомнений в том, что этот город являлся тюрьмой, не осталось. И все было бы более чем логично, если бы не некоторые правила, которые вводили в полное заблуждение или же оцепенение. Добравшись до абзаца, в котором говорилось о переходе через улицу, я не удержалась и присвистнула. По всему выходило, что человек не мог двигаться в определенном направлении по улице более получаса, по истечении тридцати минут он должен был пересечь ее и продолжать движение по другой стороне. Но для чего? Какой смысл? Или, например, правило, касающееся автобусных билетов...

Я нашла нужные строчки и перечитала их еще раз.

«При входе в средство публичного транспорта пассажир обязан получить от водителя билет со штрих-кодом, указы-

вающим точное место расположения сиденья, после чего занять место в соответствии с указанными на билете данными». И все бы ничего, но штрих-код представлял собой какую-то хитрую математическую формулу, которую пассажир должен был рассчитать сам, чтобы получить ответ, какое же в конце концов сиденье ему занимать. Почему бы просто не написать нужную цифру? Зачем усложнять?

Я озадаченно почесала щеку.

Из дальнейшего параграфа выходило, что если пассажир не займет указанного в билете места в течение определенного времени (оно указывалось где-то рядом с кабиной водителя), то будет наказан штрафом в размере пяти баллов.

Я ненадолго отложила книгу, пытаюсь понять, что все это значит.

Выходило, что сложности были надуманы специально, чтобы как можно больше наказывать людей за любые, даже самые мелкие, провинности. Вывод этот мне не понравился, но, скрипнув зубами, я принялась читать дальше. И чем дальше я углублялась в свод законов, тем больше убеждалась, что не ошиблась. Как еще можно было относиться к правилам, таким как:

«Все или некоторые из уставов могут быть изменены в любой момент по решению комитета города без специального уведомления гражданских лиц, о котором последние могут узнать из платного телевизионного канала номер двенадцать. Выход ежедневной программы „О законах“ не имеет

установленного времени показа. О нем сообщает газета „Тали сегодня“, которая продается в городских киосках».

Я оторвалась от книги и ословело уставилась на стену. Что за идиотизм? Программа выходит каждый день, но времени никто не знает, нужно читать газету. А что если кто-то работает? А что если программа выйдет ночью, когда большинство жителей спит? И сколько длится выпуск программы? Ведь предполагалось, что просмотр этого «шоу» являлся едва ли не обязательным, что, в свою очередь, означало, что людям приходилось отрываться от занятий в рабочие часы, что неизменно влекло за собой новые наказания.

В конце концов, я отложила книгу и зло посмотрела на темный экран телевизора. Теперь он казался мне воплощением кошмара из разряда «Большой брат следит за тобой». Возмущенная и нервная я какое-то время кружила по комнате, рассортировывая прочитанную информацию в голове.

Мне здесь жить! Мне какое-то время придется мириться с любимыми, даже самыми тупыми правилами, хотелось того или нет. Но неужели придется вновь зубрить математические формулы перед тем, как сесть в автобус? Что за черт!

Наконец я успокоилась. Все это временно. Я попала в этот ужасный город не за провинность, а, значит, ко мне все это не относится. Я не в ловушке. Мне всего лишь нужно найти Лароша, а потом уехать отсюда, и все кошмары будут забыты. Вот только как уехать, если это тюрьма? Проникшись секундным ужасом, я тут же заставила себя переключиться на

мысль, что Корпорация позаботится об этом (должна позаботиться!), ведь это по их воле я здесь. Предательский голос верещал, что все не так просто, но мне ничего не оставалось, кроме как верить «Dreams LTD». Постоянные противоречия могли свести с ума любого, даже самого стойкого человека, а моя нервозность и без того усугубляла ситуацию.

Устав от блуждания по комнате, я взглянула на часы – почти десять. Спит моя соседка или нет? Наверняка нет, время детское. Хотя, если она работает с самого утра, то возможно, что и десятый сон видит.

Недолго думая, я решила проверить. Не забыв прихватить из холодильника еще одну банку джема в качестве задатка для ускорения процесса «дружбы народов», я наскоро причесалась и выскользнула за дверь. Какой номер комнаты она называла? Кажется, триста двадцать первый...

Прежде чем постучать, я какое-то время постояла возле двери, прислушиваясь. Из-за нее доносился звук, похожий на побрякивание посудой на кухне, но голосов слышно не было. Я аккуратно постучала.

Дверь распахнулась почти мгновенно. Янка, со слипшимися от пота волосами и держащая в руках мокрую тряпку, на мгновение выказала удивление, после чего расслабилась и махнула в сторону кухни.

– О-о-о! Не ожидала. Заходи. А я тут решила прибраться, давно пора было, все никак время не найду. Вот сегодня заставила себя, наконец...

Я шагнула в соседские апартаменты. После беглого осмотра стало понятно, что кухню стоило почистить еще пару веков назад, но, видимо, находились дела поважнее. Горы грязной посуды утопали в мыльных пузырях, пена стелилась по всему: полу, стенкам шкафчиков, плите и кухонному столу. Грязные потеки, скопившиеся на линолеуме, сдерживала дырявая половая тряпка, рядом лежал мусорный совок и веник с оставшимися, будто после военных действий, тремя редкими торчащими соломинами.

– Может, тебе свой принести?

– Ты про веник? А ну его! Я уже почти все вымела, и так нормально.

– Как хочешь. Ты если занята, я могу завтра прийти...

– Брось, я могу и позже закончить, сама со скуки изнывала, хорошо, что зашла. Уборка может подождать до завтра.

С этими словами она зашвырнула тряпку в угол, где та шлепнулась с противным чавкающим звуком.

Я мысленно хмыкнула: «Ага, уборка может подождать и до послезавтра, и еще пару веков».

– Я тут тебе джем принесла, мне он как-то не очень, – соврала я, поглядывая на банку и глотая слюну. – А ты вроде любишь...

– Ой! Вот спасибо! А то я ту уже... ну того... всю съела в общем, – Янка как-то неожиданно покраснела, сконфуженно поглядывая на толстые ноги, будто стесняясь их.

– Да бери! – я протянула джем. – Диету всегда можно на-

чать завтра. Вместе с уборкой.

– Точно. – расцвела та, и я нехотя отметила, что когда она улыбалась, то, несмотря на полноту и неряшливую одежду, смотрелась весьма симпатично. На пухлых щеках возникали ямочки, а веселые глаза как-то по-особому преображали лицо. Не красавица, но все же.

– Ты садись вон в кресло или куда хочешь. Я сейчас лицо умою и чайник поставлю. У меня еще печенье где-то есть.

– Хорошо.

Я прошла к креслу, а она тем временем скрылась в ванной. Пока шумела вода, я разглядывала обстановку, как две капли воды похожую на мою собственную. Та же мебель, стулья, черный экран на стене и встроенные шкафы. Отличался только цвет ковра и занавесок. Да еще планировка кухни. Если моя была в конце комнаты, то здесь она располагалась прямо у двери. В целом комната могла бы показаться близнецом, если бы не пятна на стенах, пыль в углах на потолке и полный бардак на кухне. Было и еще одно отличие, которое я заметила позже: вид с балкона открывался не на горы, а во внутренний двор, что в моих глазах являлось огромным минусом. Все-таки хорошо было наслаждаться закатом в вечерние часы, сидя с чашечкой дымящегося чая.

Наконец из ванны, одетая в чистую футболку и с влажными волосами, появилась Янка. Погремела на кухне, разлила кипяток в две чашки, принесла и поставила на стол заварку. Через минуту туда же добавилось печенье и принесенный

мною джем.

– Ну вот! Чем богаты, как говорится...

Она устроилась напротив, а я никак не могла решить, с чего начать разговор.

– Что, не спится тебе? – первой заговорила Янка, открывая печенье и выкладывая его в вазочку.

– Не особенно, – призналась я. – Слушай, я тут свод законов читала. Это что, правда?

– Что правда?

– Ну, все.... Например, про билеты в автобусе. Что номер сиденья надо самому высчитывать?

– Ага. Иногда они там так напутают, что проще водителю взятку дать.

– Взятку? – удивилась я.

– Ну конечно. Так дешевле обходится. Если только он потом не стукнет.

– Кому не стукнет?

Янка какое-то время жевала печенье, разглядывая меня, будто пытаюсь понять истинную причину моего визита. Затем отряхнула толстые пальцы и ответила.

– Ты просто еще не знаешь ничего. А пока научишься, столько шишек набьешь, что самой тошно будет. Но так у всех. Тут никому верить нельзя. Вообще никому, понимаешь? Это же тюрьма, каждому хочется на волю побыстрее...

– Что же здесь творится, ты мне можешь объяснить? А то я вообще ничего не знаю. Ни куда идти, ни что делать.

Янка тяжело вздохнула и откинулась на спинку дивана, поджав под себя голые ноги.

– Короче, слушай. Я не большой специалист по местной системе, вон Роберт – тот хорошо все изучил... Ну ладно. Ты уже поняла, что для того, чтобы отсюда уехать, нужна тысяча баллов?

Я кивнула. Значит, я не ошиблась. Этот городишко – самая что ни на есть тюрьма. Янка продолжила.

– Так вот, эту тысячу можно набирать годами и вообще никуда не продвинуться. Здесь все так устроено, все правила против тебя. Если ничего не нарушать, то даже на сотню тебе может потребоваться год или больше. Да и то потом можешь вниз рухнуть всего лишь за день, стоит только оступиться. Вот смотри, здесь люди стучат на людей. Всегда. Потому что ты стукнул – кого-то наказали, а тебе добавили баллы. Заложил кого-то посильнее – тебе очков больше, а другому могут до нуля скостить или даже в минус...

– В минус!?! Здесь, что еще и минус есть?

– А то! Некоторые съезжают и до двух, и до трех тысяч назад. Я слышала, что и больше. А потом самоубийства... Потому что по замкнутому кругу не у многих сил хватает ходить.

От того, что я слышала, волосы на голове начинали медленно шевелиться.

– Абсурд какой-то, – вырвалось у меня.

Янка кивнула.

– Я не то, чтобы привыкла, но через полгода-год начинаешь привыкать.

– Так сколько ты уже здесь?

– Два года и три месяца, – Янка прожевала еще одно печенье всухомятку. – Я держусь. А что делать-то... Выйти хочется. Кручусь, как могу. Связи налаживаю.

Я помолчала. С одной стороны хотелось узнать, за что она здесь оказалась, с другой не хотелось быть прямолинейной и лезть в чужую душу.

– А кому же тогда здесь верить? Есть у тебя друзья? Хоть кто-то, с кем ты общаешься?

– Есть, но не много. Здесь трудно дружбу водить, когда каждый сам за себя. Как волки, ей-богу. Ну ты еще увидишь, попробуй только до магазина дойти, сразу поймешь, о чем я.

Я неприятно поежилась от предостережения. Фиг вам, до магазина! До телефонной будки, найду адрес Лароша, отдам посылку и только меня и видели. Подумаешь, не поем пару дней! Холодильник еще полный.

– А тебя за что сюда? – спросила Янка, не отличаясь светской тактичностью. А, может, здесь так было принято.

Решив не раскрывать истинную причину своего присутствия в Тали, я прибегла к услужливо предоставленной Корпорацией легенде.

– За хакерство, – буркнула я, но пояснять ничего не стала.

– Что, правда что ли? – Янка, как и Броцки, явно зауважала меня сильнее прежнего. – Тебе точно с Робертом надо

познакомиться! Он все с детальками и электроникой возит-ся. Когда не пьет...

Последняя фраза неопределенно повисла в воздухе.

– А кто это? И где он живет?

– Да на нашем этаже в конце коридора. Хороший парень. Умный, сразу видно. Только слабый характером. Спивается он сильно, все вроде как хотел счетчик надурить, а не выходит...

Янка поспешно спохватилась и захлопнула рот, тараша на меня круглые голубые глаза.

– Ты только никому, слышь? Мы же вроде как друзья, да?

– Да конечно! – мгновенно подтвердила я, чтобы успокоить словоохотливую хозяйку, хотя на самом деле сама прилично разнервничалась. Не хватало мне еще чужих тайн! Своих выше крыши, и, чтобы сменить тему, как можно быстрее спросила:

– А сама ты здесь за что?

Янка моим ответом, по-видимому, удовлетворилась, потому что снова расслабленно откинулась на спинку дивана.

– Да долгая это история. Но мы все равно не торопимся, так что давай расскажу... – она поворочалась и начала повествование. – Несколько лет назад мне достался дом. Хороший, красивый, большой. У меня тогда был дружок, все как у людей: свидания, шоколад, гулянье под луной, в общем, любовь-морковь. Поначалу было ничего. А потом мы стали ругаться. Да знаешь, прямо по любому поводу! То не так ска-

зал, то не так сделал, это не туда положил. Короче, три года мы промучились, а потом решили разбежаться. Дом этот я клянчила долго, в конце концов, он мне его и оставил. Плюс кое-какую наличность.

На этом месте Янка самодовольно гоготнула.

– Насчет дружка я не особенно-то и горевала, думала, найду работу, заведу отношения с кем-нибудь еще, но не так все сладко сложилось. Стоящей работы все не попадалось, за дом становилось все труднее платить, долги росли, еды не было. Я горбатилась в поте лица, но все ни к черту. Через какое-то время я решила продать этот дом и купить что-нибудь подешевле. А то и вовсе снимать жилье. Но для продажи требовалась реставрация, много починки на нижнем этаже и подвале, замазка стен, по-хорошему новая крыша. На все это требовались тысячи, если не сотни тысяч. А где их взять? Негде! Хоть район и был хорошим, а покупатели предлагали мизерные суммы. Все из-за оценки экспертов. Короче, отдавать его за копейки мне не хотелось, а чинить было не на что. Да я еще, знаешь, была несколько высокомерна. Привыкла к хорошей жизни, цифры без пяти нулей и за деньги-то не считала...

Янка вздохнула, будто коря себя за глупость. Посидела молча, задумавшись, затем тряхнула подсыхающими волосами и продолжила.

– Я сейчас-то понимаю, что надо было брать, что давали и не артачиться. А тогда вот... В общем, постепенно я впала в

уныние, понимая, что получить, сколько я хочу, не удастся. Тогда, вместо того, чтобы мыслить рационально, я приняла решение, за которое вот расплачиваюсь до сих пор. Я решила сжечь его и получить страховку. Только так мне удалось бы срубить достаточно. Я нашла мужика, какого-то мелкого криминала с улицы, пообещала ему столько, сколько, по моему мнению, должно было хватить и за работу, и за молчание, и, обеспечив себе твердое алиби, в назначенный вечер ушла играть в преферанс с подругами. Дом сгорел, как миленький. До угольков, до черной пыли по всему бульвару. Я громко плакалась, убитая притворным горем, страховому инспектору, а про себя тихо радовалась скорой выручке и новой жизни. Вот только я просчиталась. Страховая компания наняла акул – экспертов по поджогам, которые быстро вычислили истинную причину пожара, и страховщики вцепились в мою задницу, как бульдоги. Им хватило нескольких дней, чтобы опросить соседей, вычислить, что дом числился в списках «для продажи», что проводилась оценка, что приходили и уходили покупатели. А потом нашли и этого мужика-поджигателя, который мгновенно во всем сознался, опасаясь за свою поганую шкуру. Так я не только потеряла все, что имела, но и получила выбор, предоставленный мне Комиссией. Либо плачу огромный штраф и отправляюсь за решетку на четыре года, либо еду отбывать повинность в Тали. О Тали мне немного рассказали перед этим, и я почти не раздумывала. Не жалею, признаться честно, и сейчас. Во-пер-

вых, денег на штраф мне все равно было не найти, а во-вторых, я предпочитаю пусть ограниченную, но свободу. Здесь я могу и в магазин, и домой, и на работу. Могу общаться с кем хочу, передвигаться в любом направлении. А в клетке что? Кровать да сортир? Да еще столовая, где кормят кашей и льют не чай, а мочу? Здесь я могу есть вкусно. Конечно, это зависит от того, сколько я могу заработать, но так ведь есть шанс крутиться! Пытаться, в конце концов! Не у всех хватает сил и изобретательности здесь прижиться хоть сколько-нибудь хорошо, но так они тоже делали этот выбор. Каждый, кто здесь есть, мог остаться там, за пределами Тали, в обычной тюрьме. Да что я рассказываю, сама ведь знаешь...

Завороженная рассказом, я не сразу нашлась с ответом. Затем вздрогнула и поспешно кивнула.

– Конечно... Выбор всем давали.

– Вот и я про что. Ну а что правила? Да, законы соблюдать надо. Неприятно, но не смертельно. Можно и не соблюдать ничего, так здесь и сидеть. Многие так и делают. А если уж хочется назад, тогда приходится гнуть спину и не роптать. Зарабатывать баллы, копить эту тысячу.

– А ты? – вдруг спросила я.

– Что я?

– У тебя-то сколько баллов накопилось?

Янка потянулась рукой к столику, стоявшему справа от дивана, и развернула рукой счетчик. На темном экране горела голубым цифрой «271».

– Не много, как видишь. Но я не отчаиваюсь. Дорогу осилит идущий.

– Это да... – как-то невзрачно подтвердила я, находясь под впечатлением от услышанного. Чтобы как-то избежать депрессии, связанной с причислением себя к странной и недружелюбной системе Тали, я вернулась к мыслям о Лароше и «Dreams LTD». Мне не придется постигать все эти тонкие науки выживания, не придется тонуть от отчаяния, от того, что на моем счетчике не прибавляется достаточно, и свет «белый» будет бороздить ногами кто-то другой. Я не утону здесь, в этом городе узников, не дам себе даже близко подойти к мутной, затягивающей в себя все живое болотной воде системы. Вы уж как-нибудь без меня. Без меня...

Я бросила взгляд на часы и пошевелилась.

– Мне пора, наверное. Поздно уже.

– Ага, давай, – Янка потянулась и взъерошила волосы. – Тоже пойду спать.

На пороге мы остановились.

– Ты не сильно-то переживай. Это кажется, что трудно. Потом поймешь что и как, свыкнешься...

Я незаметно поежилась. Свыкаться не хотелось. Не хотелось даже мыслить в том направлении.

– А за джем спасибо, – она снова улыбнулась и преобразилась. – Худой мне, видимо, не судьба, но хоть брюхо сладким набью. И то праздник.

– Да не за что. Ты заходи, если нужно, где живу, знаешь.

– Ладно.

Мы кивнули друг другу на прощанье, и я вышла за дверь.

Глава 5

Проснулась я поздно, вероятно, сказалась усталость последних двух дней. Умылась, почистила зубы и села на кровать, размышляя, как построить график на сегодняшний день. Наиболее важным казалось как можно скорее отыскать Лароша. А чтобы отыскать его, вероятно, придется куда-то ехать. Если ехать, значит нужно иметь купоны для оплаты транспорта. Чтобы получить купоны, их нужно купить на деньги, которыми снабдила меня Корпорация. Все выглядело просто и логично. Оставалось лишь несколько вопросов. Где обменять деньги на купоны, и с чего начинать поиски Лароша?

Поразмыслив над первым вопросом, я решила, что быстрее всего поймать такси, заплатить оставшиеся купоны за дорогу, а там уже, получив новые, можно будет задуматься и над поисками Лароша.

Наскоро позавтракав хлебцами с джемом (третья банка все-таки имелась в моем распоряжении), я причесалась, всунула ноги в кроссовки и вышла за дверь. Посылку брать с собой не стала, решив, что Лароша сегодня могу и не найти, и таскать лишнюю тяжесть с собой не так уж и приятно. Пачка купюр покоилась на дне пакета, заменивший мне сумку, которую я не удосужилась взять с собой в Тали, и выскользнула на улицу... Сколько именно обменивать на купоны, я

пока не знала, но надеялась разобраться на месте.

День выдался жарким и нестерпимо душным. Покинув территорию Бэль-Оук парка, я направилась вверх по дороге, ведущей к более оживленной улице, по которой время от времени проезжали машины. Такси ждать почти не пришлось, не так много желающих в этот час голосовало на обочинах, вероятно, предпочитая экономные городские автобусы (один из таких как раз остановился недалеко от меня, подняв кучу пыли, и я автоматически бросила взгляд на название остановки – «Бэль-Оук Булевар»). Запомнив на всякий случай название улицы, я подошла к остановившемуся рядом Тазику. Одутловатый детина уже нетерпеливо постукивал пальцами по пыльной баранке.

– Куда едем?

– Туда, где можно купить купоны за деньги.

Детина кивнул вглубь салона – залезай, мол. Я села на заднее сиденье.

– Сколько будет за проезд? Мне в ближайший надо, – уточнила я на тот случай, если он вдруг решит нажиться на моей бедной шкуре, выбрав обменный пункт на другом конце города.

Водитель намек понял.

– Полтора купона. Тут недалеко.

Я поскрежетала зубами. Недорого, тоже мне. На руках останется только два купона после этого. Ну да ладно, ведь я за ними и еду.

– Поехали.

Детина поскреб щеку, посмотрел в зеркало, пропуская автобус, и, сигналив какому-то нерасторопному пешеходу, влился в поток.

Обменный пункт выглядел достойно. Четырехэтажное стеклянное здание отсвечивало всевозможными оттенками синего на солнце. Вот только название подкачало – «Талибанк». Слово почему-то вызывало неприятные ассоциации. А в остальном все смотрелось более чем презентабельно: клумбы, парковочные места на пару десятков машин, несколько лавочек по сторонам от подъездной аллеи, в общем, место вызывало доверие. Особенно после крамольных мыслей по пути, что сейчас меня привезут к узкой обшарпанной будке с зарешеченным окном, гадкой теткой внутри и не менее гадкими типами, поджидающими выходящих наружу посетителей, чтобы тут же обобрать.

Вздыхнув с облегчением, я расплатилась с водителем и вышла из машины. Раскаленный воздух пропитался ароматами газонной травы и множеством растущих на клумбах вокруг банка цветов. Посетителей было немного: по пути мне встретился всего один человек в костюме. Осторожно кивнув в знак приветствия, я толкнула стеклянную дверь и вошла в холл. Кабинки продажи купонов находились у правой стены, и, выбрав самую ближнюю, я скользнула внутрь. На мое счастье она оказалась пуста.

Сидящая за стеклом женщина вежливо поздоровалась, и, поздоровавшись в ответ, я спросила:

– Какой сейчас курс покупки одного балла?

Вопрос звучал немного глуповато, с такой валютой мне раньше дел вести не доводилась, но женщина ответила без промедления, нимало не смутившись.

– Курс всегда один. Он остается стабильным на протяжении последних пятидесяти лет.

Я молча удивилась.

«Сколько же лет этой дыре?»

– И сколько стоит один балл?

– Один бал равняется одной тысяче.

От удивления я едва не закашлялась. Тысячу за балл? Это же не просто грабеж, это... это... Женщина наблюдала сползшую с моего лица краску (затем вползшую на него обратно, но уже с серо-пурпурным оттенком отчаяния и раздражения) с завидным спокойствием.

– Сколько будете покупать?

Я шумно втянула воздух. А я еще думала, что какие-то деньги останутся по приезде домой, и я смогу их тихо присвоить. Куда там! Получается, что я могу купить только пятьдесят баллов. А ведь это здесь ничто! Максимум на пару недель автобусных поездок и походов в магазин за продуктами. Еще неизвестно, во сколько обойдутся продукты...

– Э-э-э... Мне нужно купить пятьдесят баллов, – я протянула кассиру всю пачку драгоценных купюр. В конце концов,

деньги я смогу заработать, а вот выбраться отсюда, не найдя Лароша, не смогу никак. Значит, придется использовать для этого все возможные средства.

Кассирша быстро пересчитала купюры счетной машинкой (вжи-и-и-к, пролетели они сквозь нее с шелестящим звуком) и затем удивленно посмотрела на меня.

– Что-нибудь еще?

Я стояла, не шелохнувшись.

– А купоны? Может, вы мне их дадите? – в моем голосе против воли просквозили язвительные нотки.

Тетка моргнула накрашенными ресницами.

– Так они уже зачислены на ваш счетчик.

Я подняла руку и посмотрела на маленький экран браслета. Там действительно вместо нуля теперь стояла цифра пятьдесят. Переведя взгляд снова на кассиршу, я растерянно спросила:

– А как же бумажки? Я ими в такси плачу и, наверное, в магазине буду...

Тетка охотно пояснила.

– А вам они не понадобятся. Бумажные купоны неудобны и недолговечны. Таксисты и продавцы могут просто сканировать ваш браслет, вычитая нужную сумму.

В кабинке снова повисла тишина. Накрашенные глаза терпеливо буравили меня, ожидая новых вопросов.

Все еще растерянная и удивленная, я не нашлась что сказать, а посему просто поблагодарила кассиршу и покинула

будку.

Выйдя на жаркую улицу, я первым делом огляделась, размышляя, куда направиться теперь. Насколько велик Тали? Сложно ли найти в нем одного единственного человека? Наверняка где-то должна быть справочная система. Но где?

Дойдя до дороги, я остановилась на тротуаре, глядя на проезжающие мимо машины. Многие из них были довольно старыми: они проносились мимо, поскрипывая тормозными колодками и издавая громкие хлопки проржавевшими глушителями. Модели эдак двадцатилетней, а то и тридцатилетней давности. Но попадались и совершенно новые. Сверкающие на солнце, гладкие, отполированные до блеска бесшумные красавицы. Этими наверняка владели богачи. Владельцы магазинов и ресторанов, огромных ранчо или работники банков. Те, кто имел право начислять вот эти самые голубые циферки на счетчики. Я покосилась на браслет. Цифра пятьдесят приглушенно светилась синим в лучах полуденного солнца.

Оглядывая прохожих, я заметила, что вдалеке, на углу перекрестка, стоит полицейский. Может, спросить его? Ведь если я правил не нарушаю, то почему бы ему не ответить на пару вопросов? Поискав глазами знак, указывающий на одностороннее движение, и не найдя такового, я направилась в сторону перекрестка.

Полицейский при моем приближении скорчил подозри-

тельную гримасу.

– Тебе чего? – спросил он глухо, стирая струящийся из-под козырька пот одной рукой, а другую держа на рукояти дубинки.

– Здравствуйте. Я хотела спросить... Вы не подскажете, где мне найти справочную систему? Я ищу одного человека, но совершенно не знаю его адреса.

– А кто он тебе? – взгляд полицейского стал еще более подозрительным.

– Э-э-э... – не сразу нашлась с ответом я, – ну, понимаете, мы с подружкой видели его один раз в баре, он мне очень понравился, я даже услышала его имя. А вот подойти не успела. Он уже ушел. Теперь мне хочется...

– Влюбилась, что ли, дура? – расплылся в идиотской улыбке служивый.

От подобного обращения я покраснела. Пылающие от возмущения щеки полицейский принял за девичье смущение.

– Иди давай, некогда мне на вас время тратить!

Понимая, что пропадает последний шанс получить хоть какую-то информацию, я громко заголосила:

– Ну, дяденька, ну как же мне теперь? Куда идти, где искать? Пропаду ведь, истомлюсь совсем! – никогда еще я не произносила ничего более глупого, но деваться было некуда. Нужно было играть выбранную роль до конца. – Неужели совсем ничего не подска...

– Тьфу-ты! – выругался мужчина в фуражке. Но не злоб-

но, а больше для порядка. – Вот прицепилась! Кто б меня так любил... Вон видишь, через дорогу стоит телефонная будка (я проследила за его рукой и уткнулась взглядом в пыльную красную кабинку), там справочник лежит. Если имя знаешь, так, может, и адрес найдешь.

– Спасибо! – поблагодарила я, на этот раз совершенно искренне.

– Только в койку сразу не прыгай! – догнал меня его голос уже на середине дороги. Вслед за этим раздался приглушенный хохот.

– Не буду, дяденька! – махнула я рукой. И под нос добавила, – Козел!

Листая пыльные страницы справочника, я молилась, чтобы имя Лароша нашлось. Пусть оно окажется в списке! Пусть моя задача окажется не только выполнимой, но и быстро решаемой. Скользя по букве «Л» пальцем, я вполголоса бормотала «Лайн, Лайтон, Ламберт, Ланг... Ларош!» Ларош!!! Я едва не подпрыгнула от радости. Ларош нашелся! И не просто какой-то там, а настоящий! Именно тот, который был мне нужен – Кристофер!

Готовая расцеловать грязные, запятнанные страницы, я потрясла тяжелым справочником в воздухе, мысленно празднуя первую победу в нелегком деле, затем чихнула от поднявшейся пыли и достала из пакета листок и ручку. Наскоро переписав адрес (благо, в колонке на букву «Л» зна-

чился всего один Ларош), я еще раз сверилась со справочником, убрала листок обратно в пакет и выпорхнула на улицу.

Воздух на этот раз показался мне совершенно иным на вкус. Будто кто-то добавил в него неуловимый аромат близкой свободы. Приятно шелестела листва, сквозь которую пробивались золотистые солнечные лучи, покачивали розовыми лепестками растущие на обочине маргаритки. Постояв с полминуты без движения, я радостно тряхнула головой и направилась к ближайшей стоянке «Tazi».

Но не пройдя и двух шагов, застыла на месте. Прежде чем ехать, желательно бы позвонить Ларошу и договориться о встрече. А так как телефона в моей квартире нет, нужно сделать это прямо сейчас, пока я не ушла далеко от телефонной будки. Вернувшись в кабинку, я достала листочек с записанными координатами и принялась изучать инструкцию пользования телефоном-автоматом. Едва шевеля губами, я прочитала: «Поднесите браслет к излучателю фронтальной стороной, чтобы произвести сканирование. После того как раздастся звуковой сигнал, с вашего баланса будет снят один балл, который позволит говорить в течение десяти минут непрерывно или же сделать десять звонков продолжительностью по одной минуте каждый».

Такие условия меня вполне устраивали, и я решительно поднесла браслет к пробивающемуся сквозь затемненную пластину красному лазерному лучу. Раздалось тихое секунд-

ное «Пи-и-и», и счетчик браслета переключился с пятидесяти на цифру сорок девять.

Вздохнув и наскоро подивившись чудесам современной техники, я принялась набирать номер Лароша. Раздались длинные гудки. Я нетерпеливо переминалась с ноги на ногу, ожидая ответа. Когда послышался щелчок, я едва не подпрыгнула на месте. Однако голос, заговоривший в трубке, был записью автоответчика.

– К сожалению, меня сейчас нет дома, но я прослушаю ваше сообщение, как только вернусь. Спасибо!

Проиграла короткая мелодия, предшествующая началу записи, и я судорожно вздохнула, пытаюсь собрать воедино короткую речь.

– Здравствуйте, Кристофер. Мне срочно нужно с вами увидеться. У меня для вас есть посылка... – на этом месте я запнулась, лихорадочно соображая, не опасно ли упоминать о Корпорации в Тали? Но если Ларош не поймет важности сообщения, существует вероятность, что он откажет во встрече, а этого мне всеми силами хотелось избежать. Поэтому я продолжила по возможности прямо. – Эта посылка от обоим нам известной Корпорации. Так как у меня нет телефона, я буду звонить вам с телефона-автомата сегодня еще раз. А лучше, первый звонок я сделаю через два часа и буду набирать вас каждый последующий час, пока вы не ответите. Надеюсь на скорую встречу, и, пожалуйста, помните – это очень важно!

Я положила трубку на рычаг. Стальной шнур, соединяющий ее с аппаратом, несколько раз качнулся и замер. Ну, вот и все. Теперь придется ждать. Я еще какое-то время постояла внутри кабинки, прокручивая сказанные для автоответчика слова в голове, вспоминая, не упустила ли чего, но решив, что все было сделано правильно, вышла из будки.

Куда же направиться теперь? Сонная улица утопала в жарком мареве. Даже машин в эту минуту видно не было. Тали будто плавился и растекался под лучами палящего солнца. Дел у меня на сегодня, кроме как звонить Ларошу, не оказалось. О прогулках речи быть не могло: во-первых, я совершенно не знала, куда идти (а если идти, не зная куда, то можно очень быстро растерять по дороге драгоценные баллы. Этот опыт в Тали приходил особенно быстро), а во-вторых, далеко ли уйдешь по такой жаре? Ни защитных кремов, ни даже кепки в моей сумке не было, а тепловой удар не являлся наиболее желаемым из возможных впечатлений. Поэтому мне не оставалось ничего, кроме как поехать домой.

По пути на стоянку для «Тазиков», я заметила пустующую автобусную остановку и на секунду задержалась, чтобы прочитать табличку с расписанием маршрутов. С этого места до моего дома (если это вообще можно было называть «домом»), оказывается, ходили даже два автобуса. Пятьдесят первый и восемнадцатый. Пятьдесят первый, судя по расписанию, должен был прибыть с минуты на минуту, и вместо того, чтобы тратить оставшиеся два купоны на желтобо-

кое такси, я решила прокатиться на местном общественном транспорте. Мысленно настроившись на преодоление трудностей в виде разгадывания математических формул на билете, я оперлась на железный столб, поддерживающий крышу остановки, и принялась ждать. Какое-то время на тихой улице не было слышно ни звука. Только редкое покачивание листвы от слабого горячего ветерка и отзвуки моторов вдалеке. Видимо, поток машин был более оживленным на соседней улице. Затем по противоположной стороне дороги неторопливо прошел пешеход – мужчина средних лет, одетый в шорты и майку. В руках он держал свернутую газету. В этот момент мне показалось, что я никуда не уезжала из Клендон-Сити. Нормальный город, нормальный пешеход. Сидящая у стены соседнего дома, греющаяся на солнце дымчатая кошка. Раздающийся из приоткрытого окна звук работающего телевизора и чей-то голос, призывающий кого-то идти пить чай...

Будто и не было никогда Зоны 33 со странными правилами для заключенных. Не было того вечернего звонка, а затем мистера Брамса, сухого, как веник. Не было странного Теда на площадке перед вокзалом, жующего яблоко в автобусе. Не было пограничника Броцки, счетчика и сборника правил в пакете.

Но странное иллюзорное пересечение реальностей рассеивалось, стоило мне только взглянуть на браслет. Я стояла здесь, в Тали, ожидая автобуса, напичканного формула-

ми, чтобы доехать до «Бэль-Оук недопарка» (как я окрестила собственный район проживания), мне все еще нужно было найти Лароша, отдать посылку, которая досталась мне от Корпорации в счет долга за Алекса. Стоило этому имени вспыхнуть в мозгу, как тут же навалилось знакомое ощущение пустоты в груди. Но поглотить меня целиком оно не успело, потому что вдалеке послышался скрип подъезжающего к остановке белого пыльного автобуса.

Передние двери распахнулись, я решительно шагнула в салон. Разморенный жарой водитель нажал какую-то кнопку, и прибор, встроенный в приборную панель, быстро отпечатал небольшой бумажный билет. Водитель, лениво глядя через ветровое стекло на дорогу, протянул его мне. Двери закрылись. Оглядевшись, я увидела турникет, отделяющий пассажирскую часть автобуса от кабины, и по наитию вставила полученный билет в сканероприемник. Проштампованный билет тут же выехал обратно, а появившийся лазерный луч указал, что теперь система хочет получить данные с браслета. Проделав ту же операцию, что и в телефонной будке, я толкнула поручень и прошла в салон.

В салоне находилось всего несколько человек, но я не стала тратить время на разглядывание людей. Гораздо важнее теперь было отыскать зашифрованное место. На билете, вопреки моим ожиданиям, никакой математической формулы не оказалось. Зато там был рисунок из переплетающихся в разных направлениях черно-белых линий. Застыв от удивле-

ния (ведь я уже приготовилась множить и делить в уме), я с глупым видом продолжала изучать зажатую в руке бумажку. Что это значит? Где здесь написано место? Внизу, словно в насмешку, вполне понятным языком было сказано, что у меня в запасе есть ровно две с половиной минуты, после чего последует штраф в размере трех баллов. Чертыхнувшись, я растерянно посмотрела на сидящих в салоне людей, но никто из них даже не повернул головы в мою сторону. Чувствуя, как все ближе подступает паника, а в голове громко тикают секунды, я снова обратила взгляд на хаотичное переплетение линий. Что это значит? Какой-то лес из полосок! А время идет ужасающе быстро. Что такое две с половиной минуты? Какие-то сто пятьдесят маленьких секунд! Очень коротких секунд. Мне нужно сейчас же сосредоточиться... Сейчас же...

Только невероятной силой воли мне, наконец, удалось отодвинуть страх назад и сконцентрироваться на рисунке. Поначалу глаза скользили по черным палочкам, цепляясь за каждую в отдельности, останавливаясь на каждой, даже самой мелкой детали. Где же тут скрыт номер сиденья? Постепенно, устав от напряженного всматривания, я окинула картинку целиком, и в этот самый момент мне показалось, что что-то начинает проясняться. Не давая себе думать об убегающих секундах, я расслабила зрение еще сильнее, переместив фокус куда-то за бумажку, и едва не подпрыгнула от ликования. Ну конечно! Это же стереоскопическое изображе-

ние! Как только мне удалось поймать правильный угол зрения, не позволяя глазам сфокусироваться, как тут же, словно по волшебству, из палочек и линий на поверхность выплыла цифра «17». Хвала одному моему другу, который несколько лет назад брал меня на выставку подобных картин! Тогда я долго не могла понять, как люди видят предметы на, казалось бы, совершенно абстрактных цветовых полотнах, но со временем научилась расслаблять глазные мышцы и получать удовольствие, видя знакомые очертания там, где по первоначальному мнению их быть просто не могло.

Едва не подпрыгивая от радости, я бегом бросилась к семнадцатому сиденью. Прижав мягкое место к совсем не мягкой обшивке кресла, я облегченно вздохнула.

Сидевшая позади меня женщина чуть слышно произнесла:

– Успела все-таки. Пять секунд у тебя оставалось...

Успокоившись, я сидела молча, слушая равномерное гудение и поскрипывание автобуса, рассматривая проплывающий за окном пейзаж. Дорога была совсем не той, которую на пути к банку выбрал таксист: теперь мы ехали, как мне показалось, по самой окраине Тали. Вывод такой я сделала, рассматривая огромные, утопающие в полях и плантациях фермы. Особняки владельцев высились в отдалении: красивые добротные дома, в основном двух и трехэтажные. На плантациях же, на самом солнцепеке работали люди: их непокры-

тые, бронзовые от загара спины, поблескивали от пота.

«Какой же это должен быть ужас – работать вот так в полдень, на самой жаре!»

На некоторых головах были видны шляпы, но мелькали среди кукурузных початков и разноцветные вихры или даже лысины. Я от души пожалела бедняг. Заботятся ли о них работодатели? Если да, то почему такие ужасные условия, ведь бумажные кепки обошлись бы в центы? Как только очередная кукурузная ферма скрылась за поворотом, на несколько миль растянулась свободная от полей, невспаханная земля. Я уже было подумала, что фермы закончились, когда вдалеке показалась еще одна. Белый каменный трехэтажный дом, вблизи окруженный зеленью и клумбами, выглядел не просто внушительно, но угрожающе-великолепно. Словно архитектор, поначалу решивший построить неприступный форт, изменил мнение на середине процесса и легковесной рукой добавил в сооружение несколько колонн, балконов и изящную крышу. Сразу за садом, что прикрывал окна особняка от беспощадного солнца зелеными дубами, раскинулось широкое, засаженное чем-то высоким поле. Из автобуса, ползущего по дороге, вид растительности мне определить не удалось. Но сразу же удивило явное от всех предыдущих ферм отличие. Вокруг всего поместья тянулся высокий проволочный забор. С переплетением острой, как бритва, проволоки, кто-то постарался на славу: зубцы ее, перекрученные во много раз между собой, не оставляли ни единой лазейки.

Когда же я разглядела за ограждением вальяжно прогуливающих охранников (Боже! С хлыстами в руках!), меня почти физически затошнило. Здесь еще и такое бывает? Насколько же провинились эти бедолаги? Однако я понимала, что за некоторые преступления полагалась смертная казнь, и, возможно, такой вариант для каторжников был еще не самым плохим. Но думать, что сама могла бы попасть в такое место, было невыносимо.

С трудом оторвавшись от угнетающей картины (ведь хлысты у охранников наверняка висят не для украшения?), я кое-как сглотнула комок и уперлась взглядом в стенку переднего сиденья. Духота в салоне заставляла изнывать от жажды. Воды бы попить.... Вслед за этой мыслью пришла другая – я вспомнила, что на завтрак мне отчаянно захотелось йогурта и апельсинового сока, но в холодильнике их, к сожалению, не нашлось. Перебрав содержимое полка, я подумала, что неплохо было бы еще прикупить овощей на обед и что-нибудь сладкое к чаю (чтобы было чем изредка баловать себя любимую). А значит, пора знакомиться с местными магазинами. Не то, что бы мне требовалась гурманская пища, я прекрасно осознавала насколько ограничена в «балло-финансах», но в то же время, я отчаянно тосковала по прогулкам среди заставленных товарами полкам огромных супермаркетов. Иногда я катала тележку просто для удовольствия, читала надписи и состав продуктов на этикетках, любовалась красиво выложенными фруктами, вдыхала запах дели-

катесов из отдела готовой пищи. И пусть у меня сейчас нет средств, чтобы потакать каждой собственной прихоти, пока я здесь, в Тали, но хотя бы что-то я могу себе позволить. Тем более что Кристофер уже нашелся, осталось только передать ему посылку. А там домой... Домой... Это слово перекатывалась в сознании сладко и привлекательно, словно шарик мороженого на распухшем языке бродяги. Даже мысль о том, что там до сих пор нет Алекса, уже не настолько угнетала... Подумав об этом, я тут же укорила себя.

Когда за окном показались знакомые места, я подхватила сумку и направилась к выходу. Автобусная остановка находилась ровно напротив той, которую я видела сегодня утром по пути в банк, а на углу перекрестка я заметила невысокое стеклянное здание с вывеской «Супермаркет № 2».

«Именно то, что мне сейчас нужно», – обрадовалась я и, легко помахивая сумкой, двинулась в его сторону.

В магазине царил прохлада. Взяв стоящую неподалеку от входа скрипучую стальную тележку, я положила в нее пакет и направилась вглубь помещения, наполненная предвкушением приятного «продуктового» шопинга. Мои худшие предположения о возможном дефиците продуктов не оправдались. Выбор здесь был огромный. Неторопливо шагая к молочному отделу, я поглядывала на ассортимент на полках: мимо проплывали пузатые банки с кукурузой и горошком, маринованными огурцами и всевозможными вида-

ми оливок. Обилие товаров радовало глаз, а приятная мелодия, льющаяся из динамиков, настраивала на оптимистический лад. Добравшись до расположенных у стены холодильных камер, я принялась тщательно выбирать йогурт. Хотелось чего-нибудь не слишком жирного и желательного с клубникой. Так как рисунки на крышечках не отличались особенной выразительностью, я взяла в руки первый попавшийся. Надпись гласила «Фруктовая молочная масса с Расторопшей».

«Что такое расторопша?» – я задумалась, слышала ли я когда-нибудь это слово, но на ум ничего не шло. Поставив баночку обратно, я пробежалась глазами по соседним полкам.

«Вот он!» – загрузив в корзину упаковку клубничных йогуртов, состоящую из четырех штук (полбалла за четыре штуки – дорого, но куда деваться), я, подпевая незатейливой мелодии, направилась дальше. Так, теперь дальше... Что же еще было в моем списке? Ага, точно! Сок!

Ряд из разноцветных бутылок тянулся от стены и до самых кассовых аппаратов. Сначала мне попался на глаза алкоголь, из чего я сделала вывод, что спиртное здесь очень даже разрешено. Одного только пива я насчитала восемнадцать сортов. Одна этикетка привлекла мое внимание и остановилась уточнить, не подвело ли меня зрение. Оказалось, что нет.

«Это же Эрмингер! Настоящее Галлийское пиво!» Эрмингер был редкостью даже в Клэндон-Сити, импорт его сто-

ил немалых денег, и зачастую цена бутылки достигала десяти долларов за штуку. Покрутив в руках бутылку, я убедилась, что штрих-код действительно Галлийский, после чего поставила ее на место. Посмотрев на цену, я приглушенно хрюкнула – два с половиной балла. Если учесть, что один бал здесь стоит одну тысячу долларов, получается две с половиной тысячи за бутылку. Невероятно просто! Но кто-то, наверное, все же покупает. Те, кто ездят на новеньких авто с затемненными стеклами... В какую же цену тогда может обойтись коньяк? Коньяки стояли неподалеку. Разинув рот, я читала этикетки: четырнадцать, девятнадцать, двадцать два балла...

Ой! Уж лучше всю жизнь пить какое-нибудь пойло, но накопить на свободу. А еще лучше, вообще урезать подобные желания, пока не окажешься за пределами Тали.

Неожиданно вспомнив, что мне еще нужно позвонить Ларошу, я оторвалась от чтения безумных цен и покатила тележку к ярким бутылкам с соком. Выбрав один, не слишком дорогой (за 0.1 балла), я положила его к йогуртам и отправилась к кассам. Заметив по пути печенье, я, практически не глядя, выбрала какую-то пачку с шоколадной плиткой на этикетке и закинула ее в корзину. От моего небрежного движения еще одна упаковка такого же печенья свалилась с полки на пол, я наскоро водрузила ее обратно и, наконец, заняла очередь.

Кассиром был юноша лет восемнадцати. Нескладный, то-

щий, но с безупречно чистой кожей лица (кремами он что ли пользуется?). На голубой отглаженной рубашке крепился бейдж с именем, руки его вальяжно порхали от корзинки к красному лучу, сканируя товар.

– С вас двенадцать и две десятых балла, – прозвучал неокрепший, но несколько манерный, как мне показалось, голос кассира.

Мужчина, к которому была обращена фраза, молча поднес браслет к сенсору, после чего отодвинул продукты к концу ленты и принялся складывать их в пакет.

Передо мной стоял еще один парень и женщина, у обоих в руках было только по булке хлеба, поэтому моя очередь подошла быстро.

– Здравствуйте, – все так же монотонно, на странный лад растягивая слова, поздоровался кассир.

– Здравствуйте, – ответила я, выкладывая йогурт, сок и печенье на ленту.

– Йогурт клубничный четыре штуки – ноль пять, – сканируя упаковку, бубнил кассир (Кеннет, как подсказал бейдж с его именем), сок апельсиновый, один – одна десятая балла, печенье шоколадное, две пачки – четыре десятых балла.

Я попыталась поправить его, что у меня всего одна пачка печенья, но юноша продолжал невозмутимым тоном бубнить.

– ...йогурт с «расторопшей» – две десятых балла, пиво Эрмингер, одна штука – два с половиной балла.

Открыв от удивления рот, я еще раз посмотрела на ленту, где лежали товары. Убедившись, что там так и лежит одна упаковка клубничного йогурта, сок и одна пачка печенья, я снова перевела взгляд на Кеннета.

– Уважаемый, я не брала йогурт с «Расторопшей», пиво и еще одну пачку печенья. Мы можете в этом убедиться, глядя на ленту.

Кеннет скосил круглые полуприкрытые веками глаза на ленту, затем перевел их на экран кассового аппарата.

– Плюс три балла за дополнительное пребывание по времени на территории супермаркета.

– Что? Что вы такое говорите?

– ... всего с вас шесть целых и семь десятых балла.

– Да вы в своем уме!?! – возмутилась я, но тут же постаралась остудить себя. Это просто ошибка. Какая-то досадная ошибка, и сейчас все будет улажено.

– Посмотрите еще раз на ленту, – более спокойным тоном попросила я. – Вы же видите, что я не брала две пачки печенья, пиво и этот странный йогурт с «расторопшей». У меня здесь всего...

Кеннет перебил меня, недослушав.

– Любой товар, который покупатель берет с полки, полагается оплатить. Таков закон супермаркета.

Я опешила.

– Но ведь я всего лишь посмотрела и поставила назад!

Кассир покачал головой.

– Это не имеет значения.

Какое-то время я буравила его взглядом, пытаюсь переварить услышанное.

– Получается, что мне полагается теперь забрать бутылку пива, еще одно печенье и йогурт? Давайте, я тогда уж схожу за ними...

– Вы их уже поставили назад. А значит, если возьмете снова, мне придется пробить их еще раз.

– Что значит пробить еще раз!? Вы их только что пробили, а на ленте их нет. Значит, я могу их взять.

– Нет, мисс.

После этого ответа я уже была готова вцепиться Кеннету в благоухающее свежестью лицо.

– Что все это значит? – прорычала я, чувствуя, как мои щеки начинают покрываться пятнами. – Товар я оплатила, а взять не могу?

– Вы поставили его обратно. Теперь вы можете его взять только за дополнительную плату.

Несколько секунд я всерьез рассматривала идею поколотить кассира. Но после нескольких глубоких вдохов и выдохов, лишь медленно произнесла.

– Хорошо. Я поняла ваш закон. Менеджера, как я понимаю, смысла звать не имеет.

Манерный Кеннет только неопределенно пожал плечами. Мол, как хотите.

– Тогда за что еще три балла сверху? – происходящее мне

уже начало казаться отвратительным фарсом. Тон мой был настолько пропитан ядом, что казалось еще чуть-чуть, и вокруг распухнет зеленое зловонное облако.

– Каждому покупателю отведено десять минут в день на посещения супермаркета. Вы же находились на территории магазина тринадцать минут. Штраф за превышение лимита – одна минута – один балл.

– В день? Десять минут!?! – я уже едва не орала, не обращая внимания, что сзади выстроилась очередь из покупателей. – Этого что, по-вашему, достаточно, чтобы купить продукты? Я должна, как спринтер носиться по рядам, даже не читая, что беру?

Юноша поморщился и, глядя в сторону, ответил.

– Либо вы оплачиваете покупки...

– Вот именно «покупки», а не все подряд!

– ...либо я зову охрану, и вы идете к менеджеру.

Понимая, что менеджер скажет мне то же самое, я, стиснув зубы, поднесла браслет к сенсору. Тихо пикнуло. Кассир выдал мне пакет для покупок. Скрипя зубами и сдерживая комментарии по поводу таких вот законов и манерных кассиров, я яростно покидала покупки в полиэтиленовый мешок и почти бегом выбежала из супермаркета. Оказавшись на улице, я со всей силы пнула рядом стоящую железную урну, отчего та перевернулась, а браслет снова пикнул.

С меня снова что-то сняли за нарушения законов славного Тали.

Но от злости я не стала даже смотреть, сколько баллов составил штраф, а быстрым шагом отправилась домой.

Глава 6

Поход в магазин стал для меня наглядным уроком. Я сидела на балконе, рассматривая потонувшие в жарком мареве горы, рядом стоял поблескивая на солнце остывший чай. Янка была права – беспечность в этом городе могла привести к плачевным результатам в считанные дни. Поначалу я не отнеслась серьезно ни к сборнику правил, ни к советам соседки. А зря. Теперь вместо пятидесяти баллов на моем счетчике осталось всего сорок два с половиной. Шесть и семь сняли в магазине, примерно три десятых за проезд в автобусе (цены на транспорт мне, после некоторых усилий, удалось найти в сборнике). Значит, еще полбалла ушло за перевернутую урну. Проклятье!

Настроение было ни к черту. Ларош не отозвался еще на два звонка. Время медленно клонилось к закату. Что если он вообще не отзовется? Может, его уже нет в живых? Что я буду делать тогда? Стараясь не думать о худшем, я принялась мысленно составлять список принципов, которым собиралась начать следовать с этой минуты. Во-первых, никаких лишних трат. Если я окажусь на нуле или в минусе, то жизнь моя из пребывания в «отеле» может резко переместиться несколько ниже – в «ад». Что-что, а Тали становился адом для многих. И пока в моем холодильнике оставалась хоть какая-нибудь еда, следовало воздержаться от любых поездок и

посещений магазинов. Я не сомневалась, что любая вылазка в город может обойтись мне еще пару десятков баллов.

Тяжело вздохнув, я поднялась и направилась в комнату. Прошел еще час. Пора звонить Ларошу. Обуваясь в кроссовки, я мысленно заклинала – отзовись. Ну, отзовись в этот раз!

– Кристофер!?! Кристофер!?! – едва не кричала я в телефонную трубку, когда вместо автоответчика услышала настоящий живой голос.

– Да, это Кристофер. Кто говорит?

– Это я, Шерин. Ой, я, кажется, не представилась, когда оставляла сообщение.

– Это вы оставили сообщение? – теперь взволнованно звучал голос Лароша.

– Я! У меня для вас посылка! Как нам встретиться? Мне очень хочется ее передать как можно быстрее!

– Да.... Да... Мне тоже. Так, как же нам пересечься, – Кристофер усиленно размышлял, в трубке слышалось его учащенное дыхание. – Шерин, я пришлю за вами оплаченное в оба конца такси. Оно привезет вас прямиком ко мне. Хорошо?

– Конечно!

– Называйте адрес.

Я продиктовала адрес.

– Все, я сейчас же пошлю машину. Не забудьте взять по-

сылку.

– Вы издеваетесь?

– Нет-нет... Я... Мне просто это тоже очень важно. И, Шерин... – он на секунду замялся, – спасибо вам огромное!

Неподдельная искренность, прозвучавшая в его голосе, заставила меня слабо улыбнуться.

– Да, что вы... Не за что.

– Тогда до встречи!

– До встречи, Кристофер.

Я положила трубку, выбежала из будки и со всех ног бросилась к дому.

Такси затормозило в пустынном районе на окраине напротив трехэтажного длинного здания, заросшего чахлыми кустами. У подъезда уже ждал человек: мужчина среднего роста, немного сухощавый, лет тридцати пяти – сорока на вид. Его волнистые светлые, с золотистым отливом, волосы были зачесаны назад, где у самого воротничка рубашки завивались крупными кудрями. Когда он подошел к машине и открыл мою дверь, я мельком отметила тонкий нос с едва заметной горбинкой и яркие голубые глаза. «Альвьер, не иначе, – подумалось мне. – Только у них всегда такие золотистые кудри и пронзительные небесного оттенка глаза».

– Здравствуйте, Шерин, – как только я вышла из машины, мужчина коротко пожал мою руку. – Я Кристофер. Пойдемте в дом.

Я следовала за Ларошем по выщербленным старым бетонным ступеням. Мы поднялись на второй этаж, где он открыл ключом дверь с номером шестнадцать.

– Входите.

Прижимая к груди пакет с посылкой, я шагнула в полутемную маленькую комнатку. Кристофер зажег свет и неопределенно махнул рукой.

– Присаживайтесь, где вам удобно.

Я примостилась на краю темно-зеленого дивана, который по совместительству являлся и кроватью. Мимолетом оглядев обстановку, я удивленно отметила, что мои «апартаменты» были оборудованы куда лучше. Например, у меня была кухня и холодильник, которые здесь отсутствовали начисто. Висящий на стене, покрытый толстым слоем пыли, экран не шел ни в какое сравнение с тем новомодным, который висел в моей квартире. Из мебели здесь был только старый полотняный шкаф, два грубо сколоченных стула, столик и тот самый диван, на котором я теперь сидела. Да, еще притаившаяся в углу тумбочка с двумя выдвижными ящиками (верхний уже изрядно просел от времени), на которой стоял телефонный аппарат. Где же он тогда готовит? Ни холодильника, ничего... Неужели ест в ресторанах на улице? Не похоже, чтобы у человека, живущего в такой дыре, водились немалые деньги.

Ларош неторопливо сгреб одежду, горой валяющуюся на стуле, сбросил ее на пол и уселся напротив меня, возбужден-

но сверкая глазами.

– Где она? Не томите, Шерин. Я так долго этого ждал!

– Прежде, чем я отдам ее вам, я хочу заручиться, что вы ответите на пару моих вопросов.

Кристофер напряженно молчал. Затем ответил:

– Хорошо. Отвечу... Если знаю ответ.

Я положила пакет рядом с собой и потеряла виски. Вот и настал конец моей миссии – через минуту посылка будет уже в руках у Лароша, а я смогу отправиться домой. Нужно только узнать, как именно.

– Эту посылку вам передала «Dreams LTD», правильно?

– Да, – он нетерпеливо потер ладони.

– Они и послали меня передать ее вам. На этом моя миссия заканчивается. После этого мне нужно попасть домой. Вы могли бы мне дать телефон, по которому я могу с ними связаться?

Ларош молчал. Лицо его застыло, превратившись в маску. По-своему истолковав его реакцию, я поспешила прояснить:

– Мне нужно сказать им, что все... Я все закончила. Теперь они могут забирать меня наза...

Последующие слова Лароша надолго врезались в мою память.

– Отсюда невозможно связаться с Корпорацией.

Судорожно сглотнув неизвестно откуда взявшийся ком, я потрясла головой.

– Нет, вы поймите, я ничего не нарушала. Они сфабрико-

вали мои документы, чтобы я смогла въехать на территорию. Попросили найти вас и передать посылку. А теперь должны забрать меня назад. Я ведь все сделала.

Глаза Кристофера продолжали неподвижно буравить меня.

– Они сказали вам что-нибудь насчет «назад»?

– Что вы имеете в виду?

– Говорили ли они что-нибудь о том, как именно собираются извлекать вас отсюда?

– Нет.

– Тогда забудьте об этом.

– Что вы говорите! Этого не может быть! Я подписывала договор, в котором просто обещала выполнить их поручение. Я же ни в чем не виновата!

Он выслушал мои крики молча.

– Шерин, вы ничего не подписывали и не обсуждали по поводу возвращения, правильно?

– Правильно, – икнула я, чувствуя, как подступает истерика. Что он говорит? Как это меня никто не заберет? Почему? – Они вообще мне не сказали, куда я еду. Сказали только название города и что для проникновения сюда нужны документы...

Ларош тяжело вздохнул.

– Вас подставили.

– Нет... – его слова отскакивали окружившим мое сознание защитным полем, что не давало им проникнуть внутрь.

Быть опознанными, принятыми. – Нет-нет! Не может такого быть!

– Шерин, скажите, вы что-то просили у них сначала? Что-то брали в долг?

– Да, – ответила я тихо, – деньги.

– Много? Это, по сути, и не важно. Просто любопытно...

– Четыреста пятьдесят тысяч.

Кристофер грустно улыбнулся.

– Вот они и отправили вас выполнить поручение в качестве возвратной меры. Но вы поймите, если они изначально ничего не сказали о возвращении, значит, не планировали вас возвращать.

– Нет... – снова повторила я и почувствовала, что вот-вот по щекам закапают слезы. – Я свяжусь с ними, и они вытащат меня...

– Да не сможете вы! – повысил голос Ларош. – Вы думаете, я не пытался? Отсюда вообще нельзя никому позвонить, кто живет за пределами Тали. НИКОМУ! Вы понимаете?

– Должен быть метод! – практически выкрикнула я, злясь за истеричные нотки собственного голоса. – Должен быть! Вы же связались с ними!

Кристофер сложил руки на груди и откинулся на спинку стула.

– Я сам не связывался... Попросил человека, кто был снаружи. Только так.

– Но вы же связались с этим человеком!? Который был

снаружи. Как?

– Я сдружился с одной девушкой. Она выходила отсюда. Вот ее и попросил.

Какое-то время я молча смотрела на него, шестым чувством осозная, что он не врет. А если не врет, значит, я... я... останусь в Тали навсегда?..

В этот момент мои нервы не выдержали, и я согнулась пополам. Это были уже не просто слезы, льющиеся по щекам, это были безудержные рыдания. Я не видела и не слышала ничего вокруг, повторяя в никуда одно и то же: «Я не виновата... Я не хочу здесь оставаться... Я хочу уйти отсюда... Я не виновата...».

Медленно и верно, словно отравленный ядом дымок, в мою голову проникало понимание, что, хочу я того или нет, а Ларош может оказаться прав. Никто мне ничего не обещал, все произошло очень быстро, без дополнительных пояснений. Брамс не появился утром, предполагая, что я могу задать «неудобные» вопросы. Но они хорошо подстраховались с самого начала, не давая никакой информации о Тали. А ведь она у них была. Я могла дать на отсечение руку, что была...

Всхлипывая, я оторвала пальцы от собственного зареванного лица. Кто-то осторожно тряс меня за плечо.

– Шерин, выпейте... – сказал Ларош, протягивая мне стакан с водой. – Видит Бог, я не хотел, чтобы так получилось... Я вам сочувствую.

Почти захлебываясь, я глотала холодную воду большими, жадными глотками. Это помогло немного успокоиться и снова начать думать. Хотя слезы еще продолжали прокладывать соленые дорожки на щеках, я уже взяла себя в руки.

«Ты еще не знаешь наверняка, свяжутся с тобой или нет. Может быть, есть какой-то способ, но он о нем не знает. Прекрати реветь и думай! Думай!»

Я вытерла губы тыльной стороной ладони и уставилась на стоящего рядом Лароша.

– Я хочу знать все. Все, что вы о них знаете. И еще как вы сюда попали, что узнали о Тали за это время и как связались с ними. В общем, все!

Отпора, к которому я уже приготовилась, не произошло. Ларош только мягко кивнул и поставил стакан на стол.

– Я расскажу. Может быть, это вам чем-то поможет. И, Шерин, поверьте, мне действительно жаль.

Я кивнула, сотрясаемая нервным ознобом. Кристофер занял свое место на стуле и посмотрел на меня. Лицо его было усталым, с отпечатком безнадежной грусти в голубых глазах. Однако в них все же светилась надежда.

– Я был детективом. В Южном Дринвиле. Почти пятнадцать лет своей жизни я проработал по этой профессии. А потом связался с одним делом. Некий клиент попросил меня следить за его женой, подозревая ее в неверности. Я получил аванс и принялся за работу. И вскоре узнал, что жена попросту сбегает из дома, опасаясь его же собственных

побоев. Поначалу я просто проникся к этой женщине симпатией, узнал все о ее прошлом, привычках. Она оказалась исключительно порядочной. Мягкой, сердечной... И очень красивой.

На этом месте Ларош запнулся и смущенно посмотрел на меня.

– Шерин, вы не подумайте, я обычно никогда с клиентами... Стараюсь избегать личных отношений. Старался.

Добавил он. Помолчал. И продолжил.

– А вот муж ее, как раз наоборот. Оказался полной сволочью. Получилось так, что на поверхность всплыла информация, на которую он не рассчитывал. Ко мне в руки попали бумаги о его незаконных сделках по продаже запрещенных химических препаратов с завода, на котором он работал. Впоследствии эти химикаты шли на изготовление сильного наркотика – неоспоферомена. Торговцы продавали его по всей территории... Ну, это я отвлекся от темы. Чтобы полностью снять его жену с подозрения, я познакомился с ней лично. Несколько раз мы встречались в кафе, разговаривали. А потом я рассказал ей про то, что узнал. Она была в ужасе. Тем же вечером она пришла домой и в порыве эмоций закатила ему скандал. Муж рассвирепел. Решил, что она спала и со мной, и со многими другими, а теперь еще знает его тайну...

Кристофер растеряно потер ладони и отхлебнул воды из стакана.

– Я был рядом. Я предполагал, что такое может случиться,

хотя и надеялся на лучшее. Когда услышал крики с лестничной площадки, добежал до их двери и выломал ее. Я, понимаете, Шерин, я хотел ее защитить, а ему предъявить обвинение и передать дело полиции, но он бросился на меня, и тогда я... я убил его. Не специально. Он пытался задушить меня, и все, что я нащупал рядом, была каминная кочерга.

Ларош подавленно затих. Я молчала тоже, не хотела его перебивать. Он поднял на меня голубые глаза и развел руками.

– Видит Бог, я этого не хотел. Но получается, что я здесь не без причины. Мне бы дали пятнадцать лет тюрьмы. Но я выбрал Тали. Я многого тогда не знал об этом городе.

Мне было грустно смотреть в его лицо: расстроенные глаза, едва подрагивающий рот. Я поверила его истории безоговорочно. Грустно было ее слышать, но такое случается. Осторожно прочистив горло, я спросила.

– А эту женщину, его жену, вы видели после?

– Видел, но мельком. Она все равно любила его... Несмотря на побои, грубые слова. Любовь – странная штука. А со мной даже встречаться не захотела после, все время плакала.

Он вздохнул.

– Может суд бы и счел мои действия самообороной, но я был на его территории. Я не имел права туда врываться и вмешиваться. Закон оказался на его стороне.

– А сколько вы уже провели в Тали?

– Почти четыре года. Шерин, я пытался честно работать.

Я горбатил спину на самых тяжелых и проклятых работах, ведь убийце здесь даже нормальной работы не дадут.

– Что вы имеете в виду?

– Ну, здесь такая система: чем тяжелее совершенное преступление, тем сложнее будет набрать баллы. Так сделано, чтобы у всех были разные возможности. Кто-то хулиганил по мелочи, кто-то грабил, кто-то торговал наркотиками, кто-то насиловал и убивал. Городское начальство принимает это во внимание и как-то прописывает на браслете. Если преступление тяжкое, то никем, кроме грузчика, дворника или чистильщика, простите, канализаций, устроиться не удастся. А за такую работу, сами понимаете, практически ничего не платят. Все уходит на еду. Начальное жилье тоже зависит от тяжести вашего преступления. Вот этот район, где я живу, один из самых худших.

– Но у вас есть телефон. Я такой роскошью похвастать не могу.

Ларош отмахнулся.

– Это тот, кто был здесь до меня, как-то выторговал. Это не моя заслуга.

– Понятно.

Я пошевелилась из стороны в сторону, чтобы размять затекшее тело, и моя рука наткнулась на пакет с посылкой. Сбросив полиэтилен на пол, я извлекла ее на свет и поставила на стол.

– Так что в ней? Что вы просили у Корпорации?

– Сейчас покажу, – коротко ответил Ларош.

Он поднялся, подошел к тумбе и достал из верхнего ящика небольшой нож. Затем вернулся к столу и принялся методично вскрывать упаковку. Когда последний кусок бумаги упал на пол, в его руке появился небольшой черный прибор.

– Счетчик! – потрясенно выдохнула я. – Это же счетчик!

Когда Кристофер развернул его ко мне экраном, воздух застрял в моей груди. Это был счетчик с тысячей баллов. Цифра один и три ноля ярко светились в полутемной комнате. Я жадно впитывала глазами это великолепное зрелище, не решаясь поверить, что все это время у меня в комнате уже был счетчик, который мог обеспечить мгновенный выход на свободу. Но я ведь честная и порядочная! Я не стала бы вскрывать упаковку чужой посылки только потому, что мне любопытно. Как же он мог мне помочь!

Видя мою реакцию, Ларош чуть виновато улыбнулся, читая отразившиеся на моем лице мысли.

– Вам бы он не помог, Шерин. Все счетчики именные. С какими-то кодами внутри. Если бы вы попытались предъявить его на границе, вас бы тут же кинули в каталажку и наложили огромный штраф. С этим шутки плохи.

Воздух вышел из меня, как из проткнутого шарика. Значит, вот как. А ведь я бы попробовала, знай я, что именно лежит в коробке. Мысленно воздав благодарность Всевышнему за то, что уберег меня от такой ошибки, я с завистью посмотрела на сияющее лицо Кристофера.

– Я очень долго ждал его! – произнес он, поглаживая черную пластиковую поверхность. – Хелен вышла отсюда еще три месяца назад, и с тех пор я ждал. Каждый день ждал этой посылки...

Ларош перевел взгляд на наручный браслет и рассмеялся.

– Здесь теперь тоже тысяча! Они как-то связаны между собой. Совсем скоро, хоть сейчас я могу идти на границу, а там на автобус.

Он едва не кружил по комнате с этим маленьким приборчиком, в то время как меня разъедала желчь и разочарование. Когда же теперь я буду вот так же радоваться своему скорому освобождению? Никто не знает когда. Если только Корпорация не сподобится что-нибудь предпринять...

– Как же вы все-таки заполучили его? – спросила я, опасаясь, что он прямо сейчас может собрать вещички и исчезнуть, оставив меня с кучей вопросов и неподъемной плитой, что легла на сердце после его слов «Не приедут они за вами. Не ждите».

– У меня на счете в банке там, снаружи был миллион и шестьдесят три тысячи. Я скопил это все за время работы. И для меня единственным шансом оставалось найти путь связи с Корпорацией. Я никогда бы не вышел из Тали сам. Хелен, девушка, с которой я познакомился почти три года назад, помогла мне. Она вышла и связалась с ними. Я не знаю всех подробностей, но видимо они приняли мой миллион, раз прислали счетчик. Они прислали его! – повторил он, продолжая

зачарованно созерцать мерцающий экран.

– Значит, они взяли ваш миллион, а мне дали четыреста пятьдесят тысяч и коробку, чтобы я вам ее передала. Таким образом, они получили пятьсот пятьдесят для себя. Практически ни за что! Никакой работы они и не делали. Финансисты хреновы!

Я злилась на себя, на них, на Лароша и ничего не могла с этим поделать. Их система выглядела безукоризненно. Обладая мощными связями и возможностями, Корпорация сдирала с одних и давала другим. Конечно, сделать поддельный счетчик – задача непростая, но если знать, за какие ниточки тянуть, то можно было получить этот счетчик практически задарма. И положить себе в карман хорошую прибыль. Да-а-а... Не прикопаешься...

– А есть ли что-то на вашем старом счетчике, Кристофер? – вдруг встрепенулась я, терзаемая несформировавшейся идеей.

– Нет, Шерин. Я в минусе. Я был в нем практически с самого начала и так и не смог добраться даже до ста.

– Но как же так?

– Никому не выгодно, чтобы люди выходили из Тали. Здесь налажены самые разнообразные производства товаров, которые впоследствии экспортируются в нормальный мир. Рабочая сила не стоит ничего, потому что никто не платит реальными деньгами. Многие, особенно у кого тяжкие преступления, работают днями и ночами за одну только еду,

безо всякой надежды на освобождение. И, поверьте, тем, кто снаружи – это очень выгодно. Они получают дешевые товары и практически навсегда освобождают города от преступников. Так что Тали – это всего лишь иллюзия более благоустроенной тюремной жизни, а на самом деле каторга, которая может не закончиться тогда, когда у вас бы уже закончился тюремный срок. Она может здесь длиться вечно, до самой вашей смерти.

Застывшая, словно арктическая глыба, я сидела и молчала. Мысли практически исчезли. В голове царила пустота и прохлада, словно в морозильной камере заброшенного склада. Видимо, такова была реакция на шок. Затем, словно издалека, до меня донесся голос Кристофера.

– Шерин, Шерин... Я могу что-то для вас сделать там, на свободе?

Очнувшись от оцепенения, я посмотрела в склонившееся надо мной лицо.

– Да... У меня есть для вас просьба. Найдите для меня одного человека. Его имя Алекс. Алекс Вивер...

Глава 7

Четвертый день проходил, как и три предыдущих, словно в тумане.

Я то бесцельно слонялась по комнате, то часами просиживала на балконе, глядя на ставшие вдруг непривлекательными горы. На улицу я выходить боялась: страшила потеря оставшихся баллов. Холодильник постепенно пустел, в мусорном ведре копилась гора оберток от печенья, чайных пакетиков и колбасных обрезков. Скоро запасы кончатся, и придется идти в магазин. А так же выходить на охоту за баллами, начинать новую жизнь в хищном неприветливом Тали.

Ларош ушел. Ушел на свободу. А Корпорация так и не связалась со мной. Я понимала, что, скорее всего, и не свяжется, но ничего не могла поделать, продолжала глупо надеяться и угнетенно грызть печенье, приторный вкус которого уже стоял в горле с утра до вечера. Тысячи картинок мелькали перед глазами: вот человек от Корпорации в черном костюме стучится в дверь со словами: «Шерин Мур? Ваша миссия окончена. Следуйте за мной к машине...» И я иду к черному тонированному автомобилю, предвкушая, как вдохну чистый, наполненный ароматами воздух знакомой улицы в Клэндон-сити (хотя вряд ли любой город мог соперничать в чистоте воздуха с Тали), как бросится на шею Линда (вообще-то, она никогда подобных фривольных жестов не делала,

но мечтать было приятно), как я окунусь в привычный водоворот прежней жизни. Новая я: свободная от долгов и обязательств, почти, как ни странно, позабывшая Алекса.

Я по привычке одернула себя, но уже вяло, беззлобно. Ведь не вспоминала же я о нем в последние дни. Тревоги и волнения вытеснили из головы что-то мелочное, устаревшее, оставив оголенный корень насущных проблем и некоторую пустоту, отдающую горечью. Какой смысл сейчас думать об Алексее? Я не смогла найти его там, чего уж изводиться от тоски здесь. Бессмысленные слезы лишь кислотой разъедают разум, но не подскажут, как справиться с новой ситуацией. Не помогут найти работу, добыть злополучные баллы и вернуться домой.

Солнце устало золотить оранжевые кончики горных вершин и теперь спешило укрыться где-то за ними, стремясь на покой в конце долгого дня.

«Долгого рабочего дня, – усмехнулась я про себя. – Интересно, сколько баллов они платят тебе за один пролет по небу?»

Я вздохнула и повесила голову, глядя на переплетенные пальцы рук. Пора принимать правду – есть то, что есть. Я одна, и надеяться больше не на кого. А, значит, нужно выходить на улицу и встречать новую жизнь лицом к лицу. Протянуть ей каравай, разложенный на белоснежном полотенце, и надеяться, что та не пнет с размаху в ответ.

Я посмотрела на последние лучики, пробивающиеся

сквозь горы, и поднялась со стула. Хотелось выпить. Поначалу эта мысль удивила меня, но затем показалась даже разумной. Имею я право, в конце концов! Вскоре грядущие перемены выпихнут меня из этой каморки, и посмотрим тогда, встану ли я сразу коленями в грязь или еще смогу помахать шашкой. Но это будет завтра. А сегодня я отпраздную горькое крушение несбывшихся надежд и последний вечер безработного человека.

«Хакера», – прокаркал насмешливый голос.

Угу. Хакера. Усмехнувшись, я прошла сквозь прихожую, раздумывая, куда положила сумочку с деньгами. Затем вспомнила, что моя «сумочка» болтается на моем запястье в виде браслета, чертыхнувшись и, хлопнув дверью, направилась в ближайший супермаркет, на ходу придумывая разнообразные пытки, которым бы я подвергла юношу-кассира, если бы тот посмел раскрыть свой напомаженный бальзамами рот.

Вернулась я домой не с вином или, на худой конец, коньяком, как того бы желала моя душа, но с литровой бутылкой водки. Не праздновать же собираюсь. Ни к чему мне вкусом наслаждаться, а вот забыться хоть на пару часов не мешало бы. Выдернув из холодильника остатки колбасы, банку соленых огурцов и кусок сыра, я разложила все это на столе, не забыв достать из шкафа маленькую стопку, оставленную кем-то непомерно заботливым.

Что-то бубня про «ты и сам, видать, тут до этого сидел,

раз знал, что человеку нужно...», я откупорила пробку, морщась, плеснула водки и тут же опрокинула все это в горло. Закусила соленым огурцом, икнула, напомнив себе заправского алкоголика со стажем, шумно выдохнула от отвратительного привкуса и тут же налила еще.

«Так я не просто „поеду“. Так я понесусь с горы в вагончике, как на сумасшедших горках». Но дело нужно было делать, забыться хотелось всенепременно, и я, стараясь не смотреть на водку, выпила еще раз. Чувствуя, как алкоголь медленно растекается по желудку, превращая тугой комок нервов в пылающую сахару, я задумчиво рассматривала потрескавшуюся под самым потолком белую краску. Чего же мне захочется теперь? Петь? Общаться? Рыдать в чье-нибудь плечо, заплетающимся языком рассказывать, что никакой я, мать его, не хакер? О-о-о! Это будет интересный сюжет. Особенно для дешевого романа, который каждый приличный гражданин обязан держать в туалетной кабинке.

Не успела я наклониться к столу, чтобы продолжить в бодром взятом темпе, как раздался стук в дверь. Застыв с бутылкой в руках, я угрюмо посмотрела на дверь. Затем слезла с дивана и отправилась к двери. По видимому, «плечо» для рыдания пришло само.

Распахнув дверь, я уставилась на стоящую в дверном проеме Янку. Та сначала удивленно посмотрела на мое лицо, затем перевела взгляд на руку, в которой я все еще держала бутылку, приоткрыла и закрыла рот, а под конец усмехнулась.

– Ну, ты даешь!

Я тоже посмотрела на водку, затем на Янку и, нимало не смущаясь (голову уже приятно заволокло алкогольными парами), ответила.

– А тебе чего?

– Ты что празднуешь-то? – она вытягивала шею, пытаясь из-за моего плеча рассмотреть стол.

– Ничего не праздную. Мужиков нет. Джема тоже, – мне было бы впору подивиться собственной наглости, но напавшее безразличие только похохатывало из глубины сознания, заталкивая совесть куда-то далеко.

Янка, однако, нисколько не обиделась.

– Да я не за джемом.

– А за чем?

– Да, в общем, ни за чем. Просто так зашла, поболтать.

Она топталась на пороге, все еще удивленная моим изменившимся со вчерашнего дня настроением, не зная, что сказать дальше.

– Заходи, – коротко кивнула я. – Выпьем.

Янка села в кресло, я тем временем достала вторую стопку. Разлила водку, выпила, не дожидаясь ее, и закусила куском сыра.

Янка прежде чем выпить, какое-то время смотрела на меня, затем влила в себя огненную жидкость и тоже потянулась за сыром.

– Ты чего все-таки? Чего у тебя стряслось-то?

Я молчала, не зная, что ответить.

– Вроде не виделись несколько дней, а ты уже в одиночку пьешь. Поругалась с кем?

– Да с кем ругаться, я здесь никого не знаю еще.

– Вот и я тоже думаю... С чего бы тебе так. Выглядишь, как на похоронах.

Я тоскливо отвернулась, продолжая молчать.

– Ну, ты расскажи уже. Всегда легче, когда поделишься.

Я посмотрела на Янку, раздумывая, как бы она отреагировала на мою правдивую историю. Можно ли ей доверять? Кому здесь вообще можно доверять? Так и не придя к выводу, я лишь вздохнула.

– Все пошло не так, как я планировала. Я думала, мне помогут...

– Помогут с чем?

– Выбраться отсюда.

Янка, как ни странно, не обстреляла меня вопросами, вместо этого лишь снова разлила водку в стопки.

– Мы все надеемся, что нам кто-то поможет. Много у кого связи есть снаружи, деньги или еще что.... А что толку-то. Как только ты в Тали – ты один.

В этом была несомненная правда, и я кивнула. Понятливость соседки приятно удивила.

– Вот и я... – я снова вздохнула, – осталась здесь одна.

– То есть надеяться тебе больше не на кого?

– Неа...

Янка выпила и захрустела соленым огурцом, обдумывая что-то.

– Слушай, а ты на работу еще не устроилась?

– Нет еще.

– А собираешься?

– А что мне остается?

– Кем решила?

– Да не знаю я еще, – я не особенно понимала, куда она клонит. – Даже представить не могу, что здесь вообще можно делать. Способностей у меня особенных нет, талантов тоже.

– А здесь таланты и не нужны. Тут в основном либо фабрики, либо фермы или ранчо. На административную работу и думать нечего пробиться. Ну, так ты же вроде того... хакер! Можешь найти тепленькое местечко где-нибудь...

– Никакой я, Яна, не хакер, – устало отмахнулась я и тоже выпила, решив, что с алкоголем стоит притормозить. Еще пара стопок, и я собственную кровать не найду.

– Не хакер? – Янка, как мне кажется, не особенно и удивилась.

– Нет.

– А-а-а... – задумчиво потянула она. – А я ведь не просто так пришла. Я как раз тебе хотела предложить кое-что.

– Что? – без особенного любопытства спросила я.

– Работу! Что! Это же хорошо, что ты еще никуда не устроилась, а так бы получила штрафную отметку за несвое-

временный уход.

– А что, еще и такое есть?

– А ты думала. Так интересно тебе или нет?

– Ну, говори.

– Короче, я работаю в одном закрытом мужском клубе, там как раз два дня назад место освободилось, а у тебя внешность подходящая! Ты симпатичная, волосы длинные, стройная...

– Э-э-э! Не-не-не! – я замахала руками. – Проституткой я работать не буду, это я сразу говорю.

– Да кто тебе про проститутку говорит! – возмутилась Янка.

– И танцевать не буду! Или любимым другим образом мужиков улаживать, даже не думай!

– Тьфу, дура! – выругалась соседка. – Ты сначала дослушай!

Я ненадолго замолкла и подозрительно уставилась в ее круглые глаза.

– Ну, рассказывай.

– Клуб, в котором я работаю, это клуб для самых богатых и влиятельных владельцев этого города. Типа, для «оунеров». Так они себя иногда называют. Ну, короче, из них кто-то ранчо держит, кто-то магазины, кто-то целые заводы или рестораны. Ну, владельцы!

– И что?

– Так вот, они каждый вечер собираются там, чтобы пе-

рекинуться в карты, покурить сигары, выпить, поговорить. Там девок для ублажения вообще нет, по крайней мере, я не видела. И было бы хорошо, если бы там работала именно ты, а не какая-то левая особа.

– Почему?

Янка как-то едва заметно поерзала в кресле.

– Я тебе потом объясню. Просто свой человек всегда лучше, сама же понимаешь.

Я медленно кивнула, раздумывая, не оставила ли она чего за кадром.

– А в чем работа-то заключается?

– Напитки им подавать, принести-унести что-то. Короче, быть начеку, исполнять их прихоти, улыбаться.

– Типа, официантки что ли?

– Ну, да! Как официантка! – радостно закивала головой Янка. – Такие девочки им там глаз ублажают, как горшок с цветком, для красоты интерьера, в общем.

– Ага! А потом, если понравится какая-нибудь – попробуй отопрись от койки!

– Не-не! Нет там такого! Точно тебе говорю!

– Может ты просто не видела!

– Да я бы знала, поверь мне.

Что-то в ее голосе заставило меня поверить. И одновременно нахмуриться.

– А ты-то там кто?

Янка несколько секунд молчала.

– Я там с главным... Сдружилась, типа.

– В смысле? С владельцем клуба?

– Ну, я сначала тоже официанткой работала, а потом...

Он как-то предложил, я решила, а чего такого! Платить он стал больше, да и работы поубавилось.

– Вот это да!

Янка, как мне показалось, не знала, то ли смущаться, то ли гордиться своим положением.

– Ему просто пухленькие нравились, как оказалось, – призналась она, чуть покраснев.

Я улыбнулась. На пухленьких любители находились во все времена, так что ничего особенного в этом не было.

– Так тебе повезло, получается.

– Ага... Я, вообще-то, тоже так думаю. Ну, так что, пойдешь туда?

Я растерялась.

– Ну... А если мне не понравится? Или что-то будет не так?

– Если начнешь работать, но не подойдешь, то я своего уговорю тебе никаких отметок не делать. Уйдешь, да и все.

Звучало соблазнительно.

– А если не подойду по внешности?

– А что ты теряешь? Ну, скажут тогда, да и пойдешь другое место искать. Только здесь-то платят куда как больше. Тут и чаевые могут сами эти мужики начислять.

– Это хорошо. А когда надо выходить и что с собой иметь?

– Прийти надо завтра. С тобой побеседуют и решат, оставлять или нет. Я уже предупредила, что поговорю с тобой, и если согласишься – приведу.

Я лишь хмыкнула. В предприимчивости соседке не откажешь.

– Форму тебе дадут на месте, – продолжала говорить Янка. – Только лицо накрась сама.

– Накрашу.

– Ну, вот и хорошо! – радостно заключила она. – Значит, я с утра тебя разбужу пораньше, а потом поедем вместе.

Я, ошарашенная неожиданным поворотом, неуверенно кивнула.

– Ладно.

– Тогда я пошла спать, и ты долго не сиди, чтобы завтра лицо опухшим не было.

Я покосилась на водку и поморщилась. Куда там! Даже смотреть на нее уже тошно. Янка деловито поднялась с кресла и остановилась уже возле двери.

– Хорошо, если тебя возьмут. Будет тогда вместе...

Она улыбнулась и закрыла за собой дверь.

«Что вместе?» – подумала я. Вместе проводить перерывы на обед? Или вместе ублажать ее начальника?

Убирая недопитую водку и огурцы со стола, я лишь качала головой. Вот завтра все и узнаем.

Глава 8

Клуб «Поло-Гранд»

Я их не просто недолюбливала. Скорее я испытывала стойкую неприязнь к этим холеным «оунерам» в шикарной одежде, с золотыми часами, причесанным и зализанным, как павлины. Тщательно протирая стаканы рядом со стойкой бара, я осторожно наблюдала за обеденным залом и частью игровой комнаты, из которой доносились мужские голоса и иногда приглушенный смех.

Как только я протру стаканы, в них сразу нальют перво-классные спиртные напитки, которые эти так называемые «владельцы» будут потягивать в течение вечера, наслаждаясь прелестями жизни, в то время как их работники будут надирать спины и плечи, пытаясь заработать очередной балл.

К своим теперешним ощущениям я пришла не сразу, а после многих часов работы в закрытом мужском клубе с названием «Поло-Гранд». Шла вторая неделя с того самого дня, когда Янка предложила мне новую работу. Приняли меня сразу, практически без вопросов, лишь критически оглядели внешность, после чего сказали веское «да». С тех самых пор я проводила часы в шикарно обставленном помещении с кожей и бархата, вечно затянутом сигарным дымом, лишь

только под вечер возвращаясь в квартиру на «Бэль-Оук».

– Давай, заканчивай там со стаканами. Клиенты ждут, – обронил бармен и отошел, чтобы принять список новых заказов от официантки.

– Уже заканчиваю, – ответила я, протерла последний стакан и поставила его на стойку. В ожидании, когда напитки будут обновлены, и их можно будет нести в игровой зал, я поправила коротенькую юбку стандартной униформы клуба и расправила прикрепленный к темной, поблескивающей в темноте блузке шелковый бант. Не иначе, как для привлечения мужского внимания.

Каждое утро идя на работу, я смотрела на нищету и обветшание Тали извне, видела голодные лица и стертые руки простых смертных, бредущих на ненавистную работу, чтобы обеспечить себя куском хлеба, а приходя сюда, видела сытые, откормленные лица обеспеченных, нежащихся в благоустроенной атмосфере клуба владельцев. Каждый день этот контраст заставлял меня переживать сотни противоречивых эмоций, как расшатывая нервы, так и укрепляя внутреннюю самодисциплину. Я должна была улыбаться искренней радужной улыбкой на каждое невпопад брошенное слово, каждую не имеющую смысла фразу, говорить «Да, сэр», «Конечно, сэр», «Чем еще я могу помочь, сэр?»

– Все, у тебя на подносе бренди «Чароки», коньяк «Виель Жубли», два пива, текила, ликер и самбука. Не перепутай кому что! – предупредил бармен. – Все это к столику номер

четыре.

– Угу, – кивнула я, и, размышляя из чего сделана эта самая самбука, засемила в игровой зал. За это время я уже научилась отличать спиртное по оттенкам. Перепутать заказы клиентов здесь считалось вопиющим невежеством. За работу платили не много, но и не мало – пять баллов в день. Плюс иногда прямо на браслет кое-что подкидывали сами клиенты. По моим подсчетам выходило, что при затратах на еду и прочие необходимые для жизни вещи, мне понадобится примерно год или около того, чтобы оказаться на свободе. Не так уж и плохо, при сравнимых перспективах застрять здесь на всю оставшуюся жизнь, как у многих других узников Тали.

– Ваши напитки, – улыбаясь, произнесла я, аккуратно расставляя стаканы возле мужчин, играющих в покер. Они едва ли обращали на меня внимание, потому как на столе только что появился «ривер», открывающий пятую, самую важную карту партии.

– Черт бы тебя подрал, Бренен! – произнес немолодой лысеющий мужчина в темном пиджаке своему соседу. – Ты все деньги вечера уже заграбастал.

Бренен, пузатый толстяк с черными усами, лишь самодовольно улыбнулся.

– Карта мне сегодня идет, что правда, то правда.

– Да ты никак блефовал! Нет у тебя двух пар на руках! – не унимался первый.

– Блефовать не запрещено. Не сбрасывал бы ты карты, так был бы сейчас в плюсе. Эй, девушка, где мой коньяк?

Последняя фраза относилась ко мне, и я быстро поставила рядом с ним низкий стакан с янтарной жидкостью, не забыв перед этим положить на зеленый бархат стола белоснежную салфетку.

– Вот, сэр. Пожалуйста.

– За победу! – тут же возвестил удачливый усач и пригубил коньяк. Остальные не слишком оживленно поддержали тост. Вероятно, «победа» этим вечером улыбалась далеко не всем играющим.

Расставив пиво, текилу и самбуку, я несколько замешкалась, пытаюсь отыскать глазами того, кому принадлежал бренди. Мужчин за столом было восемь, а напитков на моем подносе семь, значит, кому-то из оставшихся двух принадлежит последний стакан. Но кому? Я растеряно застыла.

– Раздумываешь, не выпить ли мой бренди самой? – раздался слева спокойный низкий голос. Я тут же повернулась и встретилась глазами с его обладателем. Короткие, но красиво подстриженные, сильно выгоревшие на солнце волосы, темная от загара кожа и светлые, холодного серого оттенка глаза под темными бровями.

– Нет, сэр. Вот ваш бренди. – пролепетала я, поспешно выставляя на стол последний стакан. – Простите за нерасторопность.

Раскаяния, сквозившего в моем голосе, я не чувствовала.

ла совершенно, но искусно имитировала лепет, чтобы не вызвать гнев кого-то из посетителей. Мне было все равно, жди они своих заказов хоть до следующей весны, но вот выйти из Тали когда-нибудь хотелось бы. Поэтому я лишь приторно-вежливо осведомилась «не желает ли мистер чего-либо еще», однако «мистер», будто почувствовал наигранность моего тона, лишь холодно и молча созерцал мою вопрошающую физиономию. После чего, наконец, ответил, что пока ничего не желает.

Я кивнула, отошла от стола и вздохнула с облегчением. Какие у последнего клиента неприятные глаза все-таки. Не хватало еще жалоб на мое поведение. Придется в следующий раз изображать более правдоподобное радушие.

В следующую минуту я уже откинула неприятные мысли и отправилась к другим столикам, чтобы принять новые заказы.

– Ну что, как ты? – подбежала ко мне Янка, одетая в такую же, как и я униформу с эмблемой клуба на короткой юбке.

– Да, нормально, – ответила я, пытаюсь размять уставшие от беготни на высоких каблуках ноги. – Устала только.

– Ничего. Через час уже домой. Я как раз к Роджеру поднимусь, а потом дождусь тебя в раздевалке.

– Ладно, – ответила я, тоскливо поглядывая на часы и нехотя завидуя Янке. Ей-то последний час не стаканы разносить и пепельницы менять, а заниматься любовными утехами.

ми на кожаном диване в кабинете с владельцем этого заведения. Однако вспомнив Роджера, я тут же перестала завидовать. Меня никогда не привлекали сухощавые, начинающие лысеть мужчины. Тем более высокомерные и с гонором. Хотя Янка, возможно, сделала очень правильный выбор, который может обеспечить ей билет на экспресс «Тали – Свобода».

Прошло уже сорок минут, а я все носилась между столами, ожидая, когда же меня подменит ночная смена.

«Еще двадцать минут, всего двадцать минут и я буду сидеть в автобусе, а потом стоять под освежающим душем. Уже совсем скоро».

Мужчин в зале прибывало. Скорее всего, многие из них, закончив с делами, спешили опрокинуть стаканчик-другой в компании себе подобных. На мой браслет потихоньку капали чаевые от начинающих хмелеть клиентов, особенно тех, кому фартило в «Блэкджек» или другие карточные забавы, что медленно, но верно поднимало мое настроение. По всему выходило, что сегодня я впервые унесу домой восемь, а то и десять баллов!

Улыбнувшись собственным мыслям, я решила сегодня вечером еще раз поблагодарить Янку за предоставленную возможность здесь работать.

– Девушка, мне еще водку со льдом и колу.

– Да-да! Конечно! – я быстро царапала карандашом в блокноте, стараясь расслышать утопавшие в общем гомоне

просьбы клиентов.

- А мне ликер обновите, пожалуйста.
- Будет сделано.
- Не забудьте сахаром ободок обмазать!
- Сахаром, конечно.
- И лимона дольку.
- Лимон. Записала.

Мне казалось, что натянутая на мое лицо улыбка так и останется на ночь. И никакой отдых не поможет. Я быстро отнесла заказ бармену и оставила листок прикрепленным к стойке. Чтобы не получить упрек от менеджера за то, что стою без дела у бара (пусть даже дожидаюсь напитков, его это мало волновало), я решила пройтись к дальним столам у стены. Хотя это была территория обслуживания другой девушки, мы безмолвно ценили любую посильную помощь, особенно в часы пик, поэтому частенько курсировали зоны друг друга, не оставляя никого без внимания.

Стоило мне приблизиться к центральным столам, как я боковым зрением уловила, что кто-то поднял руку и шелкнул пальцами. Я изумленно повернула голову (неужто кто-то таким жестом подзывает официанток?) и встретила взглядом с уже знакомым мне господином. Ну конечно, столик номер четыре – белая рубашка, золотая цепочка, серые глаза. Кто же еще может так нахально подзывать обслуживающий персонал, как ни этот? Между тем, мужчина, видя мой недоуменный вид, медленно поднял руку и еще раз шелкнул

пальцами.

«Ублюдок», – прошипела я про себя, улыбнулась во весь рот и поспешила прямо к нему.

– Чего желаете? – пропела я, желая со всего маху пнуть его в колено.

– Принесите мне сигару.

– Какую желаете, сэр?

– «Хабарра» номер четыре.

Я быстро открыла блокнот и кратко записала его пожелание.

– Кончик вам обрезать или оставить?

Голоса играющих в покер мужчин тут же стихли, на несколько секунд над столом повисла тишина, а потом раздался громкий дружный гогот. Спустя мгновение я осознала, что он вызван ничем иным, как произнесенным словом «кончик».

– Ой!.. – я залилась краской и прикрыла рот ладошкой. Мужчина, попросивший сигару, укоризненно смотрел на меня.

– Халк, она тебе сейчас отрежет что-нибудь! – хохотал усатый.

– Нет, ты слышал, Моррис, что она ему предложила?..

– Да у него в обрезку не пролезет, слишком толстый, – срываясь на визг, ответил Моррис.

Я всем сердцем желала, чтобы мужчины прекратили смех. Мало того, что они заставляли меня стогать от стыда, так и

еще и этого Халк выставляли в неприглядном свете. А уж этого он мне, судя по заледеневшему взгляду, прощать не собирался.

– Я не хотела, мистер... – едва слышно попыталась оправдаться я. – Честно. Я совсем не это имела в виду.

– Дай сюда руку.

Я нехотя протянула ему трясущееся запястье.

– Я не это имела в виду... – пропищала я, все еще надеясь на спасенье, но в эту секунду тихо пикнул мой браслет.

Почти сразу же хохот за столом стих.

– Сколько ты у нее снял? Бал? Полтора? – слышались возбужденные вопросы с разных концов стола.

– Ставлю сто баксов, что он снял у нее все два! – тут же выложил на кон в центр стола купюру усатый.

– Да, ну! – возразил тот, кого звали Моррис. – Два, это вряд ли! Балл, не больше.

– Говорю тебе два! Ты его не знаешь!

Ставка тут же возросла до трехсот долларов, на стол с разных концов посыпались купюры.

– Халк, признавайся, сколько снял у нее!

– Пять, – неспешно постукивая зажигалкой, ответил Халк. Взгляд его не отрывался от моего лица.

«Пять?! – выкрикнула я внутри, сжимаясь от негодования. – Пять баллов?!»

Даже мужчины за столом притихли, удивленно поглядывая на нас. Я же едва сдерживалась, чтобы не броситься на

сероглазого с кулаками. Это для этого я целый день провела в этой прокуренной пивной, чтобы вот так потерять дневную зарплату? Потому что сказала всего одно неправильное слово этому павлину? Ну, ошиблась, с кем не бывает. Но пять баллов! Какого черта он о себе возомнил?

Глядя на мои сжавшиеся челюсти, Халк спросил:

– Хочешь сказать мне что-нибудь?

Я едва разлепила губы и, стараясь, чтобы мой голос не дрогнул, ответила:

– Нет, сэр.

– Тогда почему ты все еще здесь?

Я молчала, стараясь придать мыслям подобие равновесия.

– По-моему, я попросил сигару? Если ее не будет здесь через минуту, я сниму с тебя еще столько же.

Стараясь не смотреть в его лицо, я медленно развернулась и пошла обратно к бару.

За спиной раздалось восхищенное «Ну, ты мужик!»

– Нет, ты можешь себе представить? Он снял с меня пять баллов за какую-то дурацкую оговорку!

– Такое случается, – сочувственно покачала головой Янка. – Приходится быть осторожной.

Мы ехали в полупустом автобусе к Бэль-Оук парку.

– Да кто он вообще такой! Какое он право имел? – не унилась я, расстроенная произошедшим в клубе.

– Ну, право они все имеют. Все эти «оунеры», – последнее

слово она выплюнула с откровенной неприязнью. – Тут уж ничего не поделать. Так система устроена. Хорошо хоть не каждый день такое случается.

– Да уж... Целый день коту под хвост!

– Наберешь еще. Я знаю, что обидно. У меня тоже такая фигня случалась несколько раз.

– Да?

– А ты думала!

Автобус тем временем свернул на очередную тихую улочку и миновал супермаркет. Мы поднялись со своих мест и направились к выходу.

– Вот бы ему по харе съездить! Этому Халку.

– Кому? – встрепенулась Янка, спускаясь по ступеням.

Мы вышли на улицу. Уже стемнело, и лишь легкий ветерок доносил откуда-то звуки музыки. Дневная жара спала, на город с сумерками опустилась приятная прохлада.

– Да мужика этого звали Халк.

Янка вдруг звонко и нервно рассмеялась.

– Ну, тебе повезло тогда еще, – она поежилась и поплотнее завернулась в тонкую кофточку. – Это один из самых отъявленных ублюдков в городе. По крайней мере, один из самых жестоких точно.

– Да что ты?

– Ага, он владеет ранчо на окраине города. Настолько истязает людей, что у него каждый месяц один или двое умирают.

– Шутишь!

– Куда там! Остальные хоть как-то заботятся о своих, а этот... Я слышала, у него там условия очень плохие, кормит всех едва только, чтоб выживали.

– А разве его не должны судить за такое обращение?

Мы уже приближались к подъезду. Я едва успела переступить через торчащий из земли прут, неразличимый в темноте.

– Кому судить-то? Судья куплен, зуб даю. А работники всегда и новые придут. Тут с этим проблем нет.

– Вот урод! – выругалась я и шагнула за Янкой в приоткрытую дверь подъезда.

Уже на этаже она повернулась ко мне, одновременно ковыряясь ключом в замке, и предложила.

– Может, пойдем к Роберту сходим? Что дома-то сидеть. Я ему колбасы прихвачу.

– Пойдем, – отозвалась я. – Я тоже чего-нибудь возьму. Только душ сначала приму.

– Ладно, зайди тогда за мной, как пойдешь.

– Угу.

Договорившись, мы разошлись по комнатам.

* * *

С Робертом Янка познакомила меня неделю назад. Им оказался долговязый худосочный парень со второго этажа.

Когда мы впервые пришли к нему вместе, меня поразили хаос, царивший в его комнате. Стол и стулья были завалены какими-то детальками, проводками, микросхемами и прочей электронной дребеденью. Как только он понял, что Янка пришла не одна, как тут же принялся сметать все это со стульев и забрасывать в шкаф, одновременно пытаясь накрыть паяльную лампу и микроскоп на столе покрывалом, содраным с кровати.

– Боб! Успокойся! Она своя, своя! – заорала Янка, глядя на растерянно мигающего из-за толстых линз очков Роберта, в трясущихся руках которого была охапка микросхем, очередную порцию которых тот хотел запихнуть в шкаф.

Через пять минут его, наконец, удалось успокоить, и он уселся с нами на диван, принявшись жадно поглощать принесенный Янкой хлеб с сыром.

Как оказалось, Роберт когда-то учился на радио-электронщика, провел в стенах института без малого четыре года. На своем факультете считался одним из лучших, подающим большие надежды, студентом. Пока однажды не примостил в одном из банкоматов схему, считывающую пин-коды с кредитных карт, после чего был пойман и отправлен на исправление в Тали. К тому времени он уже жил один, имел грандиозные планы устроиться после института в «Дайджест Электрик», жениться на красотке Энн с параллельного факультета по финансовому менеджменту (о чем Энн, как я поняла из разговора, и не подозревала), купить новое спортив-

ное авто и жить припеваючи. Однако изворотливый пытли-
вый ум Боба жаждал опробовать себя в новых и новых сфе-
рах, что однажды и привело к содеянному им криминалу.

Как признался сам Боб, дожевывая последний бутерброд,
машину ему тогда хотелось получить побыстрее, так как
Энн привлекали дорогие игрушки, а с помощью одной лишь
внешности шансов, как он сам понимал, было маловато. То-
гда-то он и решил подзаработать не совсем честным путем.
Эта ошибка стоила ему и института, и перспективной карье-
ры в будущем, и, конечно же, Энн.

Оказавшись в Тали, Роберт поначалу еще пытался отыс-
кать место по профессии, но потерпев фиаско, опустил руки
и запил.

О последнем, сидя тем же вечером на диване собственной
квартиры, поведала мне Янка.

– Он неплохой парень. И, похоже, очень талантливый.
Только вот мозги у него набекрень и силы воли никакой.

– А вся эта электроника? Как он ее вообще здесь достал?
У него даже компьютер есть на столе, – спросила я ее, вспо-
миная комнату Боба.

– Да он когда получал очередной балл, шел на рынок и
все это покупал. Говорил, что хочет собрать схему, которая
позволит начислять баллы на браслет. Он вообще шибанулся
на этой идее, день и ночь сидит что-то паяет, жрать не жрет,
работать не работает. Ну, не помирать же его оставлять? Вот
и кормлю иногда.

Я не знала, связывают ли Янку и Боба какие-то еще отношения помимо дружбы, но лезть в чужую душу не стала. Пусть даже и так, что с того? Боб показался мне милым, но совершенно неприспособленным к жизни подростком. Большим мальчишкой. Ясные голубые глаза, торчащие в сторону вихры и куча терминов, выливающих из его рта беспре-рывным потоком.

– Ты думаешь, это возможно? – спросила я ее тогда. – Со-брать такую схему?

– Да кто его знает? Он уже долго бьется. Может, чего и сварганит.

– Опасно это. А если его заметут? Не зря же он пытался все спрятать, когда меня увидел.

– Опасно, – кивнула Янка и вздохнула. – Но вдруг собе-рет? Прикинь, мы тогда за день эту тысячу накрутим каждо-му! Р-р-р-аз! И все! Мне кажется, пусть мается, чем черт ни шутит.

– Да уж... – глубокомысленно изрекла я, пытаюсь предста-вить почти невозможную, но страстно желаемую картинку. Всего один день – и на свободе...

– Ты ж его не сдашь? – в голосе Янки прозвучала трево-га. Не иначе как она действительно надеялась, что микросхе-му сделать возможно. А может, просто испытывала неведо-мые мне теплые чувства к этому ясноглазому худосочному гению.

– Да кому сдавать-то? Смеешься что ли...

Через пятнадцать минут, чувствуя себя посвежевшей после душа, я постучалась к Янке.

– Ну что, идем?

– Ага!

Та схватила пакет с какой-то снедью, и мы отправились к Бобу.

– Привет, лапусик! – радостно проворковала Янка, когда Роберт открыл дверь. – Мы тебе еды принесли.

– Спасибо, проходите. Я только немного занят, – едва взглянув, что лежит в пакете, Боб тут же отправился обратно к столу, где были разложены какие-то измерительные приборы. – Вы не поверите, но я почти закончил!

– Что закончил? – спросили мы одновременно, облепив его с обеих сторон.

К моему удивлению я обнаружила, что браслет Боба вовсе не покоился на его запястье, как это было обычно, а был прикреплен к какой-то планке на столе. Одна из частей браслета была аккуратно снята и отложена в сторону, открывая микроскопические электронные части внутри.

– Как ты это сделал? – выдохнула я.

– Что? – Боб растерянно мигнул. – А-а-а, это? Да я давно уже научился его снимать. Только вот понять не мог, как работает приемник сигналов.

– Ни фиги, ты гений! – Янка потрепала Роберта по вихрастой голове. – Ну-ка, давай сначала садись, поешь, а заодно и расскажешь, что ты там выяснил.

Мы порезали для него колбасу и сыр, я открыла захваченное печенье. Боб откуда-то достал начатую бутылку водки и радостно помахал ей в воздухе.

– Самое то, чтобы отметить, девоньки!

– Что отметить-то? – смеялись мы. – Поделись сначала.

Роберт налил почти полстакана, залпом влил его в себя, запихнул в рот колбасу и принялся радостно махать руками.

– Я разгадал, как он работает! – возбужденно жуя, начал он.

– Колбаса-то вывалится, – Засмеялась Янка. – Прожуй сначала.

– Кто «он»? – спросила я.

– Приемник сигналов, – Боба не сдерживали даже выпадающие изо рта крошки. – Я понял, что чтобы начислить балл, браслет любого «оунера» передает зашифрованный код браслету, на который этот балл должен упасть. Этот код сообщает сколько именно должно быть прибавлено и от кого исходит запрос.

– Вот это да!

– Круто!

– Вот именно! – Боб нервно провел пятерней по взъерошенным волосам и даже снял очки, отчего его голубые глаза сделались большими и беззащитными. – Если я смогу по-

лучить несколько кодов и расшифровать их, то смогу начислить баллы на браслет. Столько, сколько хочу!

– Ну, так в чем же дело? – заголосила Янка. – Давай, расшифровывай!

– Да, Яночка, кодов-то у меня еще нет. Я тут вот что подумал, если кто-то из вас сможет пронести с собой в клуб передатчик, который будет сканировать браслеты «оунеров» в тот момент, когда они начисляют чаевые, то я смогу их считать и расшифровать потом. Не гениально ли? Я даже датчик уже собрал!

Вместо счастливых хлопков в ладоши, в комнате вдруг повисла тишина.

– Боб, – сказала я осторожно, – но это же риск. Что если нас застукают с этим датчиком? Конец нам тогда придет.

– Да нет же! – Роберт горячо затряс головой. – Сам датчик абсолютно не опасен. Он ничего не делает, никаких операций с браслетами, он всего лишь читает коды. Засечь его просто невозможно.

Я продолжала молчать. Риск не входил в мои планы, пусть даже за такую замечательную идею, как надуть все браслеты Тали. Янка, как я заметила, тоже не особенно рвалась быть в рядах бета-тестеров.

– Почему бы тебе просто не выйти на улицу и не стукнуть в челюсть полицейского? Он с тебя снимает десяток-другой, зато у тебя будет код! – предложила свой нехитрый, но вполне рабочий, по моему мнению, вариант Янка.

– Не-е-е... Так не пойдет. Проблемы здесь две. Во-первых, коды на прибавку баллов отличаются от кодов снятия, а во-вторых, мне нужно больше кодов. Не один и даже не два. Ведь когда я начну начислять, общая система, которая следит за статистикой начисления, наверняка вычислит подвох, если добавить слишком много от одного «оунера», поэтому, чем их больше, тем лучше.

– И что ты предлагаешь?

– Кто-то из вас должен взять датчик и поносить его несколько дней. Я буду получать с него радиосигналы, которые попробую расшифровать.

– Я не хочу рисковать, – тут же отказалась я, мотая головой. – Давай, Янка, ты, если хочешь.

– Да я-то хочу, вот только я почти не работаю в зале, ты же знаешь. Поэтому я за год их не соберу. А вот тебе хорошие чаевые подкидывают каждый день.

Роберт перевел на меня взгляд полный надежды.

– Нет, так дело не пойдет. А вдруг они узнают, что у меня такой датчик? С меня шкуру будут спускать медленно и долго! – упиралась я, чувствуя растущую тревогу.

– Я обещаю, что они не найдут датчик, – серьезно сказал Роберт. – Он микроскопический. Излучение от него настолько мизерное, что ни один существующий детектор его не уловит. Я проверял много раз.

– Давай лучше, ты Ян, – я вновь посмотрела на соседку, – мне страшновато.

– Я бы одела его. Честно. Но я почти все время возле Роджера кручусь, он меня в зал отпускает только по мелким поручениям. А баллы мне накручивает только раз в неделю, по субботам. Так что если я чего и получу, то только один код и то не скоро.

Я чувствовала противную нервозность, стоило представить, что я принесу с собой в клуб какую-то электронную штуку. Пусть даже они ее не найдут, но от одной мысли делалось неуютно.

– Знаете, ребята, я подумаю, – ответила я, наконец, – только ничего не обещаю.

– Шерин, – Боб все еще пытался меня переубедить, даже когда мы уже стояли у двери, собираясь уходить, – ты пойми еще одну вещь. Если почувствуешь неладное, просто выкинь датчик в любую урну. Он ничего не записывает внутрь, если его расковыряют, то обнаружат, что он пуст. Он ведь просто передает информацию, но не хранит ее. Они и не поймут, что именно он передавал. Поэтому на тебя никаких подозрений не падет.

– Хорошо бы, если так.

Удивленные и несколько разнервничавшиеся открытием Боба, мы покинули его комнату. Я чувствовала, что Янке хотелось, чтобы я взяла датчик, но давить она не решалась. Что ж, достаточно мудро с ее стороны, потому что ни к каким выводам я пока не пришла, а давление могло переломить мое решение в обратную от желаемой для нее сторону.

– Ладно, до завтра, Шерин. Зайду за тобой утром, – только и сказала она перед тем, как скользнуть в комнату.

– Хорошо.

Я вошла в темную прихожую и щелкнула выключателем. Пока чайник грел воду, я рассматривала черные силуэты гор и раздумывала над словами Боба. Что если он и правда может надурить браслет? Возможно ли будет отсюда выйти, не поплатившись? Ведь если, как он говорит, использовать понемножко от каждого, тогда есть шанс, что все будет казаться более чем вероятным, не так ли?

Я вздохнула, жалея, что нет никого, кто мог бы дать ответ на этот вопрос. Мне казалось, что на одном моем плече сидит ангел, призывающий жить совестью и честью, а на другом бес, открывающий скрипучие ворота Зоны 33 и выпускающий меня на свободу.

Все так же мучаясь поиском правильного решения, я молча выпила чай, сполоснула кружку и забралась под тонкое одеяло, предварительно погасив свет. Квартира, как старинный сосуд, наполнилась тягучей бесконечной тишиной. Лишь через тонкую шторку белесо и одиноко светила луна. Я зябко поежилась и обняла себя за плечи. Нет, холод был не снаружи. Отчего-то холодно стало внутри. Я с грустью подумала, что ужасно соскучилась по мужскому надежному плечу, к которому можно было бы прижаться, поведать сомнения и надежды, рассказать о радостях и бедах, спросить совета, а, может быть, просто согреться. И не нужно никаких

слов. Лишь бы был кто-нибудь рядом.

Я смахнула набежавшую на глаза слезу уголком подушки и через какое-то время провалилась в сон.

Глава 9

Следующий рабочий день прошел относительно спокойно, без происшествий. Всякий раз, когда кто-то поднимал свою руку, чтобы начислить баллы мне на браслет, я думала о Роберте и его датчике. Все эти коды могли бы уже быть переданы ему для расшифровки. А к вечеру бы, может, он уже успел бы что-то расшифровать. Сколько времени бы это заняло? Может, никто действительно не заметит, если три человека выскользнут из Тали чуть раньше остальных?

Все эти мучения вводили меня в состоянии пассивной задумчивости целый день, а под вечер, не выдержав, как только я вышла из автобуса, сразу поняла, что сейчас я пойду к Бобу.

За датчиком.

Потому что еще пару дней смотреть на то, как «оунеры» сами дают мне шанс, который я из-за своей нерешительности упускаю, было невыносимо.

Роберт ответил на мой стук сразу же. При виде меня как всегда мигнул растерянными голубыми глазами.

– Давай свой датчик.

Он тут же затянул меня внутрь и прикрыл дверь. Через несколько секунд на мою ладонь легла тоненькая пластинка, не больше сантиметра в длину и столько же в ширину.

– Это он и есть? – поинтересовалась я, разглядывая непо-

нятное устройство.

– Да.

Я какое-то время рассматривала лежащий на ладони прибор.

– А куда ты всунул батарейку?

– Она внутри. Крохотная. Но должно хватить.

– Хорошо.

Несколько минут мы потратили на то, чтобы обсудить, куда его лучше прикрепить. В конце концов сошлись на странной, но удовлетворивших нас обоих идее. Решили приклеить датчик прямо к моему браслету с тыльной стороны. Шансов, что кто-то увидит, никаких, а отклеить можно, только если с силой ковырнуть ногтем, сам ни за что не отпадет. Когда дело было закончено, я ушла к себе.

Закатное солнце уже закатилось за вершины горы, силуэты которых темнели с каждой секундой. Я сидела на балконе и потягивала чай. Пассивная неуверенность, преследовавшая меня целый день, ушла. На ее место пришла настроженность и собранность. Выбор я сделала.

Теперь осталось провести всю эту операцию и остаться незамеченной. А там, глядишь, начнут капать нам в руки украденные у холеных владельцев баллы. Особенно сильно мне хотелось заполучить код этого поганца Халка. Вот бы я позлорадствовала у него за спиной, забирая обратно то, что принадлежит мне. И не несчастные пять баллов, которые он нагло отнял, а гораздо-гораздо больше.

Улыбаясь своим недобрым мыслям, я допила чай и отправилась спать. Неугомонное злорадство еще какое-то время заставляло вертеться меня на мятых простынях, однако полчаса спустя усталость все же взяла свое, и я провалилась в беспокойный сон.

На следующее утро я, как обычно, отправилась в Поло-Гранд. Стараясь не выдавать нервной дрожи, которая то и дело сотрясала меня, я переоделась и вышла в общий зал. Текли минуты, складываясь в часы. Постепенно мои нервы успокаивались, никто не замечал ничего необычного. Датчик, прикрепленный под браслетом, держался плотно, и через какое-то время мне даже удалось забыть о нем. Однако всякий раз, когда кто-то выражал желание начислить чаевые, предательские капельки пота все же выступали на моих висках, однако приглушенное освещение зала скрывало это.

День близился к концу. Посетителей было немного, и я неторопливо обходила многочисленных клиентов, принимая заказы. Завершив очередной обход, я остановилась у одного из столов, протирая обивку от собравшейся пыли и сигаретного пепла. Заметив темное пятно, я вернулась с тряпкой и моющим раствором. За соседним столиком несколько человек неторопливо играли в покер. Халка, к моему облегчению, среди них не было.

– Я слышал, ты ужесточил требования к работникам в своей прачечной? – произнес полный мужчина с одутловатым

лицом. – Они у тебя, как бараны, еще и упираться пытаются.

– Да, – ответил ему сосед. – Пришлось даже нанять двух парней, чтобы били по рукам, если кто-то задерживается в столовой. Жрут, как свиньи. Пора сокращать им время обеда, совсем разленились...

Я незаметно поморщилась. Кто бы там у него ни работал – бедолаги – ничего хорошего им светить не может при таком хозяине. Скоро еще и кормить откажется.

Продолжая тереть пятно, я думала, что мне совсем не жалко будет «обокрасть» парочку таких вот скотов. Слишком много подобных фраз я слышала за все время работы в «Поло». Казалось, «оунеры» приходят сюда не для того, чтобы выпить или поиграть, а для того, чтобы рассказать друг другу, кто из них хуже всего обращается с работниками. И чем жестче были методы, тем восторженнее они приветствовались остальными.

«Стервятники. Вам бы лишь бы бить, рвать, унижать! – злилась я. – Для вас никто не имеет ценности. Лишь бы брюхо набить и обогатиться».

Больше всего обсуждался не кто иной, как Халк. Янка оказалась права: он-то уж неизменно занимал первые позиции по жестокому обращению с людьми на своем ранчо. И ничего кроме благоговения не было написано на лицах слушателей этих историй. Благоговение и зависть. К тому, что у самих пороку не всегда хватало бессмысленно мучить и причинять боль другим.

«Уроды! – выругалась я мысленно. – Жалкие слабые уроды мужского пола!»

Внезапно мои мысли были прерваны окликом из-за соседнего стола. Заказ на пиво сделал тот самый владелец прачечной. Не стоило упоминать, насколько велико было мое удовлетворение, когда на мой браслет в качестве чаевых от него упала одна десятая балла.

Сказав «Спасибо, сэр» и улыбнувшись во весь рот, я со злобной удовлетворенностью подумала, что его код уже передан Бобу. Оставалось только ждать, когда мы сможем обратить полученные данные себе на пользу. А в том, что это случится, я, как ни странно, не сомневалась.

Время. Только время. Это все, что нам требовалось.

Вечер после работы прошел скучно. Янка куда-то убежала сразу, как только часы пробили шесть. Боб, к которому я зашла перед тем, как подняться к себе, радостно заверил, что исправно получил все коды с датчика, после чего сразу же углубился в компьютер, где и провел, как мне показалось, весь день. Даже не притронулся к купленным специально для него в супермаркете котлетам.

Покинув кладовую гения, я пошла к себе. Почитала какой-то дешевый любовный роман про «белоконных» принцев, неизвестно где раздобытый Янкой, пожевала йогурт, большую банку которого не смогла осилить с утра, и отправилась спать.

Постепенно начало казаться, что ничего особенного, собственно говорят, не происходит. Ну, висит у меня датчик, что-то считывает. Никто его не замечает, и ничего с его появлением в жизни не изменилось. Те же лица, те же пепельницы и подносы, те же нахальные разговоры пьяных «оунеров». Пока однажды вечером Боб не залетел в мою комнату.

Шел восьмой день с тех пор, как мы прикрепили датчик к моему браслету. Дверь, которую я благополучно позабыла закрыть, резко распахнулась, едва не ударившись о стену, а взъерошенный больше обычного Боб загомосил с порога.

– Шерин, я закончил! Я понял, как они работают!

Отчитав гения за непредусмотрительность, я быстро сгребла его за руку, и, прихватив по пути Янку, мы собрались у него в комнате, которая по молчаливому согласию стала считаться штабом. Боб, задыхаясь от волнения, начал быстро рассказывать, что, наконец, отыскал зависимость кода от браслета, понял, как интерпретировать его уникальность, а самое главное, как на этой основе воссоздать новый код, способный напрямую послужить нашим целям.

– И что ты собираешься теперь делать? – спросила я, чувствуя, что мы вплотную приблизились к важной разгадке.

Мы все трое сидели очень близко друг к другу, возбужденные почти до истерики. Ни дать, ни взять орава юнцов, нашедшая карту сокровищ и поверившая, что они реальны. Боб непрерывно теребил воротник своей клетчатой рубаш-

ки, Янка то терла пухлые ладони, то бессознательно выгибала пальцы, будто они ей мешали.

– Наверное, буду пробовать, – тряхнув длинной челкой, заявил Боб.

– Давай сразу мне тоже! – жадно попросила Янка. – Я тоже хочу! Хоть сотенку накинь на мой тоже.

– Да погоди ты, Ян! – запротестовал Роберт. – А что, если что-то пойдет не так? Надо же проверить сначала.

– Так что, датчик больше не нужен? – спросила я. – Может, снять тогда?

– Ну, можешь и снять. Но я бы оставил на всякий случай. Вдруг нам еще коды понадобятся...

– Ладно, оставлю пока. Все равно вроде никто не заметил.

В тот вечер мы долго сидели в его комнате. Вопросы multiplied, и хотя ответов на них не было, да и пока быть не могло, мы долго не расходились. Нам казалось, что вот оно – мы пересекли невидимую черту, мы узнали что-то запретное и теперь навеки связаны невидимой клятвой. Уже совсем скоро секрет, являвшийся наваждением Боба с тех самых пор, как ему впервые пришла идея разобрать браслет, обещал раскрыться и представить взору скрытое переплетение тайн. Только под самый вечер, когда оконные просветы из оранжевых превратились в темно-синие, а затем и совсем черные, мы покинули «штаб». Не знаю, спал ли в ту ночь Боб, или же сидел за монитором до самой зари, а вот мне, ерзающей на кровати, заснуть не удавалось никак.

Получится ли у него? А вдруг что-то пойдет не так? А если все пойдет именно «так», не забудет ли обезумивший от счастья компьютерный гений подкинуть баллов и нам, прежде чем сбежит в распахнутые ворота тридцать третьей зоны? Да нет, не должен. Боб не такой. Он никогда не забудет нашу помощь.

Одно было ясно наверняка – завтра что-то изменится. В который раз жизнь, делавшая много резких поворотов, взлетов и падений, заложит очередной вираж. Я уже почти физически ощущала свист ветра в ушах, чувствовала развевающиеся за спиной волосы. Успею ли я отрастить крылья, прежде чем сигану с вершины в неизвестность?

Утомленная переживаниями, я закрыла глаза.

Слишком многое обещало измениться.

Слишком многое и изменилось. Вот только никто из нас в тот вечер не смог бы предположить, как именно.

* * *

Моя смена уже подходила к концу. Примерно за час до моего ухода я увидела, как в игровой зал вошел Халк. Стараясь избегать его и сопутствующих неприятностей, я крутилась либо возле бара, либо у самых дальних столиков. Раз или два я все же столкнулась взглядом с Халком. В эти моменты мне хотелось втянуть голову в плечи и нажать кнопку «раствориться». Взгляд его был ровным, немигающим, без

единого намека на эмоции и от того чем-то напоминал застывшего на ветке питона в ожидании добычи.

Однако я старалась не приближаться, и все обошлось без инцидентов.

Часы пробили шесть.

Скинув туфли и форму в раздевалке, я переоделась в старенькие джинсы и кроссовки, схватила полиэтиленовый пакет, заменявший мне сумку, и выскользнула на улицу. Янка сказала, что сегодня задержится наверху, а посему путь домой мне предстоял в одиночестве. Добежав до остановки, я тут же запрыгнула в автобус, автоматически высчитала какую-то нехитрую формулу (никогда бы не подумала, что сильна в математике) и заняла место у окна.

Тихие улочки Тали неторопливо проплывали мимо. Солнце все еще пекло прогретую за день землю, но уже не так жаро, как в дневные часы. Мы проехали мимо нескольких магазинов, у одного из которых стоял мороженщик с лотком. Нехитрая мелодия привлекала внимание немногочисленных прохожих, но те не спешили тратиться на лакомство, несмотря на жаркий вечер.

«А вот я бы сейчас навернула пару эскимо, – тоскливо подумалось мне, и рот тут же наполнился слюной. – Интересно, когда в следующий раз я не буду думать о том, что мне не хватает на мороженое?»

Когда автобус остановился на «Бэль-Оук», я вышла и некоторое время постояла на месте, размышляя, не зайти

ли в супермаркет, чтобы купить фруктов для Боба. Нужно же его талантливые мозги чем-то подпитывать. Но вот какие именно он предпочитал, я не знала, а купить всех понемножку выходило накладно. Поэтому я благоразумно решила, что сначала поинтересуюсь деталями у него, а затем, если понадобится, снова сбегая до супермаркета.

Переждав несколько машин, я перешла дорогу и направилась к дому.

Старенькие кроссовки приятно пружинили по вытертому ворсу ковра, когда я поднималась по лестнице. Интересно, сколько еще они продержатся, прежде чем разойдутся по швам? И во сколько мне обойдутся новые? Не иначе как баллов в сто. Нужно будет сначала поинтересоваться у Янки, нет ли у нее знакомых, торгующих обувью. Может быть, поношенной обувью.

Я с сожалением еще раз глянула на свои серые в сеточку. До чего же я к ним привыкла. Кто же знал, что однажды мне, владелице собственного магазина, придется думать о чужих поношенных ботинках? Но как выяснилось, бывает всякое...

Поднявшись на второй этаж, я легко зашагала по коридору. Сначала я не обратила внимание на непривычную тишину, стоящую вокруг, но по мере приближения к Робертовой двери, меня начала одолевать тревога. Почему не работает ни один телевизор? Или хотя бы радиоприемник? Почему не слышно голосов? Затем моего носа достиг странный, едва

уловимый, но неприятный запах. Сладкий и густой.

– Боб? – зачем-то спросила я вслух в пустом коридоре. Шаги мои произвольно замедлились. Чувствуя, как вспотели ладони, я нервно вытерла их о джинсы и оглянулась. Позади никого не было. Все так же пусто и тихо. Как в склепе, черт бы его подрал!

Заставив себя двигаться вперед (да какие у меня причины, чтобы стоять посреди коридора, в конце концов), я сделала еще несколько шагов, но через секунду ноги снова сделались ватными. Дверь Роберта находилась всего в нескольких метрах.

– Давай же! Иди, чего встала, глупая! – подбадривала я себя, бормоча под нос. – Все у него в порядке. У всех все в порядке, ну, подумаешь, тихо. Делов-то...

Чтобы окончательно не поддаться неосязаемой панике (голос внутри меня пронзительно верещал об опасности), я намеренно ускорила шаг и оказалась у самой двери. Противный запах усилился.

– Боб? – я постучала костяшками под самым номером двести восемь и к своему ужасу почувствовала, что дверь медленно открывается внутрь. Противный протяжный скрип хирургическим скальпелем прорезал плотную тишину. – Боб, ты здесь?

Сначала я увидела его руку и ногу. Нога была согнута в колене, а рука болталась вдоль тела. Тело сидело на стуле, голова упала на стол, щекой прижав несколько обрезанных

кабелей. Затылок был красным, кровь залила спину и стол, проложила дорожку по свисающей руке и табурету. Запах стоял тошнотворно сладкий.

Не думая, что делаю, я резко развернулась на месте, хлопнула дверь и упала на четвереньки, стараясь отдышаться и справиться с рвотными позывами.

«Боб, нет...»

Перед глазами всплыло тело, сидящее у стола за дверью.

Я кое-как сдержала еще один тошнотворный спазм.

Затем, споткнувшись на слишком мягких руках и ногах, вскочила и бросилась к лестнице.

«Господи... Господи... Боб!.. Только не это!»

Мне казалось, что я не бегу, а безобразно переваливаюсь, как объевшееся насекомое: конечности не хотели координироваться, руки нелепо разлетались в стороны, ноги едва двигались, волоча за собой кроссовки, как пудовые гири.

«Янка... Где Янка? – промелькнула бессвязная мысль. – Куда? Куда...»

Я не знала, куда бегу, куда стоило бежать и о чем в первую очередь стоило думать. Логика, вероятно, бежала вперед меня, и догнать ее не представлялось возможным. Я будто пыталась удрать от преследующей меня по пятам тени Роберта. Роберта, который никогда уже не поднимется со своего места у компьютера.

– Боже мой! – продолжая бежать, я вдруг разревелась в голос и, не достигнув собственной двери, запнулась и упа-

ла на ковер. Спутанные волосы плотной бахромой облепили лицо, вывернутая лодыжка прострелила болью. Прижав к себе ноющее запястье, на которое я неудачно приземлилась, я стояла на коленях и захлебывалась в истерике, не в силах понять, что же делать дальше.

Когда рядом остановились чьи-то ноги, я едва только успела поднять голову, прежде чем на нее опустилось что-то тяжелое.

Мир качнулся, превращаясь в переплетение красных и черных линий, свернулся в черную точку и исчез.

– Да, это она! Это она все подстроила! И мой сосед! – высокий визг Янки стальным прутом царапал сознание. Голова пульсировала болезненными толчками.

Я сидела со связанными руками на стуле в кабинете Роджера, опустив голову, чувствуя, как разбитый затылок продолжает сочиться кровью.

«Сука...» – крутилась одна единственная мысль. «Ну и сука же ты...»

Двое неприметных парней с угрюмыми лицами стояли возле стула, вероятно, те же самые типы, что убили Роберта. Несколько раз я видела их входящими в кабинет Роджера, но не придавала этому значения. Помимо них в кабинете присутствовал сам хозяин «Поло-Гранд» и еще несколько мужчин, среди которых я узнала тех, с чьих браслетов мы снимали заветные коды. В самом углу я наткнулась на сидяще-

го со скрещенными на груди руками Халка. Лицо его было непроницаемым, но взгляд заставил меня поморщиться.

– У нее есть датчик! Прикреплен под браслетом! Вот проверьте, он наверняка еще там. Она сама мне рассказывала, как они собирались стырить баллы.

Я долго и тяжело смотрела на Янку. Кожа на ее лице была неестественно бледной, почти белой, с хаотично разбросанными на щеках ярко-красными пятнами. Она напомнила мне снеговика, чье лицо было наспех измазано свеклой. Мой взгляд она выдержать не смогла, отвернулась и, словно поганый маленький щенок, снова заскулила, пытаясь уцепиться за руку Роджера. Тот отпихнул ее с видимой неприязнью и кинул парням.

– Найдите датчик.

Спустя секунду датчик был обнаружен и изъят. Гнетущее молчание повисло в кабинете, только багровое лицо Роберта будто полыхало огнем в приглушенном освещении кабинета.

Я старалась ни на кого не смотреть, даже не пытаюсь справиться с оторопью, которая вогнала мое сознание в состоянии апатичного шока.

«Вот как, значит, все произошло... Кто бы знал, что среди нас есть предатель. Мерзкая сука, теперь ты пытаешься спасти свою шкуру, прикидываясь невиновной... А Боб погиб... Его голубые остекленевшие глаза теперь смотрят в поверхность стола. И ему уже никто не поможет...»

– Как вы узнали, Родж?

Это был низкий голос Халка.

– Система. Центральная система оповещения подняла тревогу, когда он снял первый бал, с помощью полученных кодов. Он и забрал-то немного, всего с десятков от разных владельцев. Однако он не учел, что если проделать любую операцию с браслетом, в то время как его владелец находится слишком далеко от того, кому перечисляет баллы, включится система тревоги. Мне сразу позвонили из отдела безопасности. И теперь, благодаря ей, этой твари, – Роджер зло взглянул в мою сторону, – мое заведение могут прикрыть.

– Ты это серьезно? – спросил стоявший у стола усач, которого я тоже неоднократно видела в игровом зале.

Роджер нервно потер гладко выбритую щеку.

– Я надеюсь, что все обойдется. Того человека, который первым мне сообщил об этом, я хорошо знаю. Он не разнесет информацию дальше, я ему дорого заплатил. Данные о происшедшем уже удалены из базы. Хакера я тоже убрал. Избавился от всей электроники, конечно. Остались только эти...

Роджер указал на меня, не забыв заодно злобно зыркнуть на Янку.

– Еще неизвестно, как вторая к этому примешена...

– Я никак не примешена! Я ничего плохого не делала, ты же меня знаешь! – Янка начала хлопать носом, размазывая соплю по подбородку.

– Заткнись! – оборвал он ее. – У меня нет ни времени, ни желания в этом разбираться.

– Ты думаешь, больше такого не повторится? – настороженно спросил один из сидящих мужчин.

– Нет. Я гарантирую. Я для этого и собрал вас – доверенных лиц, чтобы сразу прояснить ситуацию. Вы можете безбоязненно приходить в клуб, не боясь подобных происшествий.

– Хорошо бы, – забубнило сразу несколько голосов. – Потому что, если что, власти не обойдут нас стороной.

– Все в порядке, джентльмены. Осталось только решить, как быть с этими двумя. Я смогу умаслить судью за убийство одного, но если пришью еще двоих, придется отдать слишком много денег. И то неизвестно...

– Но ты же не можешь их оставить в живых? – нервный сухонький мужчина напугано взирал то на меня, то на Янку.

Роджер стоял хмурясь, раздумывая над чем-то. В воздухе зависло ожидание, каждый хотел услышать, что будут приняты все меры по обеспечению их безопасности.

В этот момент я будто абстрагировалась от происходящего. Это какой-то бред, весь этот Тали бред. Всего этого вообще не должно было случиться. Я обычный нормальный человек, владелец собственного бутика, никогда никому не переходила дорогу, даже врагов-то толком не имела. А теперь сижу непонятно где, окруженная коррумпированными головорезами, прикидывающимися кроткими овечками, которые раздумывают, как от меня избавиться. Да еще эта Янка, будь она проклята. Мне вспомнилась, как она в первый

раз пришла ко мне за джемом...

Голос Роджера нарушил мои мысли.

– Господа, я не могу передать этих девиц властям, пусть даже их, скорее всего, приговорят к казни. Прежде всего, мне не выгодно, чтобы любая информация выплыла за пределы Поло. У меня слишком много уважаемых клиентов, чтобы рисковать. Но вам не о чем беспокоиться, я позабочусь о них сам. К утру они уже будут мертвы.

Все. Он принял окончательное решение.

На короткое мгновение я перестала дышать. Я, конечно, подозревала, что навряд ли мне повесят на шею корзинку с пирожками и отправят восвояси, но все же надеялась остаться живой.

– Ро-о-оджер... – мгновенно раздался скулеж Янки, прерываемый икотой и хрипом, – ты не можешь меня так... Я ничего не сде-е-елала...

– Заткни пасть, сука!

Повернувшись к тем двум, что стояли за моим стулом, он приказал.

– Заберите их куда-нибудь! Видеть уже не могу.

Ко мне уже тянулись безжалостные руки убийц Роберта, когда неожиданно раздался голос Халка. Его фраза заставила замереть всех, кто уже начал подниматься со своих мест.

– Родж, отдай их мне.

Все лица одновременно повернулись в сторону сидящего в кресле мужчины.

– Зачем они тебе? – удивился тот. Убийца, схвативший меня за плечо тоже замер.

– Ну, во-первых, я хочу выяснить, не был ли кто еще причастен ко всему этому, – пальцы Халка неторопливо крутили и поглаживали незажженную сигару, – а во-вторых, мне нужны рабочие руки. Ранчо большое, сам знаешь.

Роджер, как ни странно, казалось, почувствовал облегчение от его просьбы.

– Ты, наверное, просто позабавиться хочешь вот с этой! – усатый сально улыбнулся Халку, оттягивая мою прядь волос в сторону. Я резко дернула голову в сторону, чтобы избавиться от прикосновений мерзкого пахабника. – Строптивая кобылка!

– Забирай, если хочешь, – пытаюсь казаться равнодушным, ответил Роджер. Но в его глазах явно светилась радость. Все-таки не хотел он марать руки еще двумя убийствами. То ли денег жалко, то ли совесть у него была. В последнее я бы не поверила даже под прицелом.

Вместо этого я хмуро взирала на Халка. Смерть, вроде бы, отступила. Но вот надолго ли? И какая жизнь может ждать с таким... как этот? Я опустила все еще отдающую болезненной пульсацией голову и вздохнула. Да пусть оно будет, что будет. Не было сил ни переживать, ни бояться, ни хотеть чего-либо. Завтра утром я еще буду жива. И это пока главное.

Однако перемена ситуации не совсем удовлетворила нервного мужчину, который до этого больше всех жаждал

нашей смерти.

– А если они попробуют бежать? Что тогда?

– Найду и убью, – только и ответил Халк.

Я вздрогнула, когда встретилась с его абсолютно бездушными, как мне показалось, серыми глазами.

Глава 10

Куда и сколько мы ехали, я не запомнила. Запомнила лишь очертания темного, проплывающего за окнами машины города, которые вскоре сменились сельским пейзажем, да еще натужное сопение Янки. Со мной она не разговаривала. Я, чувствуя презрение и отвращение, и вовсе не горела желанием нарушать тишину.

Через какое-то время машина въехала в распахнувшиеся со скрипом ворота и остановилась.

Нас выпихнули где-то на заднем дворе огромного дома, возвышающегося белой громадой на фоне черного неба, и тут же разделили. Один из мужчин, вероятно служащий Халка, увел Янку по темной аллее, скрывающейся за углом здания, меня же повели в другом направлении. Следуя за проводником (Халк, отдав ему несколько команд, исчез в темноте), я прошла через коридор в одном из боковых крыльев дома и оказалась перед дверью. Мужчина отпер ее ключом, подтолкнул меня внутрь и закрыл замок с обратной стороны. Оказавшись одна, я огляделась по сторонам, пытаюсь рассмотреть окружающие предметы насколько позволял сумеречный свет, льющийся из окна. По всему выходило, что это маленькая комната со стоящей в углу жесткой кроватью, тумбой и столом. На противоположной стороне комнаты я заметила еще одну дверь, выходящую, по всей видимости,

на улицу. Я сделала несколько шагов (деревянные половицы скрипнули под ногами) и потрогала ручку. Заперто.

Вздохнув, я несколько секунд постояла у окна, глядя на небольшую залитую лунным светом лужайку и темные силуэты деревьев, после чего подошла к кровати, скинула обувь и забралась на жесткий матрас, покрытый темным покрывалом. От души понадеявшись, что под ним есть хотя бы простынь, я рукой пощупала тонкую небольшую подушку и снова огляделась. Не увидев ни одного выключателя или настенной лампы, я подняла глаза к потолку и обнаружила, что лампочка отсутствует. Значит, нечего пытаться и искать. Света здесь нет. Как нет и ничего похожего на ванную комнату.

Как это часто бывает в таких случаях, мне тут же захотелось в туалет, но я постаралась отвлечься, надеясь, что смогу протерпеть до утра.

Голова все еще казалась опустошенной, не способной связанно мыслить, чувства притупились и залегли на дно. Бесконечно длинный день с чередой немислимых событий то всплывал в памяти, то растворялся, уступая место бездумному молчанию в тишине. Через какое-то время мысли возвращались и атаковали с новой силой. Я вяло отмахивалась от них, но они, будто стая пираний, продолжали хищно кружить в изболевшемся, утомленном сознании.

Куда я попала? Что я буду здесь делать? Принесет ли мне кто-нибудь поесть? Куда отвели Янку? Когда состоится разговор с Халком? Раб ли я? Смогу ли накопить хоть сколь-

ко-нибудь баллов теперь? Устав от вопросов, неспособная даже нервничать, я отодвинула покрывало в сторону и, не снимая одежду, легла на кровать. Это моя новая камера. Без вида на горы и простой, но ставшей привычной кухни. Отвернувшись к стене, я впервые за много лет помолилась, чтобы мое будущее хоть как-нибудь изменилось в лучшую сторону. Не знаю, слышал ли меня Бог, но, уже сомкнув веки, я все еще продолжала просить о лучшей доле, пока, наконец, не уснула.

* * *

Халк поднялся в свой кабинет, расположенный на втором этаже, сложил привезенные из города бумаги в один из ящиков стола, подошел к комоду, на котором лежала упаковка с сигарами, и взял одну. После чего распахнул высокие стеклянные двери балкона и вышел на террасу. Заняв любимое кресло, он неторопливо раскурил сигару и с наслаждением выдохнул ароматный дым в прохладный ночной воздух.

Через несколько минут на террасу вышел еще один человек и, не спрашивая разрешения, опустился во второе кресло, стоящее по другую сторону от небольшого кофейного столика. Лицо его, начиная от виска и до подбородка, пересекал длинный неровный шрам. Когда-то, вероятно, он был очень глубоким, но с годами превратился в продольную борозду, похожую на высохшую змейку – белый, изогнутый,

пожухший. Словно отзвук давно минувших событий.

– Как дела, Грег? – не поворачивая головы, спросил Халк.

Начальник стражи неуклюже размял широкие усталые плечи и откинулся на спинку, довольный возможностью отдохнуть после долгого дня.

– Нормально. Сегодня почти без происшествий. Даже на кукурузе. Были какие-то в каменоломне, но так, пустяки. Ничего необычного.

Халк кивнул. Он знал, что если бы случилось что-то из ряда вон, то Грег бы нашел метод оповестить его. Вдыхая аромат влажной травы и цветущих полей, он неторопливо покручивал в пальцах сигару. Собеседник был чем-то озабочен, Халк слышал это в его дыхании и едва уловимом шорохе одежды, но спрашивать ничего не стал. Если это что-то важное, то он непременно об этом узнает. Сейчас или пару дней спустя.

– Вы привезли еще двоих, – раздался в тишине голос Грега. Но вопрос. Утверждение. – Зачем? У нас хватает рабочих.

Халк помедлил с ответом.

– Так надо. Завтра с утра я уезжаю в город, ты остаешься за главного. Я еще не провел с ними ознакомительной беседы, сегодня уже поздно. Поэтому займи их завтра чем-нибудь, чтобы не прохлаждались. Я вернусь вечером.

Грег озадаченно пожевал губы.

– Занять их чем-нибудь полегче или потяжелее?

– Определи сам. Главное, не давай расслабляться.

– Понял. Что если начнут взбрыкивать?

– Бей.

– Угу. Вам, как я понял, они не очень важны?

Какое-то время Халк молчал. Ночной ветерок шевелил пряди его светлых волос и закручивал белый дым, идущий от сигары, в замысловатые спирали.

– Время покажет, – он посмотрел на сидящего рядом мужчину. – Отправляйся спать.

* * *

Я проснулась, когда рассвет только занялся. В окна просачивался тусклый розоватый свет выбирающегося из-за гор солнца, окрашивая стены комнаты в скудное подобие бежевого. Перевернувшись на кровати, я некоторое время лежала с открытыми глазами, неохотно прокручивая в голове все, что произошло вчера. Позор. Стыд и позор, как все обернулось...

Что ж, я в доме этого Халка. Что принесет сегодняшний день? Какие еще сюрпризы меня ожидают впереди?

Выбравшись из-под покрывала, я застелила кровать и усеялась сверху. Отчаянно хотелось в туалет. В коридоре уже слышались чьи-то шаги и голоса, но в мою комнату пока никто не входил. С одной стороны, это приносило некоторое облегчение, ведь я не знала, что случится, когда за мной придут. С другой, желание справить нужду усиливалось с каж-

дой минутой, и через какое-то время (прошло пятнадцать минут, тридцать, час? Определить это я не имела возможности) я уже кружила по комнате, едва не попискивая от нетерпения. Когда же? Когда? Пусть хоть что потом говорят, только бы в туалет дали сходить.

Наконец, в замке внутренней двери что-то зашуршало, и на пороге я увидела огромного мужика с лицом, похожим на лопату. Одну из его щек уродовал длинный шрам, маленькие, глубоко посаженные глаза смотрели хмуро, но без неприязни. Он был одет просто: на здоровых плечах натягивалась черная рубаша из грубой материи, на ногах выгоревшие на солнце, выстиранные много раз синие джинсы. Вот только ботинки были далеко не простыми: высокие, с плотной, тугой шнуровкой и толстой подошвой, какие, в основном, носили военные. На широком поясе я заметила несколько ножен разной длины, а за ними – кобуру из черной потертой кожи.

Нервно сглотнув, я едва не попятилась назад. Сдержало только то, что я старалась держать ноги (в силу понятных причин) плотно сжатыми.

– Выходи, – бросил пришедший коротко, – и иди за мной.

– Туалет! – пискнула я жалобно, чувствуя, как щеки заливаются краской. Как же жалко я, должно быть, выгляжу.

– Туалет прямо по коридору, – ответил мужчина, развернулся и вышел из комнаты.

Преодолев коридор скачками, я влетела в маленькую ком-

нату и шумно выдохнула от облегчения, когда накопившаяся влага, наконец, вышла наружу. Теперь можно выдержать любые пытки. Я едва не рассмеялась от комизма ситуации. Как же мало человеку надо, чтобы почувствовать себя счастливым. А ведь я в тюрьме. Даже в двух. Сначала Тали, а теперь еще и это ранчо.

Наспех оправив мятую после сна одежду, я посмотрела на свое бледное отражение в зеркале, кое-как расчесала пятерней спутанные кудри и вышла наружу, к ждущему у дверей мужчине.

Мы стояли в просторном холле первого этажа, рядом со мной уже была маленькая тележка со всевозможными чистящими средствами. Здоровый мужик ушел, передав меня на попечение одной из служанок дома. Ей оказалась низкорослая крепкая женщина с неулыбчивым ртом и узкими черными глазами. Мария. Ее смоляные волосы были повязаны косынкой, объемную талию перехватывал чистый, надетый поверх темного платья, передник.

– Сначала протрешь пол тряпкой. Только хорошо отожди ее сначала, потому что паркет нельзя сильно мочить, – инструктировала она, параллельно жестикулируя в сторону тележки, – потом возьмешь вот это...

В ее руках появилась какая-то бутылка с нарисованными половницами на этикетке.

– ...побрызгаешь этим средством на каждый участок. За-

тем уже отполируешь воском, – Мария показала мне новую банку со дна тележки. – Когда закончишь, позовешь меня, я проверю. Поняла?

Я кивнула. Что еще я могла ответить? Когда она ушла, я подвязала на животе майку, завязала волосы на затылке и принялась за работу.

На полировку паркетного пола у меня ушло почти полдня. Все это время я, скрючившись, тщательно протирала каждый уголок, каждую досточку, метр за метром. Иногда мимо ходили люди, но на меня никто не обращал внимания. Халка видно не было. Шоркая туда и обратно тряпкой по полу, я одновременно рассматривала окружавшие меня предметы. Убранство дома было шикарным. Кожаная мебель, позолоченные дверные ручки, ковры на лестницах и картины в тяжелых резных рамах на стенах. Солнце через огромные окна первого этажа заливали холл, незаметно переходящий в гостиную, ярким искрящимся светом, подчеркивая бледное сияние золотистых обоев.

Часы в холле показывали девять утра, когда я только принялась за уборку, и половину третьего, когда я, наконец, поднялась с колен, вытерла лоб и пошла за Марией.

После того, как служанка критично осмотрела паркет, она приказала мне укатить тележку в кладовую. Я сочла, что таким образом можно считать мою работу одобренной и, избавившись от тележки, вернулась в холл, чтобы следовать за

ней.

Женщина вывела меня в широкий внутренний двор, мощный плоскими булыжниками, и приказала ждать у крыльца. Пока она отсутствовала, я с наслаждением вдыхала свежий воздух, подставив лицо солнечным лучам. Вдалеке виднелось поле, засаженное какими-то высокими растениями. Мне были видны многочисленные голые спины рабочих и фигуры мужчин, одетых в темное, держащих что-то в руках. Я изо всех сил надеялась, что это не хлысты. Однако, судя по движениям, это были именно хлысты. Я сглотнула. Похоже, что это именно то ранчо, которое я однажды видела из автобуса. Приглядевшись, я сумела рассмотреть забор, поблескивающий на солнце колючей проволокой. Да, именно так. Этот тот самый особняк.

По двору то и дело сновали люди: кто-то катил из боковых дверей тележки, кто-то нес строительные доски, кто-то возвращался в дом из подсобных помещений. Охранники здесь были тоже. Их выдавали жесткие лица, простая, но добротная одежда и арсенал прикрепленных к поясу предметов: те же хлысты и дубинки. Надзиратели, как я вскоре поняла, не присматривали за каждым, кто перемещался по территории, но курсировали в разных направлениях, окидывая взглядами территорию в целом. Случись что-то, они моментально бы сбежали к источнику проблем. Беглый осмотр дал понять, что ранчо, по всей видимости, было огромным. Оно едва ли ограничивалось тем полем, что виднелось отсюда,

скорее всего на бесконечных акрах земли ведутся многочисленные стройки и работы, не говоря уже о других полях, засаженных агрикультурами. Ровность посаженных низких деревьев вдалеке за полем напоминала не что иное, как виноградники. Сказать наверняка было трудно, но мне казалось, что это именно так. Значит, здесь есть даже собственная винодельня. От обширности владений хозяина у меня едва не закружилась голова. Я глубоко втянула воздух и медленно выпустила его обратно. Это же сотни и сотни рабочих. И наверняка, чтобы следить за всем этим, требуется не меньшее количество надзирателей. Ведь все эти рабочие – преступники. Вот это да...

Вернулась Мария, держа в руках веники и метлы.

– Выбери, какая нравится и выметай двор. Затем его надо будет ополоснуть из шланга, найдешь вон там, – она махнула рукой в сторону выемки в стене, где я заметила кран и скрученный кольцами резиновый шланг.

– А когда закончу? – спросила я.

– Ты думаешь, это так быстро? Это кажется. Двор большой, чистить надо хорошо. Иначе хозяин заставить переделывать. Когда закончишь, найдешь меня, я покажу мусор, который надо будет вынести с кухни. А после мусора нужно будет убрать срезанный за домом кустарник и отнести в печь. Сжечь. Потом разобрать мешки с продуктами в кладовых, а потом...

Она продолжала и продолжала перечислять бесконечный

список дел, а я слушала в пол-уха, рассматривая пейзаж, надеясь, что все это нужно закончить не к сегодняшнему вечеру. Когда Мария, наконец, ушла, я подумала, что неплохо было бы поесть, но так как мне никто этого не предлагал, я решила не искушать судьбу собственноручными поисками, а лишь покорно подняла с земли метлу и принялась мести двор.

В течение следующих трех часов я старательно выметала и мыла булыжники. Работа двигалась медленно, но я не торопилась. Меня никто особенно не подгонял, хотя изредка я видела на себе внимательные взгляды прогуливающих мимо охранников. Иногда они останавливались неподалеку, чтобы покурить или перекинуться словечком, затем вновь расходились, оставляя меня мести дальше. Я рассматривала проходивших мимо рабочих, пыталась угадать, чем они заняты, что чувствуют, находясь здесь. Как ни странно, но лишь немногие выглядели несчастными или подавленными. Большая часть выглядела вполне довольной существованием на ранчо. Может быть, им платили достаточно? Или же владелец предоставлял какие-то иные блага, о которых мне пока было неизвестно? Так или иначе, а я медленно вживалась в происходящее и даже успокаивалась. Ну и что, что работа. Ну и что, что пыльная. Физический труд никогда не пугал меня, а пока на горизонте маячило обещание быть накормленной и под какой бы то ни было, но все-таки крышей,

я была вполне согласна мириться со своей участью.

Я понимала, что если сбегу, то буду очень быстро поймана людьми Халка. И еще неизвестно насколько он расположен ко мне сейчас. Может, если я буду послушной, буду прилежно работать, то получу его снисхождение и даже оплату. Если же разозлю с самого начала, то мои шансы на сносную жизнь резко сократятся. Предположим, я даже смогу сбежать и укрыться где-нибудь. Что тогда?

Мысль, пришедшая в голову следом, настроения не подняла. Скорее всего, он просто заявит о моем побеге властям, свяжется с Роджером, и они оба выставят меня в таком свете, что мне действительно назначат смертную казнь. Я нисколько не сомневалась, что слова «смертная казнь» здесь именно это и обозначали. Репутация Роджера, конечно, пострадает, но остановит ли его это? Мне так, отнюдь, не казалось. Да и где укрываться? Кроме Роберта и Янки я никого не знала. Да и какой смысл укрываться, если при первом же использовании браслета мое местонахождение будет обнаружено? Никакого. Меня никто не будет кормить и поить за свой счет, а передавать накопленные баллы кому-то другому для покупки продуктов возможности нет.

Еще вчера я с удивлением обнаружила, что все, что я накопила за время работы в «Поло» сохранилось. Всего сто двадцать три и две десятых балла. Никто их у меня не отобрал. Не много, но все-таки... А сто баллов – это уже десятая часть от тысячи. А десятая часть – это уже надежда на то,

что однажды мне удастся покинуть опостылевшую тридцать третью зону.

Вывод был один. Лучше оставаться живой и пытаться найти возможность копить дальше. Пока, как ни странно, ранчо Халка казалось не таким уж и плохим местом. Осталось узнать, собирается ли платить его хозяин, и если да, то сколько...

Размышления мои то прерывались проходящими мимо людьми, то опять возвращались к тем же вопросам. Про Янку я почти не думала. Наверняка, работает где-нибудь в другом месте. А видеть ее затравленное озлобленное лицо совсем не хотелось. Пусть сама думает над тем, что и как она делает. И сама же из этого выкручивается.

Когда я закончила домывать двор, солнце начало клониться к закату. Порядком уставшая от его жарких лучей, я с облегчением вытерла лоб и посмотрела на небо. Насколько я смогла судить по положению светила, было где-то около шести вечера. К тому времени я уже зверски проголодалась и с вожделием поглядывала на угол особняка, из-за которого выплывали аппетитные запахи. Должно быть, где-то там располагалась кухня. Заставив себя отвлечься от мыслей о съедобном, я какое-то время просто стояла, рассматривая окрестности, держа в руке шланг, из которого все еще текла тонкая струйка воды.

В закатных лучах это ранчо было похоже на цветущий оазис в пустыне. Когда горы приобрели знакомый ярко-оран-

жевый оттенок, зелень полей и виноградников красиво оттенилась зеленым и бордовым. Я предполагала, что бордовый цвет давали цветы каких-то растений, что цвели в это время года. Жаркий климат Тали наверняка позволял выращивать и собирать по несколько урожаев в год. Обилие тепла обеспечивало комфорт множеству видов плодовых культур, а если еще и воды было в достатке, то обеспеченность владельца могла зависеть только от количества рабочих рук, недостатка в которых, судя по всему, не было.

Оторвавшись от созерцания пейзажа, я убрала выбившиеся завитки волос за уши, вдохнула густо напоенный вечерними ароматами воздух, радуясь, что появился слабый ветерок, и отправилась сматывать шланг. Пора было приступать к следующему поручению Марии.

Еще через пару часов, когда небо начало приобретать густо-синий оттенок, а последние лучи солнца потонули за далекими горными вершинами, я, наконец, закончила с уборкой кустарника. Голод уже давал знать о себе негодующим урчанием, но кормить меня так никто и не спешил. Я сидела прямо на траве, на заднем дворе белокаменного особняка, и тоскливо смотрела на светящиеся окна и открытую дверь, откуда пахло чем-то жареным и сладким. Раздумывая, не отыскать ли Марию, чтобы осведомиться о правилах приема пищи, я, вытянув ноги, разминала уставшие от долгой ходьбы ступни. Кроссовки лежали рядом, здесь же, под ку-

стом. Открытая дверь все так же притягивала взгляд. Куда она ведет? В дом, очевидно. Если так, то это самый быстрый путь попасть в подсобное помещение и найти Марию.

Поднявшись, я бросила быстрый взгляд на первые высypавшие в небе звезды, отряхнула джинсы и направилась к двери.

Я оказалась права. Миновав коротенький проход, я попала напрямиком в одно из помещений кухни. В этот час здесь никого не было. Не было слышно даже голосов. Понимая, что мне не стоит находиться там, куда меня никто не приглашал, я все же шагнула внутрь, рассматривая убранство. Здесь были огромные серые раковины, приделанные к стене, длинный разделочный стол, большая плита со стоящими на ней огромными кастрюлями и чанами (беглый осмотр показал, что все они пусты) и множеством висящей на стенах кухонной утвари.

Я крадучись прошла вокруг стола, обогнула раковины и стеллажи с рядами сковородок разных размеров.

Вот это размах! Здесь можно варить на целую роту! Хотя, кто сказал, что здесь работает меньше, чем рота? Как бы не две или три, если не десять. Но почему никого нет? Неужели все поели? Не похоже, чтобы ели прямо здесь, скорее это место использовалось только для готовки. Но почему меня никто не позвал в столовую, если таковая имелась?

Я обиженно сглотнула и облизнулась. Запах четко указывал на то, что еда готовилась здесь и, может, еще где-то в

прилегающих комнатах. Но что бы тут ни готовилось, этого здесь уже не было. Кастрюли были вымыты, раковины и пол сверкали чистотой. Уже собираясь уходить, я бросила взгляд на столы и заметила на одном из них стоящую глубокую темно-зеленую чашку. Подлетев к чашке, я возликовала. Яблоки! На дне лежало всего три не очень крупных зеленых яблока. Никогда еще я не испытывала такой признательности к этим фруктам, как теперь. Зажав одно в кулаке (больше я брать побоялась, вдруг они все по счету?), я направилась к выходу из кухни.

Стоило мне шагнуть в коридор, как я увидела идущих в мою сторону охранников. За долю секунды моя душа ушла в пятки, а сердце забилось судорожно и быстро.

– Эй! Ты смотри! Она ворует еду с кухни!

Услышав именно то, чего боялась больше всего, я стремглав помчалась к выходу во двор, но уже через несколько секунд меня схватила чья-то рука, и я, задыхаясь, со всей силы рванулась в сторону. Ткань майки затрещала, моя рука уже было оказалась на свободе, но тут же снова была перехвачена другим охранником.

– А ну, стой! – раздался злобный голос. Теперь они держали меня с двух сторон.

Откуда-то, будто из воздуха, здесь же взялся и Грег.

– Что у тебя в руке? – заорал он. – Отдай, что у тебя в руке!

Я все еще отчаянно пыталась вырваться. Сопение, мое собственное и двух жлобов, держащих меня, смешалось в

одну натужную какофонию возни и борьбы.

– Разожми ладонь, говорю! – пыхтел охранник. Его липкие пальцы начали вырывать драгоценное яблоко, и я, перепуганная и паникующая, пытаюсь защититься, пнула его по голени. Раздалось протяжное «У-у-у», и он тут же саданул меня по ребрам в ответ. Я закашлялась.

– Крыса подзаборная! Воровка! Я тебе покажу...

– Эй-эй! Прекратите! – вмешался Грег. – А ты, ну-ка отдай, то, что сперла!

– Я ничего не перла, – кое-как выдохнула я. – Меня никто не накормил!

– Ты мне еще поговори тут! Кто разрешал шляться по дому? Покажи, что у тебя в руке!

– Не покажу.

– Ты мне не умничай! Я таких, как ты пачками объезжал!

Он больно сжал мой подбородок пальцами и потряс. Потом приблизил свое изуродованное шрамом лицо и прорычал.

– Я тебя научу, как здесь разговаривать! Ты за мной еще ползком ползать будешь, ботинки облизывать, сучонка...

Если раньше я и думала отдать яблоко, извиниться и покаяться, то теперь не на шутку разозлилась. Как они смеют так обращаться с женщиной? Их три амбала, а я одна – маленькая и уставшая. Ну, шагнула, куда нельзя, взяла одно яблоко, подумаешь, беда. Попросили бы по-человечески, и отдала бы сразу.

– Сам лижи свои ботинки, – так же зло процедила я в ответ, за что опять получила по ребрам и снова закашлялась. Вместо того чтобы канючить и извиняться, я разозлилась еще сильнее.

– Только и умеешь, что баб бить, подонок?

Грег размахнулся и на этот раз ударил меня по лицу.

На миг, от боли и шока, я перестала дышать. Теперь уже никакой логики в моей голове не осталось. Остался только гнев, пульсирующая от боли щека и непомерная обида. Ну уж нет, так не пойдет. Я качнула тяжелой головой, боясь шевельнуть челюстью, которая уже через секунду стала казаться разбухшей, словно была набита мокрой ватой.

– Ну, что? Быстро учишься? – Грег снова взялся за мой подбородок.

Я собралась с силами и плюнула ему в лицо.

Пусть лучше сразу убивают.

– Ах ты тварь... – казалось, он потерял дар речи. Слова вырвались из его рта с тихим свистом. Грег медленно стер стекающую по носу слюну, а потом его рука взметнулась в воздух так стремительно, что ткань его рубахи разошлась на плече.

Ну все. Это конец. Пусть лучше сразу, чем их каждодневные уроки. Я зажмурилась в преддверии печального конца, молясь, чтобы Господь забрал меня к себе сразу, а не дал остаться калекой.

– Остановись!

Знакомый голос прозвучал отрывисто и резко. Не веря собственным ушам, я боялась открыть глаза, все еще ожидая последнего удара. Но его все не было. Когда же я, наконец, осмелилась взглянуть, то увидела Халка, стоящего на лестнице.

Рука Грега зависла в воздухе, в глазах его появилось глупое растерянное выражение. Будто он уже воочию видел фильм, в котором показывали мой смачно расплющенный нос, а тут кто-то перекрутил его назад и нажал «стоп-кадр». С поднятой кверху рукой, Грег напоминал скульптуру, приготовившуюся метать не то диск, не то шар.

– Что здесь происходит? – Халк быстро приблизился. Его походка и жесты выдавали плохо сдерживаемый гнев. Пристальный взгляд скользил по мне, по охранникам, по Грегу, который к тому времени уже успел опустить руку.

– Эта девка здесь первый день, а уже прет продукты на кухне! – зло пояснил Грег.

– Это правда? – серые глаза обратились на меня, источая зимнюю вьюгу.

– Правда, – тихо ответила я. – Я взяла яблоко, потому что меня никто не кормил.

Я не знала, какой будет его реакция, но мне, по большому счету, было все равно. Я ужасно вымоталась за целый день. Голод и незнакомая ситуация до предела натянули нервы. Взрыв злости, произошедший со мной минуту назад, улету-

чился, оставив опустошенность и разбитость. Боль нахлынула с новой силой и теперь нещадно пульсировала в ребрах и голове. Облизнув губы, я почувствовала вкус крови.

Устав и обессилен, я разжала ладонь, и по земле с глухим звуком стукнуло и покатилося яблоко.

Какое-то время стояла тишина. Халк, вероятно, смотрел на меня, но я уже опустила голову и не могла сказать наверняка.

– Грег, сейчас же пойдешь со мной, – нарушив тишину, отрезал хозяин дома. – Вы двое, отведите ее сначала в изолятор, потом приведете в мой кабинет.

Отдав приказания, он круто развернулся и зашагал прочь.

Глава 11

– Ответь мне на один вопрос, Грег. Как ты думаешь, почему она украла яблоко? – Халк сидел в кресле, лениво и, казалось бы, расслабленно глядя на стоящего перед ним мужчину. Однако в глазах его светился опасный огонек. Грег за все годы работы как никто другой научился распознавать его раньше других. Это умение много раз спасало ему если не шкуру, то, по крайней мере, зад.

– Она стащила яблоко, потому что такие как она всегда что-нибудь тащат! – выплюнул Грег со злостью.

– Попробуем еще раз. Грег, почему она украла яблоко?

– Я же ответил!

– Попытка номер три... – огонек разгорался все сильнее.

Глядя на сидящего в кресле Халка, Грег едва заметно пожегся. Черт бы подрал его начальника. От его внимания ничто не ускользнет.

– Она украла его, потому что ходила где попало и брала все, что плохо лежит.

– А почему она ходила где попало? – Халк лениво сплел пальцы и вопросительно посмотрел на него. Грег ослабил воротник рубашки, будто тот слишком плотно сдавливал шею.

– Откуда я знаю почему! Потому что любопытная шибко...

– Грег, не зли меня.

– Чего ты от меня хочешь, Халк?! Чтобы я что тебе сказал? Еду она там искала, наверное.

– А почему?

– Потому что голодная была! – не выдержал он, взрываясь. – Эта девка посмела в меня плюнуть! Распустила язык, а потом плюнула! Я вообще должен был ее пришибить! Нет, еще и на глазах у охранников посмела...

Глядя на побагровевшее от злости лицо Грега, Халк не проявил ни единой эмоции. Разве что желвак на его челюсти дернулся и застыл.

– Заткнись, – холодно отрезал он, – и отвечай на мои вопросы.

Словесный поток Грега был молниеносно прерван.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.